

Елена Григорьевна Сойни – старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук, член Союза писателей России.

Русско-финские литературные связи начала XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1998.

Северный лик Николая Рериха. Самара: Агни, 2001.

Kultainen kuherruskausi [Золотой медовый век. Образ Финляндии в русском искусстве на рубеже XIX–XX вв.]. Helsinki: Gummerus Ajatus kirjat, 2005.

Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М.: Наука, 2009.

Е. Г. Сойни СОЛОНЕВИЧИ И СЕВЕР

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

KARELIAN RESEARCH CENTRE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY

Helena Soini

THE SOLONEVICHES AND THE NORTH

Finland in the literary heritage of the Soloneviches
and the major features of publicism in Finland
of 1930s.

Petrozavodsk
2010

Е. Г. Сойни

СОЛОНЕВИЧИ И СЕВЕР

Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов

Петрозаводск
2010

УДК 821.161.1(470.22+480)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С58

Рецензенты:

д. филол. н., главный науч. сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН Ю. И. Дюжев;
канд. филол. н., доцент кафедры рус. лит. филол. ф-та ПетрГУ В. Н. Сузи
ISBN 978-59274-0436-0

Сойни Е. Г.

С58 Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов / Сойни Е. Г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 244 с.

Монография посвящена финляндскому периоду в жизни и творчестве видного русского публициста Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), его брата Бориса Лукьяновича и сына Юрия Ивановича. В монографии прослеживается формирование образа Финляндии и финнов в литературном наследии Солоневичей, выделяются типологические связи публицистики Ивана Солоневича и финских писателей Лаури Вильянена, Катри Вала, Олави Пааволайнена. Особое внимание уделено статьям Ивана Солоневича, написанным в 1940-м году, в момент Советско-финляндской войны. Сделаны выводы об уникальности позиции Ивана Солоневича в подходе к финской тематике. Впервые введены в научный обиход документы из архивов Финляндии и Карелии. Автор искренне признателен за помощь в подготовке книги сотрудникам Финского национального архива (г. Хельсинки) и архивов Карелии, Инге Доннер, Михаилу и Владиславу Солоневичам, библиотекарю А. Н. Иевлевой.

Helena Soini

The Soloneviches and the North. Finland in the literary heritage of the Soloneviches and the major features of publicism in Finland of 1930s. / Soini H. Petrozavodsk: Karelian Research Centre Russian Academy of Science, 2010. 244 p.

The monograph is devoted to the Finnish period in the life and works of famous Russian ideologue Ivan Solonevich (1891–1953) his brother Boris and son Yuri. The Finnish period in their lives was brief, but very important. The book traces the formation of the image of Finland and the Finns in the literary heritage of Solonevich, identifies the typological connection publicist of the Ivan Solonevich and Finnish writers Lauri Viljanen, Katri Vala, Olavi Paavolainen. Particular attention is given to articles by Ivan Solonevich, written in 1940 during the Soviet-Finnish war. Conclusions are draw about the unique position of Ivan Solonevich as a writer and publicist in the approach to the Finnish subjects. The scientific use of great interest in the documents from the archives of Finland and Karelia is first introduced. We are grateful to the Finnish Archives, the archives of Karelia, Inga Donner-Solonevich, Michail and Vladislav Solonevich, A. N. Ievleva.

Монография подготовлена к публикации при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»

УДК 821.161.1(470.22+480)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-59274-0436-0

© Е. Г. Сойни, 2010

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2010

© Карельский научный центр РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА I. ФИНЛЯНДСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ ИВАНА, БОРИСА И ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧЕЙ И ИХ ПУБЛИЦИСТИКА ЭТОГО ВРЕМЕНИ	28
ГЛАВА II. ИВАН СОЛОНЕВИЧ И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА	52
2.1 Иван Солоневич в военной Финляндии.....	52
2.2 Иван Солоневич о Советско-финляндской войне.....	75
ГЛАВА III. ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ И ФИННОВ В ПРОЗЕ ИВАНА, БОРИСА И ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧЕЙ.....	86
3.1 Побег в Финляндию в русской литературе	86
3.2 Побег в Финляндию и ее восприятие в литературном наследии Ивана Солоневича.....	102
3.3 Путь на Север Бориса Солоневича.....	124
3.4 «Утопический проект» Юрия Солоневича.....	135
ГЛАВА IV. ИВАН СОЛОНЕВИЧ И ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ ФИНСКОЙ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ 1900–1930-х годов	149
4.1 Иван Солоневич и финские критики о русской литературе.....	149
4.2 Важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	200
Иван Солоневич	
На путях к социалистическому раю.....	200
Финские эмигранты в Советской России.....	204
Карелия уходит	
Хеопсова пирамида.	207
ББлаг.	208

Переселение народов.....	209
Лагерное соседство.....	210
Карел у себя дома.....	211
В совхозы!	213
Граница.	214
Великое переселение народов.....	215
Карельская жертва	216
Борис Солоневич	
Участие финнов в оборонной работе СССР.....	217
Иванов-Патрика.....	218
[ББК]	220
БАМ (Байкало-Амурская магистраль)	221
Кинофильм «Соловки»	223
Справочные материалы и письма	
Протокол № 31/1934.....	226
А. М. Ренников. Ходатайство	230
[Справка из Отделения полиции г. Штеттина]	231
J. S. Письменные сообщения от 26.02.1936, 25.02.1936, 1.05.1936	233
С. – Б. Солоневичу. Письмо от 21.01.1937.....	236
В. – Б. Солоневичу. Письмо от 01.02.1937.....	237
Запись беседы генерала Рудольфа Вальдена с пре- мьер-министром Ристо Рюти.....	238
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	239

*Памяти моего дяди Ивана Ивановича Галушина,
погибшего на Советско-финляндской войне*

ВВЕДЕНИЕ

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) известен прежде всего своим фундаментальным историко-философским трудом «Народная монархия». Художественная проза И. Солоневича роман «Две силы», сборник повестей и рассказов «Памир», сказки – в последнее время становятся все более популярными. Большой успех имела вышедшая в эмиграции книга Солоневича «Россия в концлагере», выдержавшая несколько изданий.

В Санкт-Петербурге, начиная с 2002 года, ежегодно проводятся всероссийские научные конференции «Иван Солоневич – идеолог народной монархии», в Москве, Санкт-Петербурге, Минске переиздаются с научными комментариями труды Солоневича. В 2003-м году в Санкт-Петербурге была защищена кандидатская диссертация А. Н. Вараксы, в которой Ивану Солоневичу посвящена глава «Идея монархии в творчестве Ивана Ильина и Ивана Солоневича», а в Москве в 2000-м году – кандидатская диссертация К. А. Чистякова «„Активизм“ в среде российской эмиграции: идеология, организация, практика (1920–1930-е годы)», посвященная организаторской деятельности Ивана Солоневича.

Наследие Ивана Солоневича становится объектом внимания во многих исследованиях, рассматривающих творчество русской эмиграции (Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины... Лат. Америка, 1997, Он же. Иван Солоневич: народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. Елисеев С. М. Легитимность власти. СПб.,

1996, Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Пер. с англ. М., 1994, Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994).

Каждый, кто хотя бы полистает страницы главного труда И. Солоневича «Народная монархия», не может не восхититься его зажигающей энергией, оптимизмом, оригинальной и убедительной трактовкой судьбы России.

По мнению А. Н. Вараксы, название книги сужает круг проблем, которые ставятся в этом произведении. Солоневич, считает исследователь, показывает и «ошибочность» пути, по которому вели Россию правящие классы последние двести лет, и опровергает миф о России как стране «невежественной», укоренившийся в общественном мнении Запада с подачи русских писателей и историков, и доказывает, что определяющей идеей национального строительства России является идея государственная.

В провозглашаемом Солоневичем единстве принципа общинного самоуправления с идеей централизованного, монархического государства исследователь видит модель Льва Тихомирова и взгляды Ивана Ильина. Заслужив И. Солоневича А. Варакса считает, что «автор „Народной монархии“ с присущим ему темпераментом и мастерством публициста представил нам другую версию русской истории, не от лица правившего Россией со времен Петра дворянского класса, а от лица тех, кто, говоря языком И. Л. Солоневича, „делал свое дело и в воинских кордонах на рубежах России, и в прокладке Великого Сибирского пути, и в борьбе с чумными эпидемиями в Средней Азии, и в развертывании столыпинских отрубков“, тех, кто не смог ничего сказать и записать»¹.

Возможно, сами идеи Солоневича бессословной монархии, монархии без касты, без дворян не новы, но они

¹ Варакса А. Н. Идея монархии...: дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2003. 82 с.

ярко аргументированы, переданы в подлинной художественной форме, за каждым положением видно живое чувство, боль, народная судьба. «Народная монархия» завоевала многотысячную аудиторию читателей, выдержала несколько изданий.

У профессора Т. Г. Мальчуковой идеи Солоневича вызвали ассоциацию не с моделью Льва Тихомирова, а с «Заметками по русской истории XVIII в.» А. С. Пушкина. «Ранее аристократия, в том числе и либеральная, и революционная, включая и декабристов, не спешила освобождать собственных крестьян, – пишет исследовательница, – Подобное противопоставление „народной монархии“ „дворянину с розгой“, аристократу – крепостному, и „дворянину с бомбой“, революционеру – демократу, а вместе с ними и аристократической или демократической республике находим только у выдающегося социального и политического мыслителя XX века Ивана Солоневича, между тем как политическим стереотипам и нашего, и пушкинского времени взгляды Пушкина решительно противоречат»².

В исследовании Кирилла Чистякова «И. Л. Солоневич в современной историографии» проанализированы практически все работы о творчестве И. Солоневича, вышедшие до 2005 года. Ряд из них не выдерживает критики из-за массы фактических неточностей, предвзятой позиции, «полного непонимания сути основных идей»³ Солоневича, однако выделенные К. Чистяковым публикации Игоря Дьякова («Дело, которое больше нас: к 100-летию со дня рождения И. Л. Солоневича»), В. Нилова (псевд. Льва Волина) («Всегда с Россией»), Игоря Воронина («Иван Солоневич – журналист, редактор, издатель», «Своевременные мысли

² Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина // Книга I. Петрозаводск, 1997. С. 64.

³ Чистяков К. А. Солоневич в современной историографии // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 35–52.

Ивана Солоневича»), а также новые работы доктора исторических наук Петра Базанова и того же К. Чистякова говорят о наличии серьезных, научных исследований о самом популярном публицисте Русского Зарубежья 1930-х годов⁴. В Финляндии имена Ивана, Бориса и Юрия Солоневичей известны достаточно давно. В исследовании «Финляндия в русской литературе», изданном еще в 1945 году, Валентин Кипарский упомянул о большом интересе, который вызвали к себе книги трех беглецов, пересекших границу⁵. В книге видных современных финских славистов Натальи Башмаковой и Марьи Лейнонен «Русская жизнь в Финляндии» также повествуется о побеге Солоневичей как об одном из самых известных побегов 1930-х годов⁶.

Иван Солоневич в своем главном труде «Народная монархия» одним из первых в общественной мысли XX века аргументировано доказал тезис о постоянном несопадении интересов русского народа и русских идеологов. У Ивана Солоневича в критическом отношении к русской классической литературе были свои предшественники. Это Василий Розанов и Иван Ильин. Философ Иван Ильин писал о русской интеллигенции вообще, ставя проблему, что «русская интеллигенция вслед за Кропоткиным, Бакуниным и Л. Н. Толстым <...> всегда

⁴ Дьяков И. Дело, которое больше нас: К 100-летию со дня рождения И. Л. Солоневича / Наш современник. 1991. № 11. С. 179–185; Нилов В. Всегда с Россией // Свободное слово Руси. 1983. № 7–8. С. 28; Спор окончен // Свободное слово. 1981. № 5–6. С. 1–5; Базанов П. Н. Издательская и политическая деятельность Российского Народно-Монархического Движения // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практической конференции. С. 1–3; Воронин И. П. Иван Солоневич – журналист, редактор, издатель // Иван Солоневич – идеолог Народной монархии: Материалы I научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 5–23.

⁵ Kiparsky V. Suomi venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.

⁶ Baschmakoff N. and Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939: A local and oral history // Studia Slavica Finlandensia. T. XVIII. Helsinki, 2001.

была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание <...> она не знала своего народа, не видела его творческую силу, плохо верила в его организаторскую способность...»⁷ Василий Розанов был конкретнее, критикуя не интеллигенцию вообще, а позицию русских классиков. Но делал это поистине «интеллигентно».

Критикуя русскую литературу за нигилизм, Василий Розанов сам становится на позиции нигилизма. По мнению философа, русская литература ничему не учила свой народ, создала пренебрежительный образ русского офицера как «дурака, фанфарона, труса»⁸. У Гоголя Розанов видит пошлость, у Л. Толстого не находит «никакого страдания», «никакого „тернового венца“», никакой героической борьбы за убеждения»⁹. «Сатира, – считает философ, – вообще недостойна нашего существования и нашего ума»¹⁰, и «литературы в сущности не нужно»¹¹.

В 1918 году Розанов ставит в вину русской литературе подготовку революции («Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих „разложителей“ России ни одного нет нелитературного происхождения»¹²) и то, что у соседних народов создается негативный образ России («Берлин вообще очень хорошо изучил русскую литературу»)¹³.

Не вступая в полемику с философом о назначении литературы (мы этого коснемся ниже), отметим черты явного

⁷ Ильин И. За национальную Россию // Слово. 1991. № 6. С. 80.

⁸ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Уединенное / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. М., 1990. С. 425.

⁹ Розанов В. В. Уединенное // Там же. С. 54.

¹⁰ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Там же. С. 296.

¹¹ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Там же. С. 92.

¹² Розанов В. В. Апокалипсис... С. 425.

¹³ Там же.

сходства у Василия Розанова и Ивана Солоневича. Иван Солоневич упрекал русскую литературу именно в создании карикатурного образа русского народа. Обвинения Солоневича более конкретны и более жестки, чем у Розанова. Но эти обвинения звучали во благо России, во благо ее государственности. Более отрицательный жизненный опыт Солоневича сказывался на более негативной оценке и в то же время на нерушимой вере писателя в простых русских людей, искаженные образы которых в литературных произведениях вызвали его бурный протест. Несомненным представляется знание Иваном Солоневичем статей Василия Розанова. Начиная с 1915 года Солоневич сотрудничал с газетой «Новое время» и даже был в ее штате. Известная статья «Не верьте беллетристике» В. Розанова была опубликована именно в этом издании А. С. Суворина. С «Новым временем» В. Розанов был связан более семнадцати лет, вплоть до закрытия газеты в 1917 году¹⁴.

Критикуя русскую прозу за искаженное изображение народа, Иван Солоневич тем не менее прекрасно понимал значение русской литературы и хорошо ее знал. И дореволюционную, и советскую литературу Солоневич обвинял на страницах своих книг и статей в оторванности от русской жизни, в создании карикатурного представления о России. «Мимо настоящей русской жизни русская литература прошла совсем стороной, – писал он в „Народной монархии“»¹⁵. Этот серьезный приговор русской литературе нельзя было не заметить. И трудно было сходу опровергнуть аргументацию Солоневича. Его резкие высказывания порой были односторонними, но они заставляли читателей думать и переосмысливать многие устоявшиеся суждения. Один из главных аргументов Солоневича – оторванность послепетровского дворянства от своего народа.

¹⁴ Розанов В. В. Апокалипсис... С. 14.

¹⁵ Солоневич И. Народная монархия. Сан-Франциско, 1978. С. 58.

Вся русская литература – дворянская, не знающая народной жизни, и потому, считает публицист, она прошла мимо этой жизни. Особенно резко высказывался Иван Солоневич в адрес Александра Грибоедова. По мнению критика, автор «Горя от ума» не нашел ни одного другого персонажа в русской армии, кроме Скалозуба.

Советскую литературу Солоневич также не пощадил. Издевательством называл публицист прозу Михаила Зощенко и поэзию Саши Черного. Немцы, считает Солоневич, пошли завоевывать «зощенковских наследников, чеховских лишних людей».

Иван Солоневич не менял своих убеждений, не приспособливался в угоду ни правительствам тех стран, где ему приходилось жить, ни различным эмигрантским комитетам и потому всегда шел против течения. Сбежав от большевиков, он начал борьбу с эмигрантской средой, причем в таких тонах, что настроил против себя всех: «То, что делал наш правящий слой до войны, во время войны, во время революции и здесь, в зарубежье, – все это объясняется не какими бы то ни было идейными заблуждениями, не любовью к России и не болью за свою Родину, все это объясняется шкурно-классовыми, шляхетско-помещичьими вождедениями уже ушедшего от жизни строя. Это наш марксизм справа. Этот марксизм облыжно и подложно кощунствует именем России и именем русского народа. Подражая своему более шустрому наследнику, марксизму Сталина и Ленина, он фальсифицирует историю и заменяет историческое понимание событий вопиющей халтурой... За лицемерными вздохами о страданиях русского народа то и дело прорывается злорадное: „Так им, голубчикам, и нужно, помещики им, вишь не нравились, пусть попробуют колхозов“»¹⁶.

¹⁶ Солоневич И. Л. Самое важное // Белая империя. М., 1997. С. 318.

В биографии Ивана Солоневича еще много неясного. Большинство работ о нем, по мнению К. А. Чистякова, содержит фактологические неточности. «Исследователи повторяли ошибки друг друга – за неимением возможности или нежеланием докопаться до правды»¹⁷.

Вводя в научный обиход биографические данные из документов, подписанных Иваном Солоневичем в Финляндии в 1934 году, будем соотносить их с исследованиями Т. Д. Исмагуловой «И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела)»¹⁸, а также с уже упомянутыми И. П. Воронина «Иван Солоневич – журналист, редактор, издатель», Н. Никандрова «Иван Солоневич возвращается с чужбины», М. Б. Смолина «Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича».

Родился Иван Солоневич 1 ноября 1891 года в деревне Рудники Бельского района Гродненской губернии Польши [сведения из финской анкеты. – Е. С.], по предположению Т. Д. Исмагуловой метрическая выписка выдана была в местечке Цехановец Гродненской губернии (ныне Польша). По словам И. Солоневича, его отец, учитель народной школы Лукьян Солоневич, в 1934 году жил в Ялте, работал на государственном молококомбинате. Далее Иван Солоневич сообщает о себе: «Окончил 8 классов гимназии в Вильнюсе и учился 5 лет в университете Питера, где в 1917 году защитил диссертацию на соискание кандидата юридических наук, читает, пишет и говорит на русском, немецком, французском языках»¹⁹.

¹⁷ Чистяков К. К. И. Л. Солоневич в современной историографии. Указ. соч. С. 35.

¹⁸ Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной монархии / Материалы II ... СПб., 2005. С. 22–34.

¹⁹ Протокол по делу № 31/1934 от 14 и 27 августа 1934 г. / Suomen kansallisarkisto. Suomen poliisin arkisto. Valpo. Helsinki. Solonevitsh asiapaperit. N 118. [Далее при ссылках на данный архив: SKA, N 118].

По материалам Т. Исмагуловой в студенческом деле И. Солоневича имеется свидетельство об окончании Виленской 2-й гимназии, из университета он был отчислен из-за невнесения платежа в 1915-м и восстановлен в 1917-м. Его однокурсниками были Николай Гумилев и Сергей Эрнст. Однако документа об окончании Санкт-Петербургского университета в деле Солоневича нет.

Карьеру журналиста Иван Солоневич начал в газете «Северо-Западная жизнь», которую издавал его отец Лукьян Михайлович Солоневич, а с 1915 в качестве репортера он устраивается в «Новое время». С 1918-го он работает в Киеве корреспондентом «Новостей Унии», а позже заместителем главного редактора газеты «Вечерние огни», издаваемой армией Деникина.

В мае 1921 года Солоневича арестовывают за контрреволюционную деятельность, но не на долго. Для протокола, составленного финской политической полицией в Йоэнсуу, Иван Солоневич указал, что он сидел в Одесской ЧК три месяца. Освободившись, он становится спортивным организатором сначала в Одессе до 1926 года, затем в Москве – до 1933 года. Работал инструктором потребсоюза, сотрудничал с журналом «Физкультура и спорт», с «Нашей газетой» и вместе с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым постоянно публиковался в профсоюзном журнале «Медицинский работник».

В 1932 году Иван Лукьянович, его сын Юрий Иванович, брат Борис Лукьянович вместе с женой Ириной Францисковной Пеллингер совершают первую попытку побега в Финляндию. В результате этой попытки, позже описанной Юрием Солоневичем в «Повести о 22-х несчастьях», беглецы, заблудившиеся в карельских лесах, были вынуждены сдать пограничникам как незадачливые члены научной экспедиции и вернуться домой. Провалилась и вторая попытка. Задержанные под Петрозаводском Солоневичи и

их знакомый Степан Никитин 9 сентября 1933 года были арестованы.

Иван Солоневич был осужден на 8 лет и отправлен в лагерь на Свирьстрой, а затем 16 марта 1934 года переведен в Медвежьегорск. Вместе с отцом отправился и сын Юрий, он был осужден на 2 года.

Юрий Иванович Солоневич родился 15 октября 1915 года в Москве, 4 года учился в московской школе. Когда его мать Тамара Владимировна Солоневич, урожденная Воскресенская, была приглашена на работу в советское торгпредство в Берлине, Юрий вместе с ней переехал в Германию и с 1928 по 1931 год жил и учился в Берлине в Высшем реальном училище Корнера, затем, вернувшись в Москву, работал фоторепортером, поступил в московскую школу кинематографистов на отделение работников сцены, однако успел проучиться всего лишь три месяца. Тамара Владимировна в 1931 году вышла замуж за немецкого подданного, коммуниста Бруно Пшевозного (Przewozny) и вновь уехала в Берлин. Ее брак не был фиктивным, как иногда пишут. Инга Доннер Солоневич, будущая жена Юрия, писала в своих воспоминаниях, что Бруно сильно любил Тамару Владимировну. И когда Тамара вернулась к Ивану Солоневичу, для Бруно это было большим несчастьем²⁰.

Брат Ивана Солоневича Борис Лукьянович к моменту первого побега за «подпольное» руководство советским скаутским движением уже отбыл срок в Соловецком лагере, что документально подтверждается его регистрационной карточкой № 4252 и выпиской из Протокола Центральной Аттестационной Коллегии УСЛОН от 30 июня 1927 года²¹.

²⁰ Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. H-ki-Yuva – Porvoo: WSOY. 1988. S. 53.

²¹ Архив МВД Республики Карелия. Дело № 257/10514. Солоневич Б. Л.

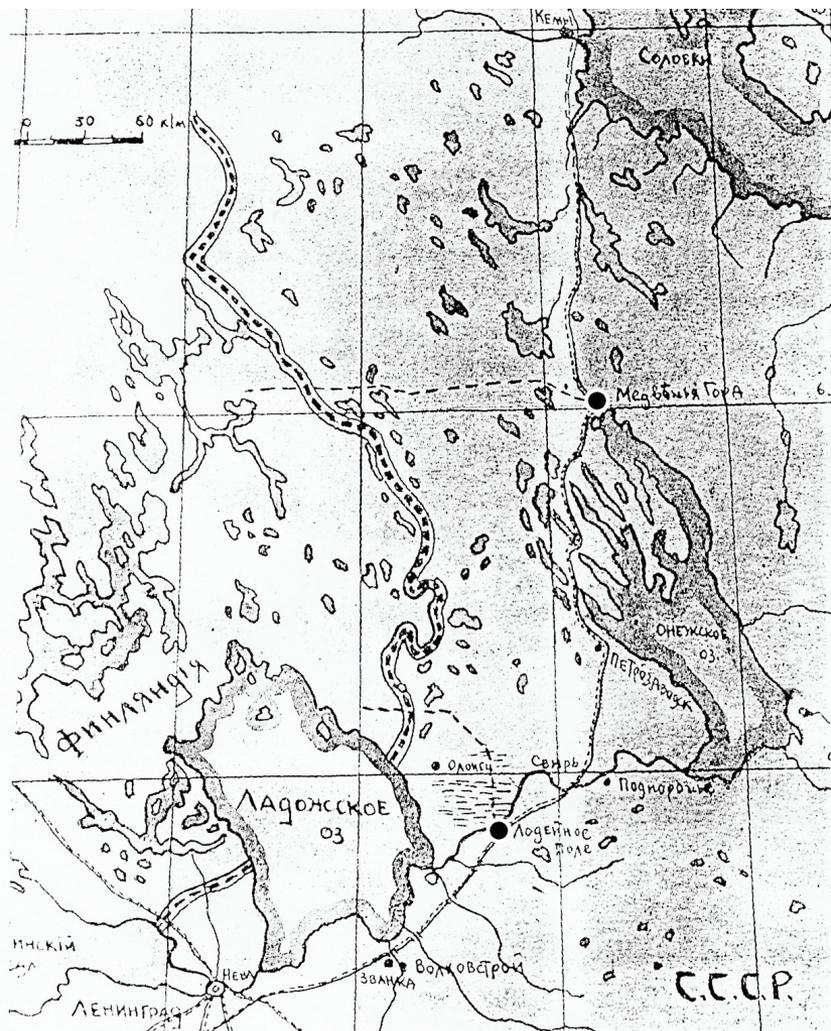

Схема побега

Ивана и Юрия Солоневичей из Медвежьей Горы

и Бориса Солоневича из Лодейного Поля

(из книги Б. Солоневича «Молодежь и Г.П.У.»

София: Изд-во «Голос России», 1937)

Новая попытка бежать оказалась удачной. 28 июля 1934 года Иван Солоневич вместе с сыном Юрием совершил побег из Медвежьегорска, а Борис бежал из Лодейного Поля 27 июля и 8 августа перешел границу.

Беглецы были встречены политической русской эмиграцией первой волны достаточно холодно. Для их очерков в газетах не находилось места, на лекции удалось получить разрешение с огромным трудом. А выпускать собственную газету не представлялось возможным. Через полтора года Солоневичи покинули Финляндию и переехали в Софию, где Ивану Лукьяновичу удалось организовать издание газеты «Голос России», быстро ставшей популярной, и возглавить движение штабс-капитанов.

Против Ивана Солоневича революция и контрреволюция выступили единым фронтом. Его попытались «убрать». В 1938 году в редакции газеты «Голос России» раздался взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь редакции студент Николай Михайлов. После этой трагедии Солоневич был вынужден переехать в Германию, предоставившую в 1938 году приют Солоневичам. В Германии Иван Лукьянович на очень короткое время заинтересовался идеями национал-социализма как альтернативой большевизму. И в этом был не одинок. Его статьи «Нашим друзьям», «Большевизм и женщина», «Две России» – это скорее, была полемика с русской левоэмигрантской мыслью, полемика с теми пробольшевистскими газетами, которые все двадцатые и тридцатые годы поддерживали коммунистический строй в России.

Иван Ильин, философ не менее значимый, нежели Иван Солоневич, подобно Солоневичу сделал ставку на некоторые кажущиеся ему поначалу якобы достоинства германского национал-социалистического движения. В ведущей газете русской эмиграции «Возрождение», главным редактором которой был известный публицист П. Струве, в своей

статье «Национал-социализм. Новый дух», Иван Ильин писал: «„Новый дух“ национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению <...>, дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: „да есть ли на свете народ, который не захотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?“. Словом – это дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения»²³.

В статье Ивана Ильина, так же как в работах Ивана Солоневича, важен последний посыл к русскому белому движению, именно во имя спасения и дальнейшего движения его Иван Ильин ищет в начале тридцатых годов пути к сближению с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом. Позже, после окончания войны, Иван Ильин попробовал всерьез разобраться и в ошибках, и в причинах первичного успеха фашизма в своей работе «О фашизме», опубликованной впервые в 1948 году, проводя мысль, что все национал-консервативные движения в Европе и мире тридцатых годов возникли, как реакция на возможную победу большевизма. Это уже после победы над фашизмом во Второй мировой войне, когда западный мир развернулся против Советского Союза, изменились и взгляды в кругах русской антибольшевистской эмиграции.

²³ Ильин И. Национал-социализм. Новый дух / Возрождение. 1933. 17 мая.

Уже в 1938 году вскоре после победы нацизма в Германии, после его первых побед во Второй мировой войне Иван Ильин из-за преследований гестапо должен был перебраться в Швейцарию, где прожил до 1954 года. А Иван Солоневич, написав на имя Гитлера меморандум на 32-х страницах, что война против СССР будет проиграна и что нельзя сражаться против русских, можно лишь вместе с русскими бороться против большевизма, в 1940-м году был выслан в Померанию без права что-либо публиковать. Так что и Иван Ильин, и Иван Солоневич стали в определенной степени жертвой фашизма.

В годы Великой Отечественной войны Иван Ильин и Иван Солоневич уже смело выступали против гитлеризма. Надо учитывать и то, что в большинстве своем белая эмиграция осудила национал-социализм уже к концу 1930-х годов. Скажем, в отличие от Советского Союза, который с сентября 1939 года по июнь 1941 года часто говорил о советско-германской дружбе. Подшивки как советских газет, так и эмигрантских газет за этот период, любезно предоставленные нам библиотекой Хельсинкского университета, красноречиво свидетельствуют о сложности всего процесса. О дружбе с Гитлером и Бенито Муссолини немало писала и финляндская пресса: еженедельники „Päiväkiriä“, „Pohjantuli“, „Suomen kuvalehti“ («Пяйвякирья», «Похьянтули», «Суомен кувалехти»). Безусловно, и Иван Солоневич, Иван Ильин и Дмитрий Мережковский ошибались, но они же еще при жизни успели признать свои ошибки и встать на антигитлеровские позиции. Недаром Иван Ильин заканчивает свою статью «О фашизме» словами: «Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их»²⁴. А Иван Солоневич в статье «Русский путь» приходит к выводу, что:

²⁴ Ильин И. А. О фашизме / Национал-социализм // Pro et contra. СПб., 2004. С. 34.

«„Мировой фашизм“ для нас не причем. Не нужно строить никаких интернационалов, хотя бы интернационалов наоборот <...>. Каждая страна и каждая нация имеет свои неповторимые в истории индивидуальные особенности»²⁵. Уже спасаясь от Гитлера, Солоневич вынужден был переехать в Аргентину, менять адреса и редакции, быть осторожным с сотрудниками и друзьями.

Побег, встречи с финнами и Финляндией стали темой художественно-документальных произведений, которые были созданы Иваном, Борисом и Юрием Солоневичами. Финляндский период в жизни Ивана Солоневича был кратким, но очень важным. Здесь он написал большую часть книги «Россия в концлагере», ставшей мировым бестселлером, ряд статей, писем, памфлетов. Образ Финляндии, вошедший в публицистику Ивана Солоневича, стал постоянно появляться в статьях писателя 1930–1940-х годов. Особое внимание Солоневич уделял Финляндии в статьях, написанных в 1939-м году в момент Советско-финляндской войны.

Солоневичи застали Финляндию в середине 1930-х годов. В это время финское общество еще не оправилось от последствий поражения финской рабочей революции, было резко расколото. Как известно, длившаяся около трех месяцев (с января по апрель 1918 года) Гражданская война в Финляндии закончилась поражением красных. Восьмого апреля 1918 года Совет народных уполномоченных перебрался из Хельсинки в Выборг (затем члены Совета вынуждены были бежать в Петроград), и над всей Финляндией был установлен контроль белых войск, в результате которого погибло свыше 25 тысяч красногвардейцев. (Во время военных действий погибло свыше 3 тысяч с каждой стороны).

²⁵ Солоневич И. Л. Русский путь // Вся власть – русским мозгам. СПб, 2003. С. 119.

Ряд финских историков называют Гражданскую войну 1918 года освободительной. В переизданном на русском языке компетентном исследовании Вильо Расила утверждается, что войска под командованием Карла Густава Маннергейма «с самого начала вступили именно в освободительную войну. Они шли освобождать Финляндию от сохранившейся власти России»²⁶. Война с красными финнами, то есть реальная гражданская война, представлена автором «Истории Финляндии» как второстепенная, которую белые вели заодно с освободительной: «Им пришлось воевать также против красных финнов, так как последние встали на пути революции, и этот путь со всей очевидностью мог привести к новой зависимости от России. Если оценивать эту войну по ее начальному этапу и по ее конечному результату, то это была освободительная война»²⁷. Последнее десятилетие внесло определенные коррективы в объяснение событий 1918 года. Осмо Юссила, Сеппо Хентия, Юкка Невакиви считают, что мотивировки интерпретации войны 1918 года как освободительной не выдерживают критики, «в частности потому, что именно правительство страны, от власти которой хотели избавиться, первым утвердило Декларацию независимости Финляндии <...> участие России в войне несравнимо с участием в ней Германии, направившей в Финляндию Остзейскую дивизию в помощь белым»²⁸. Авторы «Политической истории Финляндии 1809–2009» делают вывод, что ни одно из понятий: освободительная война, классовая война, гражданская война – не годится, чтобы быть «истиной в последней инстанции», эти понятия «отображают полярные

²⁶ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 161.

²⁷ Расила В. Указ. соч. Там же.

²⁸ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. С. 141.

мотивы сторон и отношение последующих поколений к тем трагическим событиям»²⁹.

Как известно, в декабре 1917 года Финляндия получила независимость по указу, подписанному В. И. Лениным, весьма мирно. До сих пор историки не ответили на вопрос, почему же большевистское правительство России не поддержало финскую Красную гвардию, ведь, действительно, оставшиеся в Финляндии войска русского военного корпуса, симпатизировавшие большевикам, могли бы помочь красногвардейцам и не допустить прихода к власти буржуазии. Однако приказа начать военные действия они не получили и вынуждены были после поражения красных сами спасаться от незаконных расстрелов. После поражения революции финские красные устремились за границу, в том числе в Советскую Россию. Историки выделяют несколько потоков финских переселенцев в СССР: красные финны, бежавшие от преследования буржуазного правительства, финны, приехавшие в СССР из Америки и Канады, завербованные на работу, финны, нелегально пересекавшие границу.

1930-е годы – крайне противоречивое время. С одной стороны, не получают источников вдохновения, а порой и средств к существованию русские писатели, жившие в Финляндии долгие годы, с другой стороны – политические эмигранты, бывшие узники советских лагерей находят здесь свободу, стимул к творчеству и кусок хлеба.

Финские левые интересуются русской классической литературой, той самой, которую «сбрасывают с корабля современности» левые в России. А творчество финских левых переводят на русский язык не футуристы, а представители монархического мироощущения и клас-

²⁹ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. С. 143.

сической культуры, такие как Вера Булич. Казалось бы, коренные русские в Финляндии жили своей изолированной жизнью. Но их литературный мир не был замкнут. Образы Финляндии, финской природы, культуры в поэзии Веры Булич, Вадима Гарднера, Ивана Савина и многих других интересны уже потому, что Финляндия была для них не очень теплым, но все-таки домом. Они воспринимали ее не как туристы, не как изгнанники, а как нелюбимые дети. Возможно, политические пристрастия были для них не так важны. Их связывал русский язык, русская история, культура, то, что мы сейчас называем менталитет. И в то же время они понимали, что в жизни и судьбе России их творчество в те годы ничего не значило, ни на что не влияло. Более тесные связи они могли установить с русскими, жившими в эмиграции по всему миру.

Эмиграцию ученые справедливо относят к феномену «посредничества» в литературных контактах. В русско-финских литературных связях русская эмиграция в Финляндии, как и финская в России, имела огромное значение. В Советской Карелии финский язык имел статус государственного, на нем издавались десятки книг, была создана финская литература за пределами Финляндии. В то же время русские литераторы, жившие в северной стране, создали ряд талантливых произведений, показавших Финляндию в соотнесенности с Россией. Среди них Иван, Борис и Юрий Солоневичи.

Как известно, в литературе концентрируется своеобразие национального самосознания, с наибольшей очевидностью, считает немецкий компаративист Г. Дизеринк, обозначаются «модели мышления», в которых воплощено национальное. Поэтому важным направлением компаративистики становится *имагология*, «изучение духовного образа народа с точки зрения иного нацио-

нального сознания»³⁰. Творчество писателей формирует стереотип.

Под стереотипом принято понимать устойчивый, схематичный, эмоционально окрашенный образ (или представление), который существует в любом обществе, в любом массовом сознании. Этнический стереотип может быть автостереотипом – представлением, которое создает о себе сам этнос, то есть самосознанием, идентичностью и гетеростереотипом, – представлением, которое складывается у одного этноса о другом. Эволюция стереотипа (образа-представления), сложившегося в сознании того или иного народа, происходит крайне медленно, но она происходит.

Требуется, по крайней мере, время жизни двух поколений, чтобы изменилось отношение к образу врага, и достаточно пяти минут, чтобы изменилось отношение к образу друга. Подтверждение этому тезису мы находим в современном мире. Позитивный образ другой нации разрушается очень быстро, доказывают современные межнациональные отношения, негативный образ разрушается сложно и долго.

Яркой страницей в истории литературных контактов России и Финляндии 1920–1930-х годов является творчество писателей, бежавших из тюрем ГУЛАГа в Финляндию. Их восприятие Финляндии столь светлое и оптимистическое, что совершенно не совпадает с нашим представлением об атмосфере подавленности, потерянных иллюзий, разочарований, возникающим после чтения лидеров финской прозы и поэзии 1920–1930-х годов. Бежавшие из лагерей Ю. Бессонов, С. Мальсагов, Т. Чернавина и Солоневичи написали о Финляндии главы, полные любви и восхищения,

³⁰ Тиме Г. А. О некоторых тенденциях современной компаративистики (Теоретические и практические аспекты) // Россия, Запад, Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 389.

доказывающие, что законы гуманизма порой сильнее законов политики. Именно на этих законах гуманизма основывались русско-финские литературные контакты в сложную эпоху взаимной неприязни, в эпоху, когда официальная пропаганда запрещала постановку спектаклей русских авторов, выход газет, книг, журналов. Доброжелательное отношение к русским беглецам вызывает уважение и даже удивление. Вероятно, существует нечто более крепкое, чем узы власти, что связывает народы и проявляется в той или иной степени в различных экстремальных ситуациях. В 20–30-е годы взаимоотношения возникали не столько на страницах литературных журналов, сколько в реальных судьбах людей.

Объект нашего исследования – литературная и публицистическая деятельность Ивана, Бориса и Юрия Солоневичей финляндского периода, а также финляндская проблематика в их творчестве. Анализируются историко-типологические связи публицистики Ивана Солоневича с публицистикой финских писателей, заявивших о себе в 1920–1930-е годы яркой гражданской позицией. Впервые вводятся в обиход статьи Ивана и Бориса Солоневичей, написанные в финской тюрьме, во время так называемого карантина, и анализируются литературные работы Юрия Солоневича, не публиковавшиеся в России.

ГЛАВА I

ФИНЛЯНДСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ ИВАНА, БОРИСА И ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧЕЙ И ИХ ПУБЛИЦИСТИКА ЭТОГО ВРЕМЕНИ

28 июля 1934 года Иван Солоневич вместе с сыном Юрием совершил побег из Медвежьегорска в Йоэнсуу, а Борис бежал из Лодейного Поля 27 июля и 8 августа перешел границу в районе Уросъярви.

Побег был тщательно подготовлен, продуман до мелочей. Солоневичам помогла редкая физическая подготовка, прозорливость, организаторские способности Ивана Лукьяновича. Если верить протоколу, составленному финской политической полицией в Йоэнсуу, то перед побегом Иван и Юрий получили продукты из Ленинграда – 5 кг сухарей, 10 кг свинины, 7 кг риса, 10 кг сахара. Продукты прислал знакомый, закупив их во Внешторге на деньги Тамары Владимировны Пшевозной. Она работала в это время переводчицей в торгпредстве.

Перейдя советско-финскую границу в августе 1934 года, Иван Солоневич отправил Тамаре Владимировне в Берлин письмо.

«Родная моя Девочка!

Итак, 4 месяца ГПУ, 7 месяцев концлагеря и 16 суток драпежа по нечеловечьим лесам и болотам – все уже позади, и мы в Финляндии – *eruis si tuove!*¹ Мы пока взаперти, как говорят в карантине до 29.VIII, отъедаемся от лагерной голодовки (твои посылки – все были законсервированы в

¹ А все-таки она вертится! – *лат.* Выражение, сказанное перед смертью Галилео Галилеем.

пути). Отдыхаем от нервного и физического напряжения последних месяцев. Но будущее – неясно. Мы здесь, в Йоэнсуу, – первый прецедент такого рода, с нами не знают, что делать, и сносятся с Гельсингфорсом. Чрезвычайно важны две вещи: чтобы ты спешно по телеграфу выслала нам перевод в 100–150 долларов. Здесь все фактически дешево, и одеваться нужно здесь, тем более что кроме наших почтенных кожанок все остальное концлагерного происхождения. Второе – зайди в финское посольство, поговори о нас, покажи наши документы и вообще поднажми. Дальше: это карантинное время я использую для работы над брошюрой о концлагерях в СССР. Думаю издать ее в Гельсингфорсе и думаю, что она будет интересна: свежий материал на свежую тему. Спешитесь с Ренниковым²... и поговори в Берлине насчет издания, условий, гонорара, переводов и т. д. Размер 2–3 печ. листа.

Сильно беспокоюсь о Бобе [Борис. – Е. С.].

Он должен был бежать 27/8 – не знаю, как ему это удалось. А неудача – это смерть. Сообщи о нашем бегстве знакомым, чтобы они нам ничего не писали и не слали, а то вляпаются в неприятность.

Что у тебя, Девочка? Я получил несколько твоих писем – одно из них с трогательными стихами об ожидании, но не отвечал по многим причинам. На наши интимные темы поговорим при встрече. Сейчас трудно. Как у тебя дела, здоровье, перспективы, настроение и прочее. Пиши, Девочка, а если ты до сих пор не догадалась послать нам телеграмму – пошли. Об очень многом хочется написать, но пока еще все так путано.

Целую и люблю. Ва.

P.S. Только что узнал, что Боб перебрался благополучно и находится в карантине в Urosjärvi³.

² Ренников А. М. (Селитренников) (1882–1957) – русский писатель, журналист, сотрудник газет «Новое время», «Возрождение».

³ Солоневич И. Л. – Солоневич Т. В. 17 августа 1934. Йоэнсуу / SKA, N 118.

С пограничной заставы беглецы были перевезены в Иломанси, где вызвали к себе необыкновенный интерес местных жителей. Хозяйки, охая и ахая, устремлялись к плитам готовить кофе, местные фотографы снимали их на пленку, а «пограничники чувствовали себя соучастниками небывалой в этих местах сенсации»⁴. Из Иломанси беглецов на грузовике доставили в Йоэнсуу, где им пришлось отбывать несколько недель на карантине, а затем в Хельсинки.

Борис Солоневич бежал на несколько дней раньше из Свирского лагеря, бежал прямо с футбольного матча, успев забить решающий гол в ворота петрозаводской команды, и 8 августа перешел финскую границу в направлении Уросъярви. Об этом известии Иван Лукьянович сообщает в новом письме Тамаре Владимировне в Берлин:

[Иван Солоневич – Тамаре Пшевозной]

«Родная моя девочка!

Позавчера я узнал, что Боб благополучно перешел границу, вчера получил от тебя деньги и телеграмму – и на душе стало спокойно. Прости, кстати, мою вчерашнюю телеграмму: написано впопыхах и пр. Сидим мы по-прежнему в карантинной каталажке, но над головой есть кров, под нами – тюфяки – в первый раз за [нрзбр] м[еся]цев не доски, а тюфяки. Три дня, путешествуя от границы до Joensuu, пограничники кормили нас [как] на убой, здесь несколько хуже, но с деньгами начинаем подкармливаться. Цены здесь фантастические: молоко 1,5 м. литр, хлеб – 4 м. кг, масло 18 м., картофель – 1 м., <...> ботинки – около 100 м., костюм от 300 до 500. А т.к. финская марка = 1/27 герм[анской] м[арки], то мы предполагаем одеться здесь – хотя бы начерно, – с головы до ног, тем более, что нам, в сущности, решительно не в чем выйти на улицу, не возбуждая всеобщей сенсации.

⁴ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. Вашингтон, 1958. С. 486.

Дальнейшие перспективы – туманны. Я пишу брошюру о лагерной жизни в СССР – лист уже написан, выйдет листов 3–5. Спшипись с Ренниковым и Калиновским насчет возможности издания, о гонораре и прочем спроси, если это будет удобно, как заключается договор и контролируется тираж. Выясни возможности издания в Берлине, а также и возможности перевода в первую очередь на нем[ецкий] яз[ык]. Постарайся как можно скорее узнать все права и обычаи по поводу выд[ачи] паспортов, staaten lose, и пр. Я имею основание думать, что к 1/IX нас как-то выпустят – возможно, что переведут в Гельсингфорс. Здесь есть какая-то русская колония, но будучи взаперти, я еще не имел возможности с ней свидеться. Сообщи адрес Гориновского – он у тебя, кажется, записан.

Ну вот. Иногда не верится, что все это позади – тюрьма с ее ожиданием расстрела, лагерь с его голодом и лишениями и с ни на минуту не ослабевавшей решимостью бежать во что бы то ни стало, лес, дожди, болота, переправа. Но все это – самое тяжелое и самое опасное – позади. Впереди – еще туман, но дух бодр и даже плоть начинает снова обраться мускулами. Еще не знаю точно как, но как-то выкрутимся и устроимся, хотя на первых порах м[ожет] б[ыть] придется и туговато. Но если мы ухитрились вырваться из советского концлагеря – то откуда ж мы не выберемся! А все-таки мы молодцы, детка... В прошлом году мы попались на провокацию – с нами увязалась <...> и – без всякой предварительной санкции с нашей стороны <...> некоего Бабенко [Агент, выдавший Солоневича в 1933 году. – Е. С.] – старого собутыльника И. И. и ее будущего мужа <...>. Он оказался агентом ГПУ и нас сцапали по его вине у Петрозаводска. Да, много было пережито, но за всем этим уже захлопнулась какая-то дверь...

Я постарел, ослабел физически от лагерного недоеда <...> но нервы не то пришли в порядок, не то просто огрубели и закалились. Многое, что так волновало раньше,

теперь уже не волнует. М.б. просто – смерть слишком близко заглянула в глаза и слишком долго глядела в них.

Что у тебя, Солнышко? Я так мало знаю о твоих делах и настроениях, – и твои трогательные письма в Медгору не знаю, чем были перепиской, утешением? Я переживаю довольно странный период – вероятно <...> потребность отдохнуть после всех нервных переживаний последних лет и физического и нервного напряжения последних недель, надо сконцентрировать силы для дальнейшей борьбы за жизнь – и – пока ни о чем, кроме этой борьбы не думать. Но мозги работают хорошо и ясно. Все это похоже на хорошую солнечную, но уже холодноватую осеннюю погоду.

На днях буду ждать твоего письма. Зайди в финское посольство, покажи наши документы, поговори. Мне хотелось бы связаться с германскими правительственными кругами, но я сейчас слишком слабо ориентирован. Пожалуйста, передай привет Батьке, Зену [Зиновий Эпштейн. – Е. С.].

Крепко целую тебя, моё далёкое Солнышко.

Твой Ва»⁵.

Финская тюрьма оказалась для Ивана Солоневича хорошим кабинетом. Находясь в изоляторе, он начал писать очерки о финских эмигрантах в СССР, о Карелии, о системе исправительных лагерей Беломорско-Балтийского комбината. Как полагал Солоневич, побег был организован именно для того, чтобы рассказать миру правду. Очерки Ивана Солоневича, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии, представляют несомненный интерес не только фактами, насыщенной информацией, но, прежде всего тем, что автор был непосредственным участником событий, о которых писал, писал сразу же, без какой-либо временной дистанции. В очерках Солоневича финского

⁵ Солоневич И. Л. – Солоневич Т. В. Август 1934. Йоэнсуу / SKA, N 118.

периода еще много злости, спешных, необдуманых суждений, идеологической предвзятости, автору еще многое придется испытать, прежде чем он сможет объективно разобратся в своем времени.

Очерки и статьи Солоневича художественны и публицистичны одновременно. Они достоверны, в них точно изображаются события, перечисляются факты и даты. Но отбор фактов, эмоциональный накал, литературные приемы, метафоры, тропы, образные эпитеты позволяют говорить о принадлежности очерков и статей писателя также и к художественному повествованию. Документы, факты, идейные сопоставления даются так, что возникает реальная, конкретно-чувственная, картина, которую, говоря словами теоретиков литературы, «читатель может себе представить „мысленным взором“»⁶, картина, вызывающая у читателя различные чувства, симпатии и антипатии, гнев и радость, смех и слезы.

В очерке «Карелия уходит...», законченном 1 сентября 1934 года, автор признается, что о советских делах писать очень трудно. «Трудно потому, что эти дела сплелись в чудовищный клубок противоречий, в этакий гордиев узел, который, кто его знает, как еще разрубит история, но как-то, конечно, разрубит»⁷. Темой очерка становится история Беломорско-Балтийского канала, «государства в государстве», раскинувшем свои щупальца от Мурманска до реки Свири. «И это государство, управляемое непосредственно ОГПУ, ... по особым полномочиям фактически и управляет Карелией»⁸.

По данным автора очерка, население этого «государства» – около 300 тысяч заключенных и вольнонаемных,

⁶ Алексеев В. А. Очерк. Л., 1973. С. 55.

⁷ Солоневич И. Карелия уходит... / SKA, N 118.

⁸ Там же. (ББК – с 1930–1933 гг. – Беломорско-Балтийский канал, с 1933–1941 гг. Беломорско-Балтийский комбинат с системой лагерей – ББЛАГ).

большинство из них – крестьяне. «Эти-то мужики и строили своими руками всяческие пирамиды – в том числе и знаменитый канал и удобрили своими телами всяческие отдаленные места, в том числе „Карелию“»⁹.

Иван Солоневич провел на Беломорканале девять дней и видел всего две баржи со спецпереселенцами и один пароходик с экскурсантами. Это был весь «грузооборот». По мнению Солоневича, незавидной была судьба вольного карела, вынужденного жить в паутине концлагерей, под мощным давлением «хозяина» – ББлага. «1932–1933 годы перевели карельского крестьянина на положение сплошной нищеты. Еще сам он кое-как прокормится на иждивении ББлага, но чем будет жить его семья? Хлеб взяло государство. Для охоты не разрешают иметь огнестрельное оружие. Для рыбной ловли – нет снастей. И вот остается: все падающее хозяйство, каторжная работа на ББлаг, картошка и грибы, вымирание карельской детворы»¹⁰.

Финских иммигрантов, не раз встречавшихся И. Солоневичу, он называет «наивными людьми, стремящимися попасть в „социалистический рай“, в обетованную землю трудящихся <...>, переходившими карело-финскую границу в расчете на братский прием со стороны советских властей». В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Солоневич пишет о финнах с чувством некоторой вины: «...первое, что встречает нелегальных эмигрантов в СССР – это – тюрьма. В тюрьмах Ленинграда, всегда переполненных, грязных и голодных, долгими месяцами, а часто и годами сидят тысячи финских эмигрантов. Относительно всех их ГПУ наводит справки через свою агентуру в Финляндии.

Затем их по этапу отправляют за Урал – преимущественно на лесные разработки в Западной Сибири или в

⁹ Солоневич И. Карелия уходит... / SKA, N 118.

¹⁰ Солоневич И. Карелия уходит... Там же.

шахты Караганды. Это делается для того, чтобы исключить возможность обратного бегства в Финляндию, где они стали бы рассказывать о том, что делается в „социалистическом раю“ вне тех маршрутов, которые предназначены для показа иностранным гостям и туристам...

Одну из таких групп финских эмигрантов я встретил в деревне Койкары, на реке Суне, километрах в 150 от Петрозаводска, поздней осенью 1932 года. Их было человек 30, и большинство из них просидело уже по несколько месяцев в тюрьмах пограничной охраны – может быть, самых страшных тюрьмах СССР. Они были оборваны и голодны, в их глазах была горечь перед теми разочарованиями, которые были уже пережиты, и ужас перед теми, которые еще предстояло пережить. У них уже не было выбора. Они уже попали в зубцы страшной машины ГПУ и превратились в безразличные единицы тех миллионов, которые работают, голодают, гибнут в зависимости от потребностей социалистического строительства и на костях которых строится фундамент ожидаемого коммунистами социалистического рая, еще более далекого, чем 20 лет тому назад. Они задали мне ряд наивных вопросов: скоро ли их выпустят и поставят на работу, оденут ли их, где можно достать колбасы, масла, сыру? Что мог я ответить под взорами дюжины агентов ГПУ, когда всякий неосторожный ответ мог стоить мне десятка лет Соловков. Это быть может не очень мужественно – но я отвечал преимущественно междометиями...

...Стоя на площадке грузовика (сесть было некуда), окруженные вооруженными чекистами, они уехали в Петрозаводскую тюрьму, навстречу социалистическому раю.

Есть очень небольшая группа эмигрантов-финнов, завербованных в свое время в качестве инструкторов по лесному делу. Они ликвидировали все свои дела, привезли с собой валюту, которая на границе была отобрана по паритету – два рубля за доллар (фактическая стоимость

доллара – 100 рублей) – и постепенно они попадают в то же положение, как и остальные советские рабочие – русские и иностранные – в положение нищеты, голода и бесправия...»¹¹. В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Иван Солоневич приводит конкретные цифры условий жизни нелегальных иммигрантов, сосланных за Урал, подальше от финской границы. «По карточкам они получали 800 граммов хлеба в день¹², 800 гр. сахара в месяц и пустые капустные щи на обед. Без карточек можно было покупать другие продукты, но цены – при зарплате в 100–120 рублей в месяц – были настолько высоки, что призрак голода неотступно висел над головами этих «строителей социализма».

Солоневич предостерегает финнов, что цена за поддержку мировой революции будет очень высока: «Если эта цена Вам подходит, если вы хотите принести себя в жертву отдаленным возможностям мировой революции, тогда и только тогда вам есть смысл ехать в СССР. Но если вы просто хотите жить, а не гнить заживо – обходите стороной границы СССР»¹³.

Этот очерк, написанный в финской тюрьме, никаким образом нельзя назвать доносом или выполнением заказа финских властей. Факты, в нем изложенные, попали и в книгу «Россия в концлагере». Солоневич явно симпатизирует финским революционно настроенным рабочим, отделяет их от всяческой «коминтерновской шпаны» и жалеет: «Можно симпатизировать и можно не симпатизировать политическим убеждениям, толкнувшим этих людей сюда. Но не жалеть этих людей нельзя. Это не та коминтерновская шпана, которая едет сюда по всяческим, иногда даже не очень

¹¹ Солоневич И. Л. Финские эмигранты в Советской России. Там же. Дело № 118.

¹² Там же.

¹³ Там же.

легальным визам советской власти, которая отдыхает в Крыму, на Минеральных водах, которая объедает русский народ Инснабами, субсидиями и просто подачками. Они, эти идеалисты, бежали от „буржуазных акул“ к своим социалистическим братьям»¹⁴.

Встреча с финскими иммигрантами, упомянутая в очерке, в книге описана художественно ярко, с подробностями, подчеркивающими трагическую судьбу новых мечтателей: «Это было в селе Койкоры [деревня Койкары. – Е. С.], куда я пробрался для разведки насчет бегства из социалистического рая, а они бежали в этот рай. Они были очень голодны, но еще больше придавлены и растеряны. Они видели еще очень немного, но и того, что они видели, было достаточно для самых мрачных предчувствий насчет будущего. Никто из них не знал русского языка, и никто из конвоиров не знал ни одного иностранного. Поэтому мне удалось на несколько минут втиснуться в их среду в качестве переводчика. Один из них говорил по-немецки. Я переводил под проницательными взглядами полудюжины чекистов, буквально смотревших мне в рот <...> Из-за изб на нас выглядели перепуганные карельские крестьяне, которые шарахались от грузовика и от финнов, как от чумы: перекинешься двумя-тремя словами, а потом Бог знает, что могут пришить. Финны знали, что местное население понимает по-фински, и мой собеседник спросил, почему к ним никого из местных жителей не пускают. Я перевел вопрос начальнику конвоя и получил ответ: „Это не ихнее дело“.

Финн спросил, нельзя ли достать хлеба или сала. Навивность этого вопроса вызвала хохот у конвоиров. Финн спросил, куда их везут. Начальник конвоя ответил: „Сам увидит“ и предупредил меня: „Только вы лишнего ничего

¹⁴ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. 5-е изд. Вашингтон, 1958. С. 34.

не переводите“. Финн растерялся и не знал, что и спрашивать больше. Арестованных стали сажать в грузовик. Мой собеседник бросил мне последний вопрос: „Неужели, буржуазные газеты говорят правду?“. И я ему ответил словами начальника конвоя: увидите сами. И он понял, что увидеть ему предстоит еще очень много.

В концлагере ББК я не видел ни одного из этих дружественных иммигрантов. Впоследствии я узнал, что всех отправили подальше: за Урал, в Караганду, в Кузбасс, подальше от соблазна нового бегства – бегства-возвращения на свою старую и несоциалистическую родину»¹⁵.

Судьба нелегальной финской иммиграции была тяжелой. Однако не легче оказалась судьба и легальной иммиграции. В очерке «На путях к социалистическому раю» И. Солоневич рассказывает, как в годы первой пятилетки шла вербовка иностранных рабочих и специалистов. В странах Европы и в Америке была развернута шумная агитация, организованы вербовочные бюро.

Из Канады стали прибывать финны-лесорубы. «Они испытали все то, что и остальные рабочие-иностранцы – торжественную встречу с „Интернационалом“, знаменами и речами, привилегированное положение – и постепенное спускание до уровня жизни русского рабочего, т. е. до уровня ниже нищенского»¹⁶.

В 1932 году Ивана Солоневича вызвали в качестве переводчика в союз лесных рабочих. Там сидел пожилой финн. «Он умолял, чтоб его и его семью выпустили „хоть куда-нибудь“. Да, он потерял все – свои сбережения, свою работу, свое здоровье, больше того – он потерял свою веру»... У него было много наивности, он говорил вещи, которые нельзя было говорить – не стали бы же коммунисты

¹⁵ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. С. 34. [Далее при ссылках на это издание в скобках в тексте указываются страницы.]

¹⁶ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю / SKA, N 118.

выпускать такого агитатора против «социалистического рая»¹⁷. Ни мольбы, ни слезы финну не помогли. Он лишь получил деньги, чтобы ехать обратно... в Вологодскую губернию.

Для Карелии, отмечает автор, характерна близость финской границы, отчего приграничные местности периодически подвергались «чисткам», карел высылали подальше, больше за Урал, на их место прибывали поселенцы из других областей. «Пути коммунистической индустриализации, заключает Иван Солоневич, устланы безмерным количеством человеческого горя...»¹⁸

*Борис Лукьянович
Солоневич*

Борис Солоневич, находясь в «карантине» в приходе Тулема, тоже взялся за перо, готовя статьи на самые разнообразные темы. Порой он писал по просьбе финских властей, о чем свидетельствует его письмо следователю от 27 августа 1934 года: «Очень прошу Вас:

1. Дать мне какие-нибудь книги на английском, немецком, французском или русском языках (старые журналы или газеты).

¹⁷ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю / SKA, N 118.

¹⁸ Солоневич И. Л. Карелия уходит... / SKA, N 118.

2. Дать мне учебник финского языка на этих языках или хотя бы русско-финский словарь.

3. Улучшить питание, так как в полугодном состоянии плохо работает память и мозги.

Г. Следователь! В Советской России я много лет страдал по тюрьмам, концлагерям, ссылкам и пр. Позвольте верить в то, что Вы сочтете возможным облегчить мое тюремное заключение выполнением этих просьб.

Жду Ваших указаний относительно тем и разработки их»¹⁹.

27.

Уважаемый следователь!

Носило 9 статей и заметок и что-то
должно работать над рядом тем.
Кроме прощания за неразборчивый по-
чек - стола нет, пишу на сурь.

Вспомни адрес своего дяди -
| Мольва, Гродненской губ. и уезд,
| дворян Новоселы, Семён Михайлович Солонев

Очень прошу Вас:

1. Дать мне какие нибудь книги на
английском, немецком, французском или
русском языках (старые журналы или
газеты)
2. Дать мне учебник финского языка
на этих языках или хотя бы русско-
финский словарь

¹⁹ Солоневич Б. Л. - следователю. Письмо 27.08.1934 / SKA, N 118.

3. Улучшить питание, так как в нем
голодном состоянии много работает
память и мозг.

1. Снеговать! В Советской России
много лет страдали по тюрьмам,
кону-лагерям, селкам и др.
Позвольте мне верить в то, что Вы
согнетесь возможным образом мое
тюремное заключение выполнить
этих просьб.

Иду Ваших указаний отно-
сительно тем и разработки их.

Б. Солоневич

27 VII 84
9 ч.

Фрагмент письма Бориса Солоневича следователю сыскной полиции
Финляндии (СКА, N 118)

В своих очерках Борис Солоневич рассказывает о
создании военной Интершколы, об агенте финне Ива-
нове-Патрика, о Соловках, где пришлось Борису Лукья-
новичу сидеть в конце 1920-х годов. После побега груп-
пы заключенных под руководством Юрия Бессонова
было решено снять фильм о жизни и быте арестантов
на Соловках. «Когда я видел в 1929 году этот фильм, то
он давал впечатление о Соловках, как самом красивом
северном курорте»²⁰.

²⁰ Солоневич Б. Л. Кинофильм «Соловки» / СКА, N 118.

Интересны сведения об Иванове-Патрика, финне по происхождению. В Первую мировую он состоял на службе в разведотделении Главного Морского штаба по наблюдению за прибалтийскими и скандинавскими странами. В 1925 году сотрудники ОГПУ заманили его на свое судно и увезли в Россию. В России он получил три года Соловков, поскольку отказался сотрудничать с органами. На Соловках Иванов-Патрика стал производителем работ на спортивной станции. Это был, по словам Бориса Солоневича, «первоклассный, неутомимый и умный работник», владевший несколькими языками. Для чекистов это был человек «ценный, но в равной степени опасный, как профессиональный шпион». И на Соловках его неоднократно пытались склонить на свою сторону. Удалось ли это сделать – Борис Солоневич не знал. На Соловках бытовало мнение, что знающему карельскую местность легко уйти в Финляндию. Видимо, освободившись, Иванов-Патрика так и сделал.

В очерке «БАМ» Борис Солоневич рассказал об очередной «пирамиде» – Байкало-Амурской магистрали, куда из Беломорско-Балтийского лагеря было отправлено 20 тысяч заключенных. Сведения для этого очерка были почерпнуты из собственных исследований. Также он писал Ирине Францисковне Пеллингер, отправленной на Дальний Восток и отбывавшей наказание в г. Свободном, центре Байкало-Амурской магистрали.

В Хельсинки Солоневичи столкнулись с проблемами, которые быстро изменили их восторженное отношение к «материалистическому Западу» и заставили покинуть Финляндию через полтора года после «страшной» ночи на гостеприимной финской пограничной заставе.

Иван Солоневич неоднократно вспоминал, что он ощущал себя разведчиком, который провел многие годы в стане врага и теперь должен был дать отчет обо всем увиденном в этом «вражеском» стане. Однако в

эмиграции отчет Солоневичей оказался, по его словам, никому не интересен. «Не было ни спроса, ни допроса. Мы грузили бочки в гельсингфорском порту, по вечерам писали свои мемуары и несколько растерянно удивлялись: неужели так-таки никто ни о чем не спросит?»²¹ Более того, все, написанное беглецами, очень трудно было опубликовать в местной эмигрантской прессе. Редакторы отказывались, говоря, что в их газетах нет места.

Трудно было выступать даже с лекциями, получить разрешение, арендовать аудиторию, собрать публику. А когда разрешение, наконец, было получено, то на лекции Солоневичей стали приходиться не политики, редакторы газет и журналисты, а земледельцы, занимавшиеся сельским хозяйством «где-то под Гельсингфорсом», матросы, студенты. Только им, по словам Солоневича, было интересно все, что происходит с нынешней Россией.

По совету Татьяны Чернавиной (о ней речь пойдет ниже), бежавшей чуть раньше из Кандалякши, Иван Солоневич стал публиковаться в прессе Финляндии на шведском и финском языках.

Если Солоневичи встретили такое отношение к себе, то каково же было другим беженцам из СССР, возмущался Иван Лукьянович: «<...> в Гельсингфорсе жило около десятка весьма недавних беженцев из СССР: крестьян, матросов, якутов, студентов, их уж совсем никто ни о чем не спросил; двое пытались писать, и из их писаний не было помещено совсем уж ни строчки: неграмотно-де написано. Да черт с ним, что неграмотно! В каждой редакции есть лоботрясы, единственная функция которых заключается в переработке неграмотного материала в грамотный. Черт с ним, что неграмотно, – но ведь у этих

²¹ Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России» / Вся власть – русским мозгам! // Сб. ст. СПб., 2003. С. 3.

беженцев свежие впечатления о России, так сказать, свежий запах родной земли»²². «Заговор молчания», с которым столкнулись беглецы в Хельсинки, с одной стороны, привел их к мысли, что «бежали зря»²³, но с другой стороны, стал серьезным стимулом к изданию собственной газеты.

Так, в Хельсинки Иван Солоневич решил начать издание «Голоса России», газеты, в которой он ставил целью сгладить «бесмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции»²⁴. Однако издавать газету в Хельсинки было совершенно невозможно: не было ни разрешения, ни денег. «Финские власти говорят прямо, – вспоминал Иван Солоневич в разделе „Весь Петербург“ статьи „Пути, ошибки и итоги“, – мы не можем. Лесной экспорт. Мы платим рабочему 1200 марок в месяц, большевики платят концлагернику 3 р. 80 коп.: на нас нажмут экономически. Не было определенного отказа в праве на издание газеты, но было предупреждение по-хорошему: финские власти будут поставлены в безвыходное положение. А Финляндия была бы по целому ряду причин лучшим в мире пунктом для такого издания. <...> Но в Финляндии этого сделать было нельзя»²⁵.

В статье «Вопрос о терминах», опубликованной в «Голосе России» через три года после побега 20 апреля 1937 года, Солоневич, считая себя империалистом, явно сочувствует Финляндии, что с исчезновением Российской империи Финляндия очень много потеряла и, прежде всего, русский рынок. Иметь в соседях Российскую империю, по мнению Солоневича, для Финляндии было значительно выгоднее,

²² Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России» / Вся власть – русским мозгам! // Сб. ст. СПб., 2003. С. 3.

²³ Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России». Там же.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Белая империя. М., 1997. С. 291.

ведь «советская чрезвычайка» может в любой момент сорвать и лесной экспорт, и «устроить в Финляндии приблизительно такую же резню, какую она устроила в России. Россия с ее просторами и черноземами эту резню кое-как выдерживает. Финляндия с ее гранитами и болотами вымерла бы в год». В этой статье Солоневич вспоминал Финляндию почти с ностальгическим чувством. Рассуждая о разнице в терминах национализм и империализм, Солоневич приводил в пример Финляндию: «Я прожил в Финляндии больше года. Обычно считают, что финны ненавидят русских и что воспоминание о проклятом царском режиме» преисполняет финна ненавистью к самой памяти о России. И вот тут-то и заключается разница между национализмом и империализмом. ...В Гельсингфорсе у меня был знакомый полковник Х. Он прожил в Финляндии тридцать лет – служил там и до войны. Ни по-шведски, ни по-фински за эти тридцать лет он не выучил ни слова... Совершенно естественно, что всякий финн это воспринимает, как национальное оскорбление. И в то же время финны относятся к русским, как дай Бог, чтобы к нам относились самые союзнические и самые родственные страны: никаких ограничений, и на весь Гельсингфорс имеется пять русских безработных, которые безработные просто потому, что работать не хотят, и финское правительство снабжает их пайками и пособиями»²⁶. Увы, далеко не все русские, жившие в Хельсинки в 1930-х годах, отзывались столь лестно о Финляндии. Получить работу по специальности практически никто не мог. Бывшим ученым, инженерам, офицерам приходилось работать в порту, а женщинам в лучшем случае на кондитерской фабрике фирмы „Фацер“ или на заводе по производству фарфора „Арабия“²⁷.

²⁶ Солоневич И. Л. Вопрос о терминах / Голос России. 1937. 20 апреля.

²⁷ Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939: A local and oral history. Helsinki, 2001.

В воспоминаниях «Четыре года», изданных в 1939 году в Софии, Иван Лукьянович подводил итоги своей жизни на свободе. В главе «Первые шаги по болоту», впервые включенной именно в эту небольшую книжку, он с теплыми чувствами вспоминал финское гостеприимство. Это даже удивительно, потому что жили Солоневичи в Хельсинки почти впроголодь, исключительно на деньги Тамары Владимировны, которые она сначала присылала из Берлина, а потом из-за ограничения немецких валютно-денежных операций вынуждена была свести к минимуму – до 10 марок в месяц. Все трое вынуждены были устроиться на самую тяжелую физическую работу – портовыми грузчиками. Иван Лукьянович добрым словом вспоминает своих финских «коллег по работе», смотревших на русских «людей в очках» с видом «недоуменным и сочувственным»: «Мы не понимали ни слова ни по-фински, ни по-шведски... У нас было достаточно сил, чтобы ворочать любые ящики, но не было никакой сноровки в обращении с мешками, с тачками, ...с подъемными кранами... Финны сочувственно объясняли нам тайны этой науки, а когда объяснения не помогали, принимались помогать нам своим собственным примером. К концу работы нас снабжали то апельсинами, то бананами, то хлопали по плечу и говорили какие-то непонятные, но хорошие слова»²⁸. Оскорбительным, по выражению Солоневича, было отношение русской аристократии. Было не обидно получать милостыню в лагере, вспоминает он, «Но здесь, в Гельсингфорсе, это было очень обидно и оскорбительно»²⁹. За несколько талонов на питание Солоневичам пришлось многое выслушать из уст барынь, входивших в Русский общественный комитет. Но, к счастью, талонный период продолжался для них всего несколько дней. Когда Солоневичи получили первые гонорары, их отношения с эмиграцией

²⁸ Солоневич И. Л. Первые шаги по болоту / Четыре года. София, 1939. С. 7.

²⁹ Там же. С. 6.

свелись к выплате долга за обеды. Ивана Лукьяновича потрясло нежелание русской эмиграции в Хельсинки что-то знать о современной России, стремление быть «подальше от политики». Но «как известно, – делает вывод Солоневич, – без политики у нас все выходит замечательно хорошо. Сидят – одни в Нарыме, другие в Брюсселе». Но зато «какие тонко рассчитанные политические комбинации, – язвительно замечает публицист, – пускались в ход для того, чтобы на посту первого секретаря второго русского драматического Гельсингфорсского кружка оказался бы господин Х., вместо г-жи У., или наоборот»³⁰. Солоневичу бросилась в глаза характерная черта, присущая русской эмиграции вообще, – денационализация русских детей. Не касаясь этой темы, требующей специального исследования, все же стоит заметить, что Иван Солоневич практически первый обратил внимание на этот факт в русской жизни за рубежом. Будучи профессиональным спортивным организатором, он увидел особый интерес к физкультуре и спорту у финнов и, напротив, отсутствие всякого спортивного интереса у русских: «Заседают комитеты, правления и секретариаты. Устраиваются дни русской культуры... А рядом русские дети не только денационализируются, но и большевизируются. Собирают деньги на памятник Леониду Андрееву, а денег на спортивную площадку для русской молодежи так и не нашлось»³¹.

Друзьями Ивана Солоневича в Гельсингфорсе становятся искусствовед Татьяна Васильевна Чернавина и ее муж ихтиолог Владимир Вячеславович Чернавин. Чернавины вместе с маленьким сыном Андреем бежали в Финляндию в 1932 году³².

³⁰ Солоневич И. Л. Первые шаги... С. 6–7.

³¹ Солоневич И. Л. Первые шаги... С. 9.

³² Suomen kansallisarkisto / Suomen poliisin arkisto. EK-Valpo. Tshernavin Tatjana. N 11098. [Далее при ссылках на данный архив: SKA, N 11098].

Татьяна Чернавина

Почувствовав к себе холодное отношение русского Гельсингфорса, Татьяна Васильевна приняла решение не связываться с эмиграцией вообще. Свою книгу о побеге в Финляндию она выпустила на английском и финском языках. Отрывки, правда, публиковались по-русски в «Последних новостях» в Париже. Поначалу Иван Солоневич был дружен с семьей Чернавиных, связывала общая судьба – жизнь в СССР, побег, их дети были почти одного возраста и тоже дружили. Солоневич часто вспоминал одну встречу с Татьяной Васильевной, когда «они с ней сидели на камнях на берегу холодного финского озера. Оба наших потомка, Юра и Андрюша, кувыркались где-то в воде, и на этих потомков мы смотрели не без чувства некоторой родительской гордости»³³. Во время этой беседы Татьяна Владимировна предупредила Солоневича: «Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это – болото. Оно Вас засосет или загадит. Работайте для иностранцев... Поверьте мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику – безнадежное дело»³⁴. Солоневич и

³³ Солоневич И. Л. Первые шаги... С. 4.

³⁴ Солоневич И. Л. Там же. С. 4.

разделял, и не разделял взгляды Татьяны Васильевны: «Я знал, что это болото существует. Не знал его вязкости, но верил в то, что под этим болотом не может *не быть твердой земли*» [выделено мной. – Е. С.]³⁵.

Разделив судьбу эмиграции, Солоневич стал относиться менее категорично к Русскому Зарубежью. И хотя он был обескуражен встречей с русским Парижем («Не было в моей жизни разочарования более тяжелого и более беспросветного, чем эмигрантский Париж»³⁶), все-таки в отличие от Татьяны Чернавиной он принимает решение работать и писать для своих, русских людей.

С этой целью Солоневичи выехали в Болгарию, где Иван Лукьянович приобрел права на газету «Голос Труда», издававшуюся под редакцией Н. И. Плавинского в 1932–1936 годах. И с 18 июня 1936 года газета «Голос Труда» стала выходить под новым названием «Голос России» и под новой редакцией – Ивана Солоневича. После закрытия в 1938-м году «Голоса России» в 1938–1940-м годах стала выходить «Наша газета».

Уже позже, живя в Германии, в цикле статей 1939 года «Самое важное», публиковавшихся в «Нашей газете», Иван Солоневич, разобравшись в разнородности эмиграции, приходит к ряду справедливых выводов, что русская эмиграция вовсе «не сгнила», самое ценное, что есть в эмиграции – не на банкетах, не в «организациях», «самое ценное – на заводах, в лабораториях, библиотеках, госпиталях». Этим людям, которые учились и учатся, работали и работают, Солоневич хочет помочь понять Россию сегодняшнего дня: «...в меру нашей возможности будем засыпать тот ров между двумя Россиями, который вырыт усилиями наших верхов»³⁷.

³⁵ Солоневич И. Л. Первые шаги... С. 4.

³⁶ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги. С. 290.

³⁷ Солоневич И. Л. Пузыри потонувшего мира (К «Самому важному») / Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам. С. 140–141.

В 1940-м году состоялась вторая встреча Ивана Солоневича с Финляндией. Он прибыл с сыном Юрием в Хельсинки 31 января. Солоневичи находились в Хельсинки до 4 февраля 1940 года, в самый разгар Советско-финляндской войны. Уже поэтому очерки, написанные в те дни Иваном Солоневичем, представляют большой интерес. Публицист старался убедить финское военное руководство вести пропаганду не против русских, а против большевизма. На этот раз Солоневичам было предложено оставить Финляндию раньше разрешенного им срока пребывания.

Таким образом, представленные нами произведения Солоневичей в данной части исследования были очерками разных типов: с политико-исторической проблематикой, с нравственной оценкой текущих общественных процессов, личные письма, в которых преобладает общественно-политическая направленность. Во всех этих произведениях Иван и Борис Солоневичи используют самые разнообразные поэтические и собственно языковые тропы и фигуры. Лексика как очерков, так и писем весьма экспрессивна, и, как правило, поддерживает главную публицистическую оппозицию авторов «мы-они», «наши-не наши». Финны, встречавшиеся им, это непосредственно «наши», в то время как власть для авторов очерков является враждебной и чужой.

ГЛАВА II

ИВАН СОЛОНЕВИЧ И СОВЕТСКО-ФИНЛЯДСКАЯ ВОЙНА

2.1 Иван Солоневич в военной Финляндии

Как уже было отмечено выше, Иван Солоневич посвятил Финляндии главу в книге «Россия в концлагере». В этой главе произошла смена стереотипа, существовавшего в русской литературе со времен А. Пушкина. Финн в публицистике Солоневича – это не «печальный пасынок природы», а хозяин, уверенный в себе, в своем завтрашнем дне и в своей стране.

И вот в 1940 году состоялась новая встреча Ивана Солоневича с Финляндией. К этому времени Иван Солоневич был широко популярен среди русской эмиграции не только как яркий памфлетист и автор нашумевшей книги, но и как организатор широкого движения штабс-капитанов.

По документам, хранящимся в финском архиве, Иван Солоневич со своим сыном Юрием прибыли в Хельсинки 31 января 1940 года. Эмигрантские паспорта им были выданы германским правительством с официальными визами в Швецию. Они прибыли на военном самолете в Турку из Швеции 31 января, в тот же день приехали в Хельсинки и поселились в гостинице Сеурахуоне. «Они сразу же принялись что-то организовывать, – пишется в донесении под № 1019. – В любом случае эта организация обещает быть вполне академической <...>». Слово *академическое* в Финляндии в 1930–1940-х годах ассоциирова-

лось прежде всего не с наукой, а с национализированной финской организацией Академическое Социалистическое Общество, известной радикальными подходами к решению многих вопросов, в том числе и к отношениям к СССР. «Они [Солоневичи. – Е. С.] уже установили связь с Воутилайненом¹, Лившиц², ищут Григоркова³. К Солоневичам, по сообщению информантов, один раз в субботу приходил полковник Виттенберг,⁴ служивший в Северной армии, и господин Курпатов⁵. В Финляндии Иван и Юрий Солоневичи находились до 4 февраля. Это был самый разгар Советско-финляндской или иначе Зимней войны, продолжавшейся с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года. Война, которую в современной историографии принято называть ненужной. Сами названия глав и статей доказывают позицию историков: «Ненужная война» – глава в книге Михаила Семиряги «Тайны сталинской дипломатии», или «Война, которой могло не быть» в книге Н. И. Барышникова, В. Н. Барышникова, В. Г. Федорова «Финляндия во Второй мировой войне».

Как известно, министр иностранных дел Эльяс Эрко убедил правительство Финляндии не уступать четыре острова в Финском заливе, военно-морскую базу в Ханконниеми и территории Карельского перешейка взамен на Реболы и Поросозеро. Дипломаты соседних государств не смогли договориться, не хватило прозорливости, дипломатической гибкости. В результате все проблемы, которые можно было

¹ Воутилайнен Валериан – главный редактор «Новых русских новостей» (1923–1926) газеты-преемницы «Новой русской жизни» (1918–1923).

² Лившиц – переводчица.

³ Григорков Юрий (1885–1961) – гл. редактор «Новой русской жизни», автор воспоминаний об А. Куприне.

⁴ Виттенберг С. – полковник Северной армии, части которой остались в Финляндии в 1919 году.

⁵ Курпатов Леонид Евлампиевич, муж Ольги Курпатовой-Хольмстен, друга и сотрудницы Бориса Солоневича.

решить мирным путем, были решены за счет народа, за счет гибели тысяч людей воюющих сторон.

Последние исследования русских, финских, немецких, американских историков уже не столь полемичны и дискуссионны, как это было в самом начале 80-х годов, когда ученые пытались разоблачать и упрекать государственных деятелей собственных стран, и не столь тенденциозны, как это было ранее – в 50–70-х.

Современная наука о Советско-финляндской войне предлагает ряд трактовок, в целом не противоречащих друг другу. Библиография работ по истории финляндской войны насчитывает большое число исследований. Известность получили монографии и статьи В. Н. Барышникова, М. И. Семиряги, Мауно Йокипии, Марка Якобсона, Тимо Вихавайнена, работы карельских историков, посвященные ситуации в республике в годы Советско-финляндской войны⁶: С. Г. Веригина, Э. П. Лайдинена, В. Г. Макурова. Вышли в свет совместные труды

⁶ Упомянем некоторые из исследований: Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. СПб., 1997; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1998. Кн. 1.; Вихавайнен Т. Сталин и финны / Перевод с фин. Н. А. Коваленко. СПб., 2000; Якобсон М. «Зимняя война»: взгляд из Финляндии // Родина. 1989. № 8; Jokipii M. Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940–1941. Helsinki, 1988; Йокипии Мауно. Финляндия на пути к войне // Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999; [Макуров В. Г.] Советско-финляндская война 1939–1940 / Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2005. С. 583–593; Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989, Лайдинен Э. П. Органы государственной безопасности Карелии в Советско-финляндской войне // Учен. зап. ПетрГУ, 2009, ноябрь № 10 (104). С. 7–19, Веригин С. Г. Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 годов. Там же. С. 7–19.

ученых России и Финляндии «Зимняя война 1939–1949». Книга первая. «Политическая история» (М.: Наука, 1999) и «Зимняя война 1939–1940 гг. исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М.: ИКУ «Академкнига», 2009).

С 1920-го года в СССР и Финляндии действовал мирный договор, заключенный в г. Тарту. По мнению Ю. Паасикиви, будущего президента Финляндии, договор этот неудачно определил советско-финскую границу в непосредственной близости от Петрограда. Тогда же в 1920-м году в Тарту был поставлен вопрос об обмене территориями с Финляндией.

Как вспоминал главнокомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм, тема переговоров «безопасность Ленинграда–Петербурга известна была еще с царских времен, когда Россия за несколько лет до начала Первой мировой войны предложила вывести из состава великого княжества Финляндского пограничные пункты Уусикиркко, Кивенапа и Рауту. Организация границы по Карельскому перешейку и интерес русских к островам Финского залива еще при подписании Дерптского [Тартуского. – Е. С.] мирного договора вызвали сильные разногласия. Благодаря удачно сложившейся переговорной ситуации Финляндии тогда удалось отстоять свои права»⁷. Любопытно, что дипломатическую игру виртуозно вел в Тарту именно Ю. Паасикиви.

Стоит заметить, что в Тарту финны определили границу в своих интересах максимально близко к Петрограду. В 1932-м году СССР и Финляндия заключили пакт о ненападении. Но несмотря на наличие мирного договора и пакта, советская сторона имела причины опасаться, что

⁷ Маннергейм К. Г. Мемуары / Перевод с фин. П. Куйвала, Б. Злобина. М., 1999. С. 242.

в случае войны финская территория может быть использована третьими западными странами. Хотя Финляндия заявляла о позиции нейтралитета, этот нейтралитет не вызывал у СССР доверия – строились военные базы на Аландских островах в Балтийском море, проходили финско-германские военные встречи.

В финском обществе действия правительства также не вызывали доверия. Свидетельством тому может служить публицистика Финляндии. Знаменитая финская поэтесса Катри Вала в статье «Пограничная поэзия» («Rajarunoutta»), опубликованной в 1939 году, выразила мнение многих финнов, не только левых: «Собрали 10 миллионов на безопасность. Здорово поднатужились! <...> Ребята начинают рыть траншеи на Перешейке <...> будто бы для безопасности. Против государства, которое за 20-летнее существование не завоевало с помощью оружия или чемберленовского зонтика ни одного государства и не грозило завоевать. <...> В то же время все границы открыты для государства, которое за свое недолгое существование захватывало одну территорию за другой и продолжает угрожать другим. Военные корабли фрицев пересекают морские границы, немецкие шпионы приняты как друзья, в национальных культурных домах занимаются «научными» исследованиями Аландских островов и других территорий на финские стипендии! Финские школьники, которых усердно посылают в «фатерланд», получают по возвращении письма от немецких детей: «Пишу отсюда, из нашего большого отечества, возможно, уже на следующее лето смогу написать „из нашего общего отечества...“ Как говорится, устами младенца... В этом направлении чувство границы явно переборщило, оно стало наивной безответственностью пред лицом настоящей опасности. И все-таки каждому финну должно быть ясно, что ни один народ не умеет так образцово организовывать угнетение, как фрицы,

если им удастся завладеть какой-либо страной»⁸. Эта статья была опубликована в самом начале лета, в момент строительства фортификационных работ на Карельском перешейке, ее не любят цитировать историки, ибо она действительно выражает настроение многих финнов, царившее в стране накануне переговоров о перенесении границ. Конечно, как и требует публицистический жанр, статья написана с некоторым эмоциональным перехлестом, кстати, за несколько недель до подписания договора Молотова – Риббентропа. Но Вала права по существу, что в 10-ти миллионах больше нуждаются больные финские дети, а не финская «безопасность», что «нужна граница против голода» и если умело разжигать «всемирное примитивное чувство... то можно заставить почти любой народ ненавидеть другой»⁹.

На переговорах в Москве в октябре 1939 года советская делегация предлагала обмен территориями, чтобы обеспечить безопасность г. Ленинграда, а также ставила вопрос о шести небольших островах в Финском заливе, о части полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье и об аренде порта Ханко. Взамен Финляндии обещалась территория в два раза бóльшая по площади. В Финляндии несколько видных политиков склонялись принять предложения СССР. Среди них будущие президенты Ю. К. Паасикиви и К. Г. Маннергейм. «Я тогда придерживался мнения, что сдержанные и умеренные требования Сталина, особенно в отношении Карельского перешейка, следовало бы принять»¹⁰, – писал Ю. К. Паасикиви, возглавлявший делегацию финнов, но не обладавший необходимыми полномочиями. Карл Густав Маннергейм

⁸ Vala K. Rajarunoutta / Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. S. 129.

⁹ Ibid.

¹⁰ Цит. по: Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне // Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 241.

также настаивал на необходимости уступок СССР и достижения компромисса. «...я предложил делегации стремительно добиваться компромиссных решений. <...> необходимо было пожертвовать островами Финского залива, а на Карельском перешейке нам не следовало бы цепляться крепко за Ино, который в глазах русских имеет огромное значение для обороны Ленинграда»¹¹.

Однако премьер-министр Финляндии А. Каяндер прислушивался к мнению Эльяса Эркко, министра иностранных дел, не желавшего идти на уступки. По мнению финского историка Марка Якобсона, переговоры провалились именно из-за позиции Эркко, имевшего влияние и на премьер-министра А. Каяндера, и на президента К. Каллио. Кстати, женой Эркко была русская подданная, дочь английского инженера, эмигрировавшая из России, Евгения Сатклифф (1897–1990).

Финская делегация на переговорах практически не имела возможности самостоятельно принимать решения, необходимо было запрашивать руководящих лиц Финляндии по любому вопросу.

В то же время с советской стороны совершались не всегда целесообразные поступки: от переговоров был отстранен М. М. Литвинов, умевший располагать к себе представителей Финляндии. Его место занял В. М. Молотов, позиция которого отличалась прямолинейностью; выглядели несвоевременными выпадами публикации в газете «Правда». Еще до окончания переговоров 3 ноября 1939 года в «Правде» вышла известная редакционная статья «К вопросу о советско-финляндских переговорах. Министр иностранных дел Финляндии призывает к войне с СССР», тон которой был далеко не дипломатичный: «Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что, мы

¹¹ Маннергейм К. Г. Указ. соч. С. 247.

обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели». Это был «простой», по словам газеты, ответ министру иностранных дел Э. Эркко, утверждавшему, что с точки зрения Финляндии, перенос границы – это прецедент русского империализма: «Финляндия <...> будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость». По мнению Эркко, у Финляндии есть силы, на которые можно опереться, и которые могут обеспечить нейтралитет и свободу Финляндии в случае войны. Газетные публикации обеих сторон выглядели провокационными, злыми, непрозорливыми. Традиционно журналистика сыграла отрицательную роль в налаживании взаимоотношений. Разумеется, все делалось по заданию, но акулы пера по обе стороны границы писали грубее, хлеще, чем от них требовалось. Сам факт, что финны досрочно уехали из Москвы в самые ближайшие дни после торжеств 7–8 ноября, нанес самолюбию Сталина такой удар, что он резко изменил свое отношение и требования к Финляндии.

Дальнейшие действия носили стремительный и непредсказуемый характер. Теперь уже не только обмен территориями, но и изменение государственного строя в соседней стране стало целью его политики: 30 ноября начались военные действия, а уже на следующий день 1 декабря было создано «народное правительство» Финской Демократической Республики во главе с Отто Вильгельмовичем Куусиненом.

Как правильно делает вывод В. Н. Барышников: «Финская дипломатия своими просчетами подвела страну к опасной черте, которую переступил уже Советский Союз, когда его руководство, отказавшись от дальнейшего продолжения поисков возможных путей реализации выдвигающихся им предложений, начало войну <...> совершило акт агрессии в отношении Финляндии»¹².

¹² Барышников В. Н. Указ. соч. С. 295.

М. И. Семиряга также приходит к выводу, что если Эркко можно обвинить в неуступчивости, то советских руководителей – в том, что «они видели в применении военной силы чуть ли не единственный способ решения этого спорного международного вопроса»¹³. Но ни Красная Армия, ни армия Финляндии не были готовы воевать в канун приближающейся зимы.

Война была осуждена многими странами, СССР исключили из Лиги Наций, в Финляндию устремились добровольцы, Англия и Франция предложили финнам реальную военную помощь. Встать на защиту Финляндии пожелали и русские добровольцы, проживавшие в эмиграции. Постоянный автор газеты «Возрождение» И. Тхоржевский писал об этом в передовой статье «Большевики, Финляндия и Россия»: «Международных мошенников, засевших в Кремле, правильнее всего и ликвидировать в международном порядке. В редакцию „Возрождения“ поступают уже письма рядовых русских людей, стремящихся в Финляндию добровольцами: биться там за освобождение родины. И если Финляндия станет действительно исходным плацдармом для международного похода против большевиков, наше русское место там. „Не пустить“ нас туда было бы не только несправедливо, но и неразумно: ведь нашими голосами легче всего поднять Красную Армию против ее действительного врага, врага России: против сталинской власти. Наше дело и говорить с пленными. Финляндская неудача легко может отозваться в России внутренним взрывом. Она уже вызвала международный поворот против большевиков. Но ... в интересах освобождения России нам надо действовать: вложиться в завязавшуюся борьбу!»¹⁴ Русские писатели в эмиграции также выступили в защиту

¹³ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. С. 155.

¹⁴ Тхоржевский И. Большевики, Финляндия и Россия / Возрождение. 1939. 26 декабря.

северной страны. В. Г. Макуров в исследовании «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.» цитирует малоизвестный документ, опубликованный в газете «Suomen Sosiaalidemokraatti» («Социал-демократ в Финляндии») 9 января 1940 года. Это – заявление русских деятелей культуры в связи с военными действиями за подписью Марка Алданова, Ивана Бунина, Дмитрия Мережковского, Сергея Рахманинова, Бориса Зайцева, пытавшихся убедить мировую общественность, что советское руководство ничего не имеет общего с русским народом: «В настоящий момент, когда правительство Советского Союза сеет в Финляндии смерть, разрушения и ложь, мы выражаем самый решительный протест по поводу этого преступного безумия. Русский народ не участвует в этих преступлениях, которые творит сталинское правительство в Финляндии. Мы уверены, что русские никогда не чувствовали и не могут чувствовать никакой враждебности к финскому народу, который героически защищает свою страну. Между Россией и Финляндией нет никакого вопроса, который нельзя было бы разрешить дружественно мирным путем...»¹⁵ И если русские «белые» отреклись от своих «красных» соотечественников, воевавших с Финляндией, то финские «красные», даже коммунисты, объединившись с «белыми», встали на защиту финских границ.

Любопытно, что в своих воспоминаниях главнокомандующий финской армией маршал К. Г. Маннергейм называет претензии советского руководства «панславянскими», только прикрытыми «коммунистическими лозунгами». По мнению К. Г. Маннергейма, Сталин беспокоился не столько о безопасности Ленинграда, сколько

¹⁵ Макуров В. Г. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. / Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2002. С. 585.

хотел восстановить границу, установленную Петром I в 1721 году. «Советский Союз, – вспоминал маршал, – явно стремится к тому, чтобы восстановить <...> построенное еще в царское время и разрушенное по условиям Тартуского договора береговое укрепление <...> Он [Советский Союз. – Е. С.] унаследовал панславянские идеи царской России, хотя они нынче и замаскированы идеологией Коминтерна»¹⁶. По мнению К. Г. Маннергейма острова Финского залива с военной точки зрения были для СССР «малоценными», а «Карельский перешеек стал единственным направлением, с которого нападения на Ленинград не было»¹⁷.

И в российской науке признается, что перенос границы не только не спас Ленинград, а был одной из причин блокады Ленинграда. М. И. Семиряга напрямую связывает трагедию на северо-западном направлении в 1941–1943 годах с актом агрессии СССР против Финляндии в 1939 году¹⁸.

Безусловно, гибелью собственного народа (со стороны СССР погибло 126 875 человек) нельзя было исправлять ошибки дипломатов, которые были допущены как ленинской делегацией в 1920-м году при определении границ, так и те, которые допустил Александр I в 1809 году, присоединив территорию, отвоеванную Петром I у шведов в ходе 21-летней Северной войны к новому Княжеству Финляндскому. Абсолютно прав Урхо Кекконен, считавший, что между Финляндией и Россией не существует ни одного вопроса, который нельзя было бы решить мирным путем.

У Ивана Солоневича отношение к Зимней войне было особое. Он считал, что Советско-финляндская война – это один из немногих шансов, когда Россия может вер-

¹⁶ Маннергейм К. Г. Указ. соч. С. 248.

¹⁷ Маннергейм К. Г. Указ. соч. С. 246.

¹⁸ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 191.

нуть монархию, монархический строй может возродиться в России при помощи Финляндии, и возрождение придет непосредственно с финской территории. Раз уж война началась, то ее, по мнению И. Солоневича, надо было использовать как уникальную возможность для восстановления монархии. «...Никогда еще со времен эвакуации Крыма мы не стояли так близко к возможности возобновления нашей реальной борьбы, как это было 27 января 1940 года»¹⁹. В прессе появились сообщения об отказе Финляндии от сотрудничества с русскими эмигрантскими воинскими организациями. К этой информации Солоневич призывал относиться очень осторожно, не доверять полностью формуле, гуляющей по страницам печати, что «финны с нами никакого дела иметь не захотели». По мнению Солоневича, если эта формула и верна, то по отношению далеко не ко всем организациям. «Даже и среди русофобских кругов Финляндии имеются различные люди, которые понимают: рано или поздно, но с Россией придется считаться – лучше уж считаться с национальной, чем с советской, – все-таки полтора ста миллионов»²⁰. И в статье «Политика Финляндии» И. Солоневич утверждает, что в качестве иностранной базы Финляндия являлась лучшим из всех мыслимых вариантов для возможности создать военную организацию среди русской эмиграции. Ибо «Финляндия не добивается ни самостоятельной Украины, ни финансового контроля над Уралом, ни выкачивания из русского народа прибавочной стоимости, ни превращения России в свою колонию»²¹. Правда, заключительная фраза в этом абзаце: «Финляндия добивалась мира и независимости», – выглядит несколько декларативной. Безусловно, свои интересы в отношении России у Финляндии были.

¹⁹ Солоневич И. Еще о Финляндии. Родина. 1940. № 2. С. 19.

²⁰ Солоневич И. Там же.

²¹ Солоневич И. Политика Финляндии. Родина. 1940. № 1.

Иван Солоневич составил обращение к правительству Финляндии и попытался добиться приема у премьер-министра Ристо Рюти (который в 1940 году стал президентом Финляндии).

По словам Ивана Солоневича, в Финляндию его пригласил Карл Густав Маннергейм, подтвердив, что финским военным небезынтересно знать мнение видного русского публициста о пропаганде против советской системы.

Это предложение совпадало с интересами самого Солоневича. Он полагал, что финские военные специалисты обнаружат солидарность с его взглядами, разделят позицию и настроение, поэтому он не потребовал компенсации расходов на поездку и приехал в Финляндию за свой счет. Солоневичи сразу же вышли на связь с финскими военными кругами, предложив им организовать антисоветскую пропаганду. Их предложение нашло отклик среди финских военных. Как сообщают информанты, по пути в Финляндию Солоневичи встретились в Стокгольме с бароном Стакельбергом²², рассказали ему о цели своей поездки, о планах своих действий и получили его благословение. По рекомендации Стакельберга в Стокгольме Солоневичам была организована встреча с графом Буксгевденом²³, с которым они долго беседовали и тоже получили поддержку. В Хельсинки от имени финских военных кругов Солоневичей встречали генерал Рудольф Вальден²⁴ и полковник Линд. Поначалу генерал Вальден

²² Стакельберг (Штакельберг) (Stackelberg) P. A. (1885–1960) – барон, бывший церемониймейстер двора, председатель общества «Русская колония в Финляндии» в 1932–1940 годах.

²³ Буксгевден В. А. (Vuxhoeveden) (1885–1944) – граф, бывший придворный чиновник царского министерства, председатель общества «Русская колония в Финляндии» в 1925–1932 годах.

²⁴ Вальден Рудольф (1878–1946) – генерал финской армии, министр обороны Финляндии с марта 1940 года. Во время Советско-финляндской войны осуществлял связь между правительством и главнокомандующим.

*Генерал
Рудольф Вальден (слева)
и Карл Густав Маннергейм*

отнесся к Солоневичам настороженно и в дневнике от 2 февраля 1940 года, передавая содержание беседы с премьер-министром Ристо Рюти, констатировал: «Солоневич с сыном прибыл в Финляндию, но по мнению Линда и по моему тоже им надо в деликатной форме предложить вернуться в Берлин»²⁵. Встречи Вальдена с Иваном Солоневичем продолжались в течение двух дней. В разговоре с Вальденом Солоневич утверждал, что организация штабс-капитанов может быть использована для дела в любое время, по первому зову, и она может при необходимости самофинансироваться. «В Германии у Солоневича – 150 человек, на Балканах – 200–300 человек, на Дальнем Востоке – 500–600»²⁶. Генерал Вальден заинтересовался не организацией штабс-капитанов, а идеями Солоневича и предложил Ивану Лукьяновичу написать представление премьер-министру Ристо Рюти. Это представление было написано в субботу утром и сразу же переведено на финский язык госпожой Лившиц. В этот же день Ристо Рюти познакомился с текстом Ивана Солоневича. Как

²⁵ R[udolf] W[alde]n Keskustelu Pääministerin Kanssa helmikuun 2 p: na 1940. Klo 15 // Kansallisarkisto. Karl Rudolf Waldenin arkisto (F 122/4).

²⁶ SKA, N 118.

отзывалась переводчица, в представлении «она смягчила выражения, которые не принято использовать в Финляндии».

Обращение Солоневича к финскому правительству представляет несомненный научный интерес. Этот текст в переводе госпожи Лившиц на финский язык и в нашем обратном переводе с финского на русский впервые вводится в научный обиход и выглядит следующим образом:

«Судя по конъюнктуре, создавшейся в отношениях между Финляндией и СССР, вопрос о рождении Финляндской советской республики – дело времени и соответствующей международной обстановки. Поэтому я предлагаю изменить коренным образом эту конъюнктуру и действовать в направлении обратном – на рождение народной России. Какими бы ни были потом взаимоотношения между народной Россией и народной Финляндией, но они не могут быть хуже, чем взаимоотношения с Советской Россией. И у Польши, которая в свое время предала идеи борьбы белых русских, предпочтя дружбу с Советской Россией, считая, что соседство Польши с Советской Россией более благоприятно, чем с народной Россией, теперь есть полное основание проверить свою точку зрения.

Но я не желаю вмешиваться в политику Финляндии, а предлагаю изменить характер антисоветской пропаганды, которая в настоящее время строится на антирусской основе, – совсем безрассудное предприятие. Она не доходит до русских, не достигает своей цели. Поэтому надо освободить антисоветскую пропаганду от антирусских выпадов и ото всех попыток защищать Сталина. Это надо сделать и создать новую систему работы, чтобы достичь желаемого эффекта. Пропаганда должна быть антисоветской, антимарксистской и антисталинской, иначе она не имеет никакого значения. Пропаганду эту надо вести от имени русских, пусть даже надуманных лиц, если таковых не найдется здесь. Если же нет, их надо при-

думать. Исходя из этого положения, в Финляндии необходимо было бы создать русский революционный народный комитет. И этот комитет должен был бы поставить перед собой сугубо русские цели им, он от своего имени должен обращаться к русским гражданам Советского Союза. И пропаганда должна быть направлена не на низшие слои общества, а на высшие руководящие органы или, в крайнем случае, на средние слои. Надо учитывать те факты, что Германия, Англия и Франция помогали русским большевикам в осуществлении их революции, поэтому у многих русских есть неприязнь ко всему, что исходит из этих стран. Финляндия в этом отношении – исключение. Только со стороны Финляндии советские русские могут ожидать более цивилизованного, более гуманного отношения к ним, их нуждам и чаяниям („Место русского офицера не на линии Можино, а на линии Маннергейма“). Находясь в эмиграции, я выступал резко против всех стремлений Советского Союза в отношении Финляндии, в частности против желания присоединить Финляндию к СССР.

Выступление великого князя Владимира Кирилловича – результат моих выступлений в печати и на собраниях офицеров. Исходя из всего этого, Финляндия является самым выгодным местом для размещения российских акций. Все другие ориентации на германский, на английский или японский рынок вызывают недоверие, так как цель этих стран – развалить Россию (советское население очень чутко и болезненно реагирует на такого рода размещение акций и инвестиций). В отношении Финляндии такой реакции не может быть, поэтому именно в Финляндии есть возможность создать организацию, русскую организацию, которой население Советского Союза могло бы поверить. Если бы такую организацию создали бы, скажем, в Германии советские люди ей не поверили бы. Русский революционный комитет можно

было бы использовать не только как орган, организующий антисоветскую пропаганду, но и как орган – зародыш будущего правительства новой России. Далее в нынешней антисоветской пропаганде полностью отсутствует правильное и опытное руководство, организованность и убедительность. Поэтому, по моему мнению, наиболее правильно было бы в ближайшее время организовать эту пропаганду от имени русских и под руководством русских. Даже самый ответственный финский пропагандист, пусть он даже по происхождению русский, вызывает и, наверное, уже и вызывал такое впечатление, что к красноармейцам обращается какой-то враг России, который пытается унижить, оскорбить русского и защищает злейшего врага России – Сталина. Если вести пропаганду таким образом, то у пропагандистов нет никаких шансов на успех. Финны должны уяснить для себя, что нельзя спровоцировать красноармейцев на восстание против советской власти (поверните штыки против нее и т. д.) и одновременно требовать от этой власти мира. Надо совсем не знать советской действительности, чтобы соединить эти два лозунга в одном пропагандистском материале. Основная масса красноармейцев настроена против Сталина и его генеральной линии. Согласных этой линии войны нет, вопрос стоит об освобождении мирового пролетариата от ига капитализма. Агитировать ликвидировать Жданова, Мерецкова и других и оставить в живых Сталина совсем бессмысленно, потому что от ликвидации этих деятелей русский народ ничего не выиграет, наоборот, они обрели бы статус народных героев. Надо бить по самой верхушке советского руководства и на более слабые места в этом руководстве и разъяснять русскому народу самую сущность советского строя.

Также бесполезно говорить красноармейцам, что они воюют плохо. Потери Красной Армии и их трудности в

ведении этой войны только закалят их характер. Неумелая антисоветская пропаганда со стороны Финляндии даст только пищу для советской контрпропаганды, которая опирается в своей работе на советский патриотизм красноармейцев и их гордость за свою страну и национальную гордость для поднятия их боевого духа.

Листовки, в которых описывается жизнь финнов, а также перечень цен на оружие в этих листовках могут оказаться для Финляндского правительства бумерангом, сыграть противоположную желаемому роль. В лучшем случае Финляндия получит еще 100.000 военнопленных, которые в основном будут из числа криминальных людей. И эта толпа не способна что-то хорошо сделать, а наоборот, будет предметом постоянного беспокойства как для властей, так и для населения, живущего рядом с их лагерями.

Русский революционный народный комитет лучше всего было бы собрать из русских, проживших какое-то время в России при советской власти, а затем эмигрировавших в Финляндию. Если удастся создать такой комитет, то многие огрехи пропаганды смогут быть устранены. И хотя предложение создать такой комитет и организовать его работу, выглядит в какой-то мере демагогическим, оно имеет серьезные основания для воплощения. От этого никуда не уйти. Надо его работу организовать на самой серьезной основе. Надо постараться создать такое впечатление, что это предприятие создано для серьезной работы. Организаций было создано великое множество, но без серьезного руководства они лопались, как мыльные пузыри. И только предложенный комитет способен организовать работу по подготовке к свержению советской власти. Восстановление монархии в России является бесспорной необходимостью»²⁷.

²⁷ Selostus herrojen Solonevitshien oliskelusta Suomesta N 1019 /17.2.40/ SKA, N 118.

Это обращение было получено Ристо Рюти в субботу во второй половине дня. Быстрота, с которой оно было переведено и положено на стол премьер-министру, говорит о серьезном отношении к Солоневичу высшего финского командования. В письменном отчете о встрече с премьер-министром от 5 февраля генерал Вальден отметил, что «сообщил об отъезде Солоневичей, о том, как обстоит дело с Бажановым²⁸, прочитал также несколько отрывков из меморандума Солоневичей, в котором указывается, на каком неверном пути находится наша пропаганда»²⁹. Думается, явно неосторожной выглядела первая фраза Солоневича, будто бы превращение Финляндии в советскую республику – дело решенное. Премьер-министр не принял Ивана Солоневича. Но финское правительство оплатило пребывание Солоневичей в гостинице и купило им билеты на самолет в Берлин.

В «Докладе о пребывании господ Солоневичей в Финляндии» сообщалось, что «1) об организации штабс-капитанов в Финляндии ничего не известно, что 2) сын Солоневича Юрий хорошо говорит по-шведски, но очень вольный и более грубый, чем отец, 3) визит этих господ в Финляндии оставил плохое впечатление. Фюреризм так и выпирал из них»³⁰.

У финнов не было особых симпатий к Гитлеру. До совместных военных планов Финляндии и Германии оставалось еще около года. До лета 1940 года Финляндия официально подчеркивала свой нейтралитет³¹. И тот

²⁸ Бажанов Борис Георгиевич (1900–1982). Представитель военной организации Российского эмигрантского союза. Бывший секретарь И. Сталина, бежавший в Иран в 1928 году из командировки в Средней Азии.

²⁹ R. W[alde]n Keskustelu Pääministerin Kanssa helmikun 5 p: na 1940 kl. 18.30 // Kansallisarkisto. Kare Rudolf Waldenin arkisto (F122/4).

³⁰ SKA, N 118.

³¹ Переговоры Германа Геринга и генерала Томаса о поставке оружия в Финляндию начались в августе 1940 г., а в сентябре того же года был подписан протокол о транзите.

факт, что Солоневичи прибыли из Германии, был им не на пользу.

Сразу заметим, что прогерманские настроения Ивана Солоневича достаточно быстро закончились, и после начала войны Советского Союза с Германией Иван Солоневич относился к Гитлеру резко отрицательно. Но в тридцатые годы в своем сочувствии гитлеризму и в целом национал-социалистическому движению, как мы уже указывали во введении, Иван Солоневич был не одинок. В русской эмиграции поддерживали политику Муссолини и Гитлера Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Иван Шмелев, Илья Сургучев. В прогерманском «Парижском вестнике» печатались Нина Берберова, Александр Бенуа и Серж Лифарь. В Италии Томазо Маринетти, в Норвегии Кнут Гамсун, в Америке Эзра Паунд, во Франции Жан Кокто входили в ряды коричневых интеллектуалов.

Абсолютно искренне большому числу русских беженцев в Европе новое консервативное движение показалось явным продолжением Гражданской войны в России, продолжением Белого движения. Крайности правого национализма тогда как бы и не учитывались, доктрина античеловеческого движения еще не дала о себе знать в полной мере. Что же привлекало многих мировых мыслителей и поэтов в этом движении? И, прежде всего, что убеждало многих деятелей русской эмиграции, подобно Ивану Солоневичу, в правоте национал-социалистического движения?

Когда теоретик футуризма Томазо Маринетти уже не просто как поэт-футурист, а в качестве высокого государственного чиновника весной 1934 года прибыл в гитлеровскую Германию, немецкие экспрессионисты пытались его убедить, что символами нового Рейха стали форма, отбор, стиль – государство и искусство³². Вот эту утверждающую

³² Молер А. Фашизм как стиль / Пер. с нем. А. Барсукова. Новгород, 2007.

роль государства ценили русские эмигранты, покинувшие свою разрушенную державу. Новую государственность вместо новых революций. К тому же, на взгляд Михаила Назарова, среди русской эмиграции было очень мало сторонников западных демократий, они почти все симпатизировали авторитарным режимам, потому что именно авторитарные режимы были единственными, провозгласившими антикоммунистическую борьбу: «Фашизм – это историческое явление, это реакция в Западной Европе, подчеркиваю, только в Западной Европе, на победу космополитических демократических сил в Первой мировой войне, национальная реакция, которая была во многом бездуховной, которая пользовалась многими правильными идеями, но своей бездуховностью привела всё это свое движение к краху. Вот что такое фашизм, с моей точки зрения»³³.

К тридцатым годам движение русской эмиграции потеряло былую уверенность в скорой победе над большевизмом. Кончились иллюзии и на приход некоего молодого героя, который победит Сталина и сменит ненавистный большевистский режим. Время надежд прошло. Особенно четко это понимали эмигранты 1930-х годов, такие как Иван Солоневич, которые сами посидели в лагерях и почувствовали прочность власти.

Обычно выделяют несколько причин, побуждавших часть писателей и из первой, и из второй эмиграции симпатизировать в 1930-х годах Гитлеру.

Почти все они пострадали от рук большевиков. У Ивана Шмелева в Крыму расстреляли совсем молодого сына. Борис Ширяев был приговорен к смертной казни. Солоневичи прошли через лагеря, погибла жена Ивана Лукьяновича.

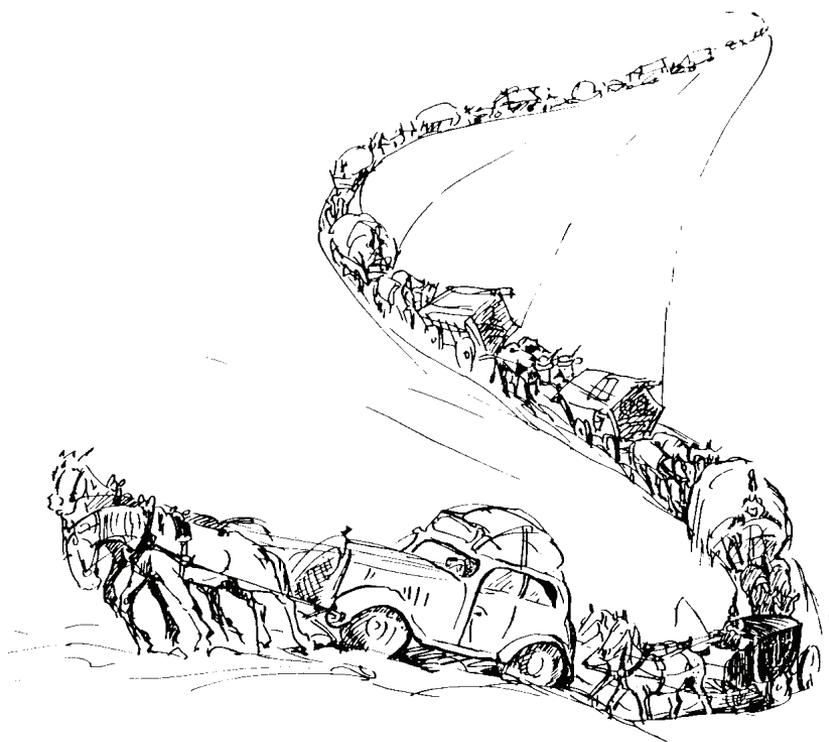
³³ Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 256.

Писатели надеялись на то, что с помощью внешних сил будет освобождена Россия и неизбежно восстановится русская монархия. Для части русской эмиграции и Великая Отечественная война стала продолжением войны Гражданской. Не случайно, что и во время Советско-финляндской войны 1939 года было сделано немало попыток русскими эмигрантами для создания русской народной армии в составе финской армии.

В мечтах непримиримой части белой эмиграции было занятие Ленинграда и формирование там русского народного правительства. Иные из них полагали, что красноармейцы сами пойдут сдаваться и будут переходить на сторону русской народной армии. Трудно сказать, насколько эта надежда была утопической. Впрочем, и финское руководство не спешило доверять русским эмигрантам, допуская их лишь на вспомогательные роли. Также было позднее и на войне с немцами. Ни Маннергейм, ни Гитлер не собирались освобождать Россию для восстановления монархии. Русские эмигранты использовались лишь как пропагандисты. Священники в газетах «Милый друг» и «Друг пленных», издаваемых для советских военнопленных, в своих проповедях разъясняли, что солдаты посланы на несправедную войну своим жестоким правительством. Надо признать, что идея русских эмигрантов использовать внешние силы, будь то финны, или немцы, или даже японцы, провалилась. Создавать великую Россию из враждующих с СССР стран никто не хотел. Еще одна причина, из-за которой часть русских эмигрантов была увлечена идеями Гитлера – это вера в обновление разлагающегося буржуазного мира, здоровое омолаживание общества с помощью целительных национал-консервативных идей.

В реальности эти разные причины, по которым русские эмигранты, включая Ивана Солоневича, симпатизировали

гитлеризму, часто смешивались. Уживались вместе личная месть сталинизму, ставка на любые внешние силы для скорейшего поражения большевистского режима, вера в обновление мира. Все эти причины побудили Солоневича переехать в Германию из Софии осенью 1938 года, вскоре после гибели Тамары Владимировны. В Финляндию Солоневич вернулся с надеждами на укрепление финско-немецких отношений и на свою роль в этом укреплении. Не получилось. Неизбежное сближение Финляндии и Германии после окончания Советско-финляндской войны происходило без всякой помощи белой русской эмиграции. Общаться с кругом Солоневичей финские власти не пожелали.

*Рисунки Ю. Солоневича
периода ссылки в Померанию (1941–1945 гг.)*

Четвертого февраля Солоневичи покинули Финляндию. Воспользоваться Советско-финляндской войной для восстановления монархии не удалось, но из этой войны можно было извлечь уроки. И Солоневич посвящает Финляндии несколько статей, опубликованных вскоре после возвращения.

2.2 Иван Солоневич о Советско-финляндской войне

Статьи Ивана Солоневича «На финском фронте», «Политика Финляндии», «Еще о Финляндии», «На наших путях» были опубликованы в 1940-м году в журнале «Родина», они были замечены финнами, были сразу

же переведены на финский язык и показаны в финских военных кругах.

До поездки в Финляндию Солоневич был убежден, что судьбы Финляндии и России зависят от того, насколько Советско-финляндской войне удастся стать войной гражданской, («За вашу и нашу победу»). Вернувшись, публицист констатировал в статье «Политика Финляндии», что от такого решения финское правительство уклонилось»³⁴. Любопытно, что именно гражданской войны больше всего опасалось советское руководство. В выступлении Сталина на совещании начальствующего состава было сказано, что «прорваться к Ленинграду, занять его и образовать, так скажем, буржуазное правительство, белогвардейское – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти»³⁵.

В военной публицистике Солоневича образ Финляндии имел много положительных черт. Прежде всего Солоневич обращает внимание на отсутствие всякой касты в финской армии и на народное единство, которое, по его словам, «так блестяще оправдало себя на линии Маннергейма»³⁶.

«В финской армии нет касты и поэтому нет такого разрыва между солдатской массой и офицерством, который был у нас, о котором писали и Головин и Деникин, и каждый отталкивал от офицерства более или менее все население страны, – этот разрыв сказался в 1917 году. Теперь нужно надеяться, что результаты первого финского опыта уже выяснили: во что именно обходится и

³⁴ Солоневич И. Политика Финляндии // Родина. 1940. № 1. С. 9.

³⁵ Сталин И. «О войне с Финляндией» / Выступление на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии // Режим доступа: [http:// petrograd.biz/Stalin/14+18.hph](http://petrograd.biz/Stalin/14+18.hph).

³⁶ Солоневич И. Родина. 1940. № 1. С. 17.

нам, в частности, и России <...> весь этот блуд всяких эволюционных теорий» («Никакого уныния». С. 17).

Солоневич явно не справедливо судил по фотографиям о советских солдатах, критикуя выражение их лиц и «концлагерное обмундирование». Как утверждают финские историки, солдаты армии Финляндии тоже не имели формы, воевали некоторое время в гражданской одежде. Но анализ Солоневичем финской пропаганды выглядит вполне убедительным и, судя по всему, финское руководство прислушивалось к мнению русского публициста. Пропаганда была слабым местом у обеих воюющих держав. Действовали старые стереотипы, не имеющие ничего общего с действительностью. Например, советские командиры ошибочно думали, что беднейшее население Финляндии будет переходить на сторону Красной Армии, но вместо бедного крестьянина они встретились с зажиточным хозяином своей земли, портрет которого столь образно описан в прозе Ивана Солоневича. Политруки признавались, что они не знали, «с какими лозунгами идти к этому населению и как вести работу среди него. Мы часто обращались в своей пропаганде к финским крестьянам северных районов, как к труженикам, а оказывается, этот крестьянин шюцкоровец – крупный кулак. Столкновение с действительностью нередко ошарашивало нашего бойца и командира, знавшего население зарубежных стран по трафаретным лозунгам и упрощенной пропаганде»³⁷.

Подобная пропаганда вызывала у финнов улыбку и даже насмешку, «она работала против себя <...> настолько противоречила финской действительности, что ее опровержение не требовало больших усилий»³⁸. Опровержения появлялись в финских радиопередачах в образе

³⁷ ЦГАСА, ф. 32, оп. 11309, д. 15, пл. 94–98. Цит. по: Семиряга М. И. Указ. соч. С. 197.

³⁸ Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. С. 138.

плута Лапатоссу, насмехавшегося над Молотовым и советскими военачальниками.

Со стороны Финляндии, по словам финского историка Тимо Вихавайнена, пропаганда велась на русском и турецком языках (использование турецкого предполагало большое количество солдат в Красной Армии тюркского происхождения), вот, например, отрывок из текста одной из листовок: «Вы, товарищи ленинградцы, знаете финнов, знаете их железную выносливость, их организованность, их высокоразвитую технику, их меткость в стрельбе. На стороне финнов сейчас сочувствие и поддержка всего цивилизованного мира: США, Франции, Англии, Скандинавии и других государств Европы и Америки <...> Разве не ясно, что война против Финляндии в условиях суровой северной зимы будет длинной и трудной и потребует от русского народа сотни тысяч человеческих жертв ... Достаточно лжи и предательств! Сбросим сталинских палачей! Вы знаете, куда должны быть направлены винтовки: не в сторону братского народа Финляндии, а в сердца сталинских псов <...>»³⁹.

По мнению Ивана Солоневича, финская пропаганда содержала в себе три направления, примерно соответствующие направлениям во внутренней политике Финляндии. 1) Антирусское. По радио передавались сводки на русском языке, «имеющие довольно явный антирусский характер <...> вот как мы, финны, бьем вас, русских»⁴⁰. (Такие сообщения дают дополнительный импульс драться лучше, считает публицист). 2) Симпатизирующее образу Ленина. Цитаты финского радио из произведений Ленина свидетельствовали, на взгляд Солоневича, о том, «как симпатично относилась Финляндия к родоначальнику русских концлагерей, русского

³⁹ Вихавайнен Т. Указ. соч. С. 140–141.

⁴⁰ Солоневич И. Политика Финляндии // Родина. 1940. № 1. С. 9.

голода и русского террора. Как она скрывала Ленина от Временного Правительства и как Ленин за все это был благодарен Финляндии»⁴¹. 3) Религиозное. В газете «Друг пленных», издававшейся в Финляндии на русском языке, было полно церковных проповедей, написанных лютеранскими пасторами. На взгляд Солоневича, эти проповеди не имели никакого воздействия на красноармейцев, во-первых, проповеди были написаны на плохом русском языке, во-вторых, советские солдаты имели за плечами атеистическую школу.

В целом, делает вывод Иван Лукьянович в статье «Политика Финляндии», финская пропаганда также работала против себя, у красноармейцев сложилось неоднозначное представление о войне. С одной стороны, они не понимали, из-за чего их «гонят» в эту войну, с другой стороны, думали они, «мы воюем против людей, – которые так блестяще истребляют нас, голодных, раздетых, безграмотных и воевать не желающих. Против людей, которые так симпатизируют и Ленину, и Сталину. <...> Давайте, ребята, покажем, что не такие уж мы бедненькие, несчастненькие, что так уж можно нас истреблять, что с таким презрением можно относиться к России вообще и что так уж просто покупать нас за деньги»⁴².

По мнению Солоневича, перелом в ходе Советско-финляндской войны объясняется психологическим действием финской пропаганды. «Что, в самом деле, делать красноармейцам: сзади враги и впереди – враги? Но сзади, по крайней мере, говорят о Суворове, а спереди нас обзывают сволочью»⁴³.

Любопытно, что Солоневич в своей «финской» публицистике не исследует причины, из-за которых провалились

⁴¹ Солоневич И. Политика Финляндии // Родина. 1940. № 1. С. 9.

⁴² Солоневич И. Там же.

⁴³ Там же.

советско-финляндские переговоры, а касается именно тактики – хода войны и психологии солдата. Он особое значение придает пропаганде и психологии, ведь для человека, ввязавшегося в драку или войну, не всегда важно, по какой причине она началась. По мнению публициста «всякая война основана на древнем мужском инстинкте драки, – иначе она вообще не была бы возможна <...> в целом ряде совершенно бессмысленных войн солдаты, попавшие в армию совершенно бессмысленным способом, дрались все-таки великолепно»⁴⁴. Но желание драться возникает благодаря пропаганде. И поэтому Солоневич предупреждает, что в будущей борьбе за Россию «политическая пропаганда <...> будет самым сильным, может быть, и единственным оружием»⁴⁵.

Заметим, если пропаганда обеих воюющих сторон была слабой, то, напротив, и в СССР, и Финляндии сильными были стихотворные публикации. Поэты смогли сконцентрировать в своих строках победный дух, выразить жажду борьбы. И когда читаешь, с одной стороны, стихотворение Александра Безыменского, а с другой Ууно Кайласа, приходишь к выводу о действительном равенстве «штыка и пера». Поэтическое вдохновение сродни вдохновению воинскому. Получив творческий стимул, искру, поэт творит то, чему не всегда может найти рациональное объяснение, говоря словами Ивана Солоневича, «первоначальные цели теряют свою актуальность». Спрашивается, действительно ли нужно было Безыменскому, чтобы финские солдаты сломали себе «шею о Карельский перешеек», а Кайласу, чтобы русские воины полегли в финской земле, но стихи звали на борьбу лучше всяких листовок. В стихотворении «Довольно» Александра Безыменского есть и рас-

⁴⁴ Солоневич И. Политика Финляндии // Родина. 1940. № 1. С. 9.

⁴⁵ Там же.

хожие журналистские штампы («взбесившиеся псы», «финляндский шут», «поджигатели войны»), но в то же время есть и емкие поэтические образы.

И правда наших слов над миром прогремела...
Но что ж? Финляндский шут понять не захотел,
Что нашему терпенью есть предел,
А нашим силам – нет предела!

Довольно разговоров! Нам ясны
Все происки врага, увёртки и лазейки!
Сумеет доказать народ стальной страны,
Что скоро поджигатели войны
Сломают шею на Карельском перешейке⁴⁶.

Стихотворение, написанное явно по заданию за день до начала войны, уже содержит красноречивое пророчество о победе, последняя строка, надо признаться, запоминается сразу, становясь афористичной.

В стихотворении Николая Тихонова «Перекличка героев», опубликованном в том же «роковом» номере газеты «Правда», подкупающе звучат внутрискочные ассоциации, психологически готовящие бойцов к «полету»:

– Я здесь стою, готовый к бою,
К полету крылья разверну,
Чтоб под крылом летящих строю
Победой новой заодно
Река Сестра моей сестрою
Рекой родною стала вновь!⁴⁷

Вряд ли эти стихи можно назвать подлинной поэзией, творческий заказ, вероятно, был хорошо оплачен, но в профессионализме авторам отказать нельзя.

⁴⁶ Безыменский А. Довольно... / Правда. 1939. 29 ноября.

⁴⁷ Тихонов Н. Перекличка героев / Правда. 1939. 29 ноября.

И в Финляндии у Ууно Кайласа, знаменитого «реакционера» финской лирики (такую репутацию поэт получил за стихотворение «На границе» («Rajalla») строки были столь зримы и сильны, что воздействовали на солдат куда сильнее газетных статей. Стихотворение «На границе» было самым популярным концертным номером во время Зимней войны в Финляндии:

Kaukaa aroilta kohoaa
Iivana Julman haamu.
Turman henki, se ennustaa
Verta on näkevä aamu.

<...>

Tulkoot hurttina aroiltaan!
Mahtuvat multaan tänne!

(С далеких степей поднимается
призрак Ивана Грозного.
Гибели дух предвещает нам
Утро в кровавом зареве.

<...>

Пусть со степей идут варвары!
В нашей земле пусть улягутся!)⁴⁸

перевод автора

В статье «На финском фронте» Солоневич критикует отсутствие профессионального руководства в Красной Армии, которое было заблаговременно убрано или убито. Публицист предполагает, что если бы во главе армии на финском фронте стоял Тухачевский, а за штурвалом самолетов сидели знаменитые летчики Бабушкины, Леваневский, Унишевские, то армия атаковала бы не линию Маннергейма, а «генеральную линию Сталина». Однако командиры были убиты, а солдаты были совсем

⁴⁸ Kailas U. Runoja. Porvoo: WSOY, 1966. S. 247–249.

не обучены. Даже летчики на финском фронте были, по словам Солоневича, «новые выдвиненцы от авиации». Хотя, как утверждает публицист, в Советской России «была очень хорошо одетая, вполне сытая, прекрасно тренированная армия с очень неплохим командным составом»⁴⁹. И далее Солоневич задается вопросом: «Куда же все это делось?» И почему на финском фронте воюют не «прежние подтянутые и даже щеголеватые товарищи бойцы», а бывшие заключенные из местных лагерей Беломорско-Балтийского канала? Солоневич критикует одежду солдат, их «концлагерное обмундирование»: «Тот же лагерный бушлат, в каком я хаживал в свое время, те же стеганые ватные штаны. На голове – что попало: у кого старая буденовка, у кого рваная папаха, у кого головной убор, выкроенный из порванных лагерных одеял. На ногах, опять же, что попало до лаптей включительно. Из сопоставления <...> фотографий, документов и прочего, стало ясно почти до очевидности: да ведь это наши старые знакомые...»⁵⁰ Солоневич, разумеется, критиковал солдатскую одежду не из эстетических соображений. «Концлагерное обмундирование» говорило о большом количестве заключенных, воевавших под Ленинградом. Солоневич приходил к несколько фантастическому выводу, что Сталин боялся использовать части действующей Красной Армии, ибо они, соединившись с русскими военспецами, явившимися из Финляндии, могли бы повернуть штыки против вождя.

Солоневич прекрасно понимал, что вести вооруженную борьбу за Россию, используя Финляндию как плацдарм, означало воевать с собственным народом, «с русскими людьми, которые все-таки составляют

⁴⁹ Солоневич И. На наших путях // Родина. 1940. № 1. С. 7.

⁵⁰ Солоневич И. Там же. С. 6.

большинство Красной Армии»⁵¹, поэтому, на его взгляд, борьба за Россию сводилась к борьбе политической. Противник междоусобиц в эмигрантской среде, Солоневич явно иронизирует по поводу желания русской эмиграции оказать Финляндии военную помощь. В статье «Еще о Финляндии» он пишет, что у русских эмигрантов «есть банкеты, есть роскошные издания полковых историй, значки, музеи, субординация – а денег для железнодорожного билета на линию Маннергейма так и не оказалось...»⁵²

По мнению публициста, эмигрантскую печать характеризует «неистовая лесть» перед фельдмаршалом Маннергеймом и полное забвение презрительного отношения белых вождей к Финляндии, «третирования финской государственности».

Будущее России, считает Солоневич, не за военно-бюрократическим слоем, не за белыми генералами, а за «национальными течениями, которым удалось вырваться из-под генеральских седалищ» («Еще о Финляндии»).

Подводя итоговые размышления над статьями Ивана Лукьяновича, посвященными Советско-финляндской войне, можно соглашаться и не соглашаться с ним одновременно.

Возможно, в 1939 году и был шанс если не возрождения монархии в России, то хотя бы смены советского руководства. В это время СССР представлял из себя уже не ту молодую советскую республику, снискавшую симпатии пролетариата и многих образованных людей всего мира. К моменту Советско-финляндской войны советские люди познали практически искусственно созданный голод 1931 года, коллективизацию, лагерь и могли бы поддержать новое национально

⁵¹ Солоневич И. Политика Финляндии // Родина. 1940. № 1. С. 10.

⁵² Солоневич И. Еще о Финляндии // Родина. 1940. № 2. С. 20.

ориентированное правительство, если бы таковое было создано, но не в эмиграции, а в самой Советской России. Куда более жизнеспособной оказалась другая идея Ивана Солоневича о политической пропаганде. Как показало время, именно пропаганда привела к смене строя в СССР в 1990-х годах.

Что касается отношения Ивана Солоневича к Финляндии и финнам, во время его второго посещения, то главной заслугой финских военных, на взгляд Солоневича, является то, что они смогли создать народную армию без «касты», без сословий и без пропасти между офицером и солдатом.

Эти факты еще раз убедили Ивана Солоневича в правильности его главной идеи о народной, бессословной монархии. Выводы, к которым он пришел после очередного посещения Финляндии, также легли в основу его главной книги.

ГЛАВА III

ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ И ФИННОВ В ПРОЗЕ ИВАНА, БОРИСА И ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧЕЙ

3.1 Побег в Финляндию в русской литературе

Противоречивые 1920–1930-е годы в Финляндии характеризовались удивительным парадоксом. С одной стороны, не получают источников вдохновения, а порой и средств к существованию русские писатели, жившие в Финляндии долгие годы, с другой стороны – политические эмигранты, бывшие узники советских лагерей, находят здесь свободу, стимул к творчеству и кусок хлеба. Среди всех побегов из советских лагерей побег в Финляндию были менее удачными. Люди погибали от голода, вязли в болотах, нередко беглецов настигала погоня, выдавали местные жители. Антонина Сошина в статье «Мутный призрак свободы» приводит следующие данные: за 1936 год по Беломорско-Балтийскому комбинату – только за июль–август 1936 года из 43 232 заключенных бежало 424 человека, задержано 334.¹ Редко кому удавалось достигнуть границы. Побег в Финляндию становится главной темой книг Юрия Бессонова, Татьяны Чернавиной, Созерко Мальсагова, Ивана Солоневича, Бориса Солоневича и Юрия Солоневича. Каждая книга стала не только политической сенсацией, но и подлинно литературным открытием.

¹ Сошина А. Мутный призрак свободы // Соловецкое море. 2007. № 6. Режим доступа: <http://solovki.info/?action=archive&id=390>

Литературная история побегов в Финляндию началась с документального повествования Созерко Мальсагова. Бывший офицер царской и затем добровольческой армии С. Мальсагов выпустил в Лондоне в 1926 году свою документально-публицистическую книгу «Адский остров». Книга о Соловках и о побеге в Финляндию. Уже через два года, в 1928 году в Париже был опубликован роман Юрия Бессонова, повествующий об этом же побеге пятерых узников Соловецкого лагеря в Финляндию: «26 тюрем и побег с Соловков». Роман принес автору ошеломляющую известность, и в то же время вызвал тревогу в чекистских кругах. Это было первое художественное произведение о жизни заключенных в Соловецком лагере. «Я этому парню верю, так не врут», – сказал Р. Киплинг, прочитав перевод романа Бессонова. Киплинг был единственным, кто поддержал Ю. Бессонова в тот момент, когда Л. Фейхтвангер, Р. Роллан, А. Франс заявили, что «Побег с Соловков»² – это клевета на молодое советское государство. Поездка А. М. Горького на Соловки и была организована с целью замять международный скандал, а сам роман Бессонова исчез из многих библиотек.

А. И. Солженицын, возможно, был знаком с книгами Ю. Бессонова по переводам, по крайней мере, в «Архипелаге ГУЛАГ» название романа упоминается не совсем точно: «А еще по морю бежала группа Бессонова, 5 человек (Малзагов, Малбродский, Сазонов, Приблудин). И стали в Англии выходить книги, кажется, не по одному изданию (Юр. Дм. Бессонов, «Мои 26 тюрем и мое бегство с Соловков»)³. В Англии вышло также документальное повествование Созерко Мальсагова «Адский остров»

² Интервью с Б. И. Бессоновым от 21 января 1993 года. СПб. Архив автора.

³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. В 7 т. М., 1991. Т. VI, ч. III-IV. С. 51.

на английском языке в 1926 году. Вероятно, под несколькими английскими изданиями в исследовании А. Солженицына подразумеваются обе книги соловецких беглецов, и обе в переводе на английский.

Tuntomerkkejä.

Pituus

Vartalo

Hiuukset *ruokaa*

Kasvojen muoto *koikka*

Silmät *siniset*

Nenä *suora*

Erikoisia tuntomerkkejä

Suku- ja ristiniimet *Bezouff, Georg*

(Vanhempien nimet) *Dmitri; Palttina, Vera*

(Vaimo ja lapset *Polozajeff, Nina*

Syntymäaika ja -paikka *2/3 1891 Tatarina*

Annatti *Lihemies*

Kansallisuus

Alamaisuus

Kirjoilla

Asunto tai olinpaikka (milloin?)

Puoluehanta

Ю. Бессонов
(анкета для сыскной
полиции Финляндии)

Юрий (Георгий) Дмитриевич Бессонов (1891–1950-е) сын генерала царской армии Дмитрия Ивановича Бессонова. После революции с корниловцами участвовал в походе на Петроград. В 1918 году вместе с отцом был арестован. Заключение Ю. Бессонов отбывал на станции Плесецкая, откуда ему удалось бежать на Северный фронт, в войска под командованием генерала Миллера. После поражения армии Миллера в 1920 году Бессонов пробовал бежать в Финляндию, но вместе с другими белыми офицерами был схвачен и доставлен в петрозаводскую, а затем в вологодскую тюрьму. После нескольких амнистий Ю. Бессонов был вновь арестован и заключен в Соловецкий лагерь, обвиненный за контрреволюционную деятельность. Оказавшись в одной рабочей роте, Ю. Бессонов, С. А. Мальсагов, М. Г. Сазонов, Э. Мальбродский договорились о побеге в

Финляндию. Пятый – Василий Приблудин примкнул к группе беглецов совершенно случайно. В июне 1925 года бывшие соловецкие узники пересекли финскую границу. Из Финляндии Ю. Бессонов перебрался во Францию в 1926 году. На Монмартре в Париже он открыл художественный салон и написал еще одну книгу религиозно-этической прозы «Партия сильных».

Роман, опубликованный в Париже в 1928 году, написан по горячим следам без какой-либо временной дистанции. Работая над романом, Ю. Бессонов сам эволюционировал как автор. И если первые главы пестрят перечислением тюрем, сдобрены зековским жаргоном, то последние удивляют читателя глубиной размышлений о нравственных, духовных ценностях человека. Любопытно, что разочарование настигает главного героя «26 тюрем...» уже на так называемой свободе. «Свобода!.. Но в лесу я ощущал ее острее»⁴. Разочаровывают героя газеты, полные мелочными выяснениями отношений: «Все было тут не то. – Тут важно было победить друг друга. Вот первый шок» (с. 222), разочаровывает эмиграция: «Они все ссорятся и думают – За ними вся Россия. За ними – ничего. Так, по три человека ... Уж конечно не Россия» (с. 223), разочаровывает то, что отсюда, с Запада не видно России: «И вот я здесь... Нет Соловков, не видно России... Не видно отсюда и ее зари» (с. 227). По жанру первые главы «26-ти тюрем...» – авантюрный роман с широким показом северных тюрем первых послереволюционных лет, с ярким описанием уголовного мира, с занимательным повествованием о любви главного героя к красавице-чекистке. Во второй части происходит как бы смена жанров. Вместо пестрящих картин уголовного быта, бесконечно хлопающих тюремных дверей перед

⁴ Бессонов Ю. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928. С. 220. [В дальнейшем при ссылках на это издание в тексте в скобках указывается страница.]

читателем возникают сдержанные пейзажи Вологодчины, Карелии, Финляндии, уголовный фольклор уступает место нравственно-религиозным размышлениям главного героя. Это уже этико-философская проза с ее обращением к Доброму и Вечному.

Автор замечает красоту северного пейзажа, его скоротечность, непостоянство. В бессоновском описании Севера есть одухотворенность и даже сентиментальность: «Хорош был этот отдых... В особенности ночи... Северные, белые... Красивые своей простотой и ясностью...

Не долго живет север. Могуча, серьезна и сурова его жизнь... Но весной и он улыбается своей манящей и зовущей улыбкой... Чувствует это лес и не спит... Так только, забудется немножко и снова торопится жить ...

Солнышко зашло, немножко тишины, и опять все ожило... Пробежал ветерок, закуковали кукушки, протянули гуси и зазолотились верхушки деревьев... День начался» (с. 205).

Психологическое состояние беглецов тоже передается через детали пейзажа: «Лес защелкал... Загрохотал... Загудел... Эхо подхватило, понесло...» (с. 211). Рваный, лаконичный стиль Бессонова, напоминающий военную прозу Э. Хемингуэя, обжигает. Его синтаксис не столько и не только словесное искусство, сколько горячее дыхание, бешеный стук сердца: «Границу ждали, ее хотели... Придирались ко всякому признаку... Вот широкая просека... И хочется верить...» (с. 215). Граница это или нет? Финляндия это или нет? Нервное напряжение у беглецов иногда сменяется забавными сценками: «Finland?», – спрашиваю я его. Ответа нет. – «Russland, – Finland?», – опять молчание... – «Гельсингфорс – Петроград? – Настаиваю я. – Те же большие, но невыразительные глаза... И ответа все-таки нет» (с. 215). И только деньги могли указать беглецам, где они находятся. «Увидев маленький кусочек мыла, я не мог воздержаться и взял его... У

Сазонова были еще деньги и он пришел в избу, чтобы заплатить. К нашему удивлению, баба взяла серебряную монету и оставила советский червонец... И здесь, отойдя километров пять, мы встали на отдых. Поели, попили, первый раз с мылом помылись в болоте и на утро встретились... с коровами» (с. 216).

Для сравнения интересно заметить, что в допросе финской полиции этот эпизод с «покупкой» продуктов и советскими деньгами занимает солидное место. Лейтенант Шенберг с юмором пересказывает показания Ю. Бессонова, открыто занимая сторону беглецов: «Сначала они спросили у хозяев, где находятся, но те, не зная ни слова по-русски, ничем помочь не могли. Попытались объяснить, что голодны. Хозяева снова ничего не поняли. Хозяйская дочка выскользнула из дома и побежала к соседям. Они сильно испугались, что она донесет на них красноармейцам. Тогда они быстро собрали все увиденные в доме продукты и ретировались, утверждают, что забрали те продукты, которые указаны в протоколе проведенного мною допроса по поводу разбойничьего нападения на дом Вихтаваара. В свое оправдание допрашиваемый приводит тем не менее следующие доводы:

1. Они не знали, где находятся – в России или в Финляндии.

2. Продукты были все полностью использованы, а члены группы крайне истощены.

3. Хозяева дома их не понимали, хоть лопни.

Они предложили хозяевам оплату, десять рублей, которые хозяйке, конечно же, были не нужны... они оставили в доме все имевшиеся у них в наличии серебряные и медные деньги (всего 45 копеек). Рассказчик говорит, что попытался объяснить хозяйке, что они не большевики и в подтверждение показал висящий на шее медальон, на котором была изображена Богородица. Он также говорит, что они страшно спешили, так как опасались

прихода из соседнего дома (Торппа Нурмела) большевиков, куда побежала дочь хозяев вышеупомянутого дома Вихтаваара. Утверждает, что не причинили никакого зла обитателям дома, кроме того, что их стерегли во время сбора продуктов, насильственного, но вынужденного. Утверждает, что все его спутники были убеждены, что хозяева возьмут у них оплату в деньгах, которые они им предлагали. – Говорит о добровольной сдаче имевшегося у него оружия спустя три дня в руки финских властей (деревня Поуссу) и что они соответственно одеты, и что по поведению никак не напоминают большевиков. Единственной целью своего появления в Финляндии называет спасение от верной смерти в лагере на Соловецких островах. Гарантирует отсутствие какой бы то ни было политической или другой подоплеки в своем появлении здесь. Только спасение духа.

Из знакомых, живущих в Финляндии и могущих удостоверить его личность, называет полковника Оскара Вилкмана (Вилкама)⁵.

В своем романе Юрий Бессонов мастерски описывает резкую перемену, произошедшую в сердцах беглецов, когда они, наконец, достигли Финляндии. Когда путники находились в поисках границы, они были полны мистических сил, энергии и, главное, цели. И вот они за границей: «Финляндия... Казалось бы, конец... Конец похода... Конец какой-то ненормальной, кто ее знает, плохой или хорошей, но во всяком случае какой-то особенной жизни...» (с. 218).

Первое, что произошло «за границей», – потерялась цель, исчезла энергия: «Странное ощущение. – Цель достигнута и инициатива больше не нужна... Нет борьбы... Нет упора. – Прострация. Стало как-то неловко, даже неприятно и совершенно непривычно» (с. 218).

⁵ Schönberg. Luutnantti Kuusamo / Kainuun Päälikko. Liitteenä, I kpl. S. 9–10. Suomen kansallisarkisto. Suomen poliisin arkisto. Valpo. Helsinki [Далее при ссылках на данный архив: SKA, N 1007] Asia N. 1007.

Конечно, Бессонов удивлен, что простые финские рабочие одеты в синие теплые фуфайки и непромокаемые сапоги, он слышит в свой адрес «большевики», «коммунисты», колоритно, почти с физическим наслаждением описывает вкус рисовой каши с киселем. «Сколько мы ели! Кашевар с улыбкой приносил бак на целый взвод и от него ничего не оставалось» (с. 219). Вряд ли Бессонов имел представление о политической ситуации 1925 года в самой Финляндии. Финская полиция сомневалась в благонадежности беглецов. Эти сомнения Бессонов объяснял национальным характером финнов: «Финны любят подумать. – Не могли решить, что с нами делать... Думала Кусома [Куусамо. – Е. С.]. – Мы ели и спали... Запросила Улеаборг [Оулу. – Е. С.] – Он ответил. Нас перевели туда. Думал Улеаборг. – Мы сидели в тюрьме. Улеаборг связался с Гельсингфорсом, подумал и Гельсингфорс. Ответил, и мы в столице Финляндии... Но... опять в тюрьме...» (с. 220).

Пожалуй, единственный раз в русской литературе, не считая А. И. Куприна, в книге «26 тюрем...» сравниваются финские и советские тюрьмы. И как это ни парадоксально, сравнение в пользу советской тюрьмы. Правда, тюрьмы и лагеря 1920-х годов, в которых довелось отбывать срок Бессонову, были несколько иными, чем в 30-х годах. Но Бессонов все-таки потрясен различием, бросившимся в глаза. «Там и порядок, и хорошая еда, идеальная чистота, и достаточно вежливое обращение, но уж очень они сухи, – пишет Бессонов о финских тюрьмах, – как-то черствы, впрочем, как и сам Запад. Пора бы ему понять, что и в тюрьмах ведь тоже люди» (с. 220).

В отличие от финской в советской тюрьме «народу много и разного... Здесь вся Россия... Здесь лучший и наиболее стойкий элемент... Здесь север и юг, восток и запад... И выбор есть: здесь офицер, здесь священник, здесь крестьянин и купец... Народу много и времени

хватает, и люди думают, а иногда и говорят...» (с. 221). Бессонов не скрывает противоречий, терзающих ему душу, вроде бы он на свободе, вроде бы он должен быть счастлив, «вокруг Финляндия – и дома, автомобили, улицы... Все чисто, гладко... Спокойные лица, все сыты, обуты, одеты... Кругом человек. Непривычно... Отвык я от этого... Хорошо... Очень хорошо» (с. 220). Но буквально через несколько строк после этого «хорошо» Бессонов восклицает: «Я верил, я любил, надеялся, я знал... Я весь был в будущем... Ну, а теперь? Мне тяжело... Невыносимо... Очень тяжело» (с. 221).

Бессонов был не единственным, кто невзлюбил эмиграцию и полностью разочаровался в западной цивилизации. Чего стоит письмо Леонида Андреева, написанное за неделю до смерти 4 сентября 1919 года Николаю Рериху: «Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежний маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом мой: искусство – творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома – холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом – чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества... И дело не в том, что мне некогда писать или я нездоров – вздор! а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством»⁶.

Завершает роман описание рассвета над Соловецкими островами. Бессонов передает цемящее ощущение ранней весны и вспоминает проповедь молодого христианина: «Солнышко еще не встало, но его первые холодные, розовые лучи уже охватили восток, и черным,

⁶ Андреев Л. Н. – Н. К. Рериху. 4.09.1919 / Новое русское слово. 1924. 14 декабря.

резким, как будто вырезанным силуэтом выделялась на нем вышка, а на ней часовой... Хорошо, легко, по-новому было на душе. Вот она новая весна, новая заря России... понял я тогда» (с. 227). И рядом с этим соловецким воспоминанием горькая заключительная фраза: «И вот я здесь... Нет Соловков, не видно России... Не видно отсюда и ее зари».

Роман Ю. Бессонова многих не устраивал. Негативное отношение к эмиграции сказалось на том, что книгу не часто цитировали в русской зарубежной периодике, некоторые симпатии к коммунистам и к красноармейцам настроили против автора монархистов. В то же время колоритное, с удалью описание тюрем северной России: Петрозаводска, Вологды, Архангельска, Мурманска, захватывающие сцены побегов, погонь, перестрелок, бандитских налетов, грабежей и пьяных загулов заставили чекистов конца 20-х годов сделать все необходимое по уничтожению книги. Но в Финляндии книга была замечена. Роман Бессонова попал даже в первую книгу «Финляндия в русской литературе», написанную в Финляндии после революции преподавателем Хельсинкского университета Валентином Кипарским. Имя Бессонова стояло рядом с именами Н. Гумилева и А. Ахматовой.

В Советском Союзе книгу знали, и в 1929 году потребовался авторитет А. М. Горького, чтобы доказать общественности Запада необходимость Соловков⁷.

По мнению М. Розанова, автора трехтомного исследования «Соловецкий концлагерь в монастыре», Ю. Бессонову удалось суммировать свои испытания «...в удивительно для тех дней трезвых, объективных и глубоких мыслях о лагерной системе и большевизме»⁸. Для Ю. Бессонова побег в Финляндию стал самым тяжелым, но в то же время самым

⁷ Горький А. М. Соловки // Собр. соч. В 30 т. М., 1952. Т. 17. С. 233.

⁸ Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. В 3 т. США – ФРГ. 1979, 1980, 1987. Т. 1. С. 14.

ярким событием в жизни. Этот побег сделал его знаменитым, сформировал его как писателя, определил его дальнейшую судьбу, изменил мировоззрение – но в то же время отнял у него жизненные силы, порвал все связи с родиной. Стоило ли бежать? – этот вопрос не раз вставал перед Ю. Бессоновым.

Вероятно, героический, действительно малоправдоподобный побег, все пережитое по обе стороны границы и даже, может быть, разочарование в самом результате этого побега привели Бессонова к мысли о том, что в материальном мире нет никаких ценностей, за которые стоит бороться. Как уже было видно по последним страницам книги, для Бессонова, осознавшего всю суетность сумасшедшего мира, открылись понятия Истины и Бога. Как его герой в «26 тюрьмах...» бывший рубака, зек, бандит, пришел к постижению высоких законов нравственности, так и сам автор посвятил свою жизнь служению Богу. В 1942 году в Париже в разгар мировой войны он обращается ко всем православным христианам в книге «Партия сильных» с молитвой об объединении: «Наш лозунг не разъединение, но соединение. Мы широки во Христе и от сердца тянем руку нашим братьям».

Автор одного из архивных документов считает, что побег, описанный в романе Ю. Бессонова, был совершен по благословению ЧК: «Ибо невозможно, пройдя столько большевистских тюрем и лагерей, все-таки суметь остаться целым и невредимым и спастись в Финляндии»⁹. Бессонов тоже считает, что побег вряд ли был бы возможным, если бы не благословение... только не ЧК, а самого Господа Бога, ведь в спасение не верил никто. К слову, страницы, на которых писатель рассуждает о Боге, пожалуй, самые сильные в романе. Перед лицом смерти человек без Бога ничего не стоит, «Бог и она» – вот кредо Бессонова.

⁹ Sky [G. Bessonov] / SKA, N 1007.

Донос на Бессонова, однако, интересен тем, что разведчик, человек, судя по всему далекий от литературы, подтверждает огромную популярность романа: «За границей Бессонов опубликовал пробудившую большой интерес и переведенную на многие языки книгу „26 тюрем и побег с Соловков“»¹⁰.

Несколько раньше друг Ю. Бессонова по побегу бывший офицер царской и затем добровольческой армии С. Мальсагов (1893–1976) выпустил в Лондоне в 1926 году свою документально-публицистическую книгу «Адский остров». Книга о Соловках и о том же побеге в Финляндию. С. Мальсагов цитирует дневниковые записи Ю. Бессонова, которые «наш диктатор» (так называли Ю. Бессонова) вел на обороте и полях «Нового Завета». Мальсагов более восторженно описывает Финляндию: «Финны приняли нас приветливо. Накормили и отправили в Улеаборг. Начальник улеаборгской полиции своим вниманием тронул до слез. <...> Но, тем не менее, нас не освободили сразу. Выяснилось, что владелец молочной фермы, где мы несколько дней назад взяли провизию, заплатив за нее один рубль серебром (так как хозяева отказались от советских бумажных денег), подал жалобу, в которой требовал компенсации в размере одной тысячи марок.

Газеты, в частности, сообщали о происшествии таким образом: „Пятеро большевистских бандитов пересекли границу и совершили вооруженное нападение на финскую ферму“. Нам пришлось пробыть несколько дней в тюрьме, пока рассматривалось наше дело (сначала в Улеаборге, а потом в Хельсинки). Но после Соловков и карельских лесов эта тюрьма показалась нам сущим раем. <...>

Мне бы хотелось завершить свое скромное повествование словами искренней благодарности всем (как

¹⁰ Sky [G. Bessonov] / SKA, N 1007.

финнам, так и русским, кто проявил к нам в Финляндии столько симпатии и участия)»¹¹.

На допросе в Куусамо Созерко Мальсагов рассказал о себе немного. В армии генерала Корнилова во время марша на Петроград командовал эскадронам, затем был командиром Первого ингушского кавалерийского полка в армии генерала Деникина. Арестовали С. Мальсагова в 1922 году. В январе 1924 года он был заключен в Соловецкий лагерь. По свидетельству финского лейтенанта, первое, что Мальсагов сделает, обретя свободу, это съездит в Париж к своему дяде, бывшему русскому генералу. Однако, пробыв в Финляндии более двух лет, где он закончил свою книгу, С. Мальсагов перебрался в Польшу. Жизнь бывшего соловецкого узника после побега оказалась столь же трагичной. Поступив на службу в польскую кавалерию, он стал командовать эскадронам. В 1939 году во время кровопролитных боев с немцами Мальсагов попал в плен и снова был заключен в лагерь, на сей раз в Германии. Побег с Соловков в Финляндию был «хорошей школой» для Мальсагова, из фашистского концлагеря ему удалось бежать. Он участвовал в диверсионных акциях в Польше и Франции по заданию Польского Сопротивления, а после окончания войны обосновался в Англии.

После выхода книги С. Мальсагова начальник Управления СЛОН Ф. И. Эйхманс, получив из Москвы секретный приказ, распорядился, чтобы сами заключенные опровергли «домыслы» бывших каторжников в газете соловецкого лагеря «Новые Соловки»¹². А в «Правде» с опровержением слухов о Соловках, распространяемых из-за границы, выступил М. Кольцов¹³. Книгу С. Мальсагова редактировал

¹¹ Мальсагов С. Адский остров. Лондон, 1926. [Обратный перевод с английского Ш. Яндиева]. С. 98–99.

¹² Новые Соловки. Орган УСЛОН и соловецкого коллектива ВКП (б). 1926. 26 марта. С. 1.

¹³ Кольцов М. СЛОН пишет / Правда. 1926. 2 апреля. С. 1.

Иван Савин (Саволайнен), финн по национальности, писавший по-русски, один из лучших поэтов Русского Зарубежья.

Еще одна книга о побеге в Финляндию и первых впечатлениях о северной стране принадлежит перу женщины – Татьяны Васильевны Чернавиной (1887–1949). Она вместе с мужем и маленьким сыном Андреем бежала в Финляндию в 1932 году¹⁴.

Татьяна Васильевна работала в Эрмитаже, была арестована, но вскоре освобождена. Потеряв службу в Эрмитаже, она устроилась работать в библиотеку Ленинградского университета. В июле 1932 года она вместе с сыном приехала в Кемь к мужу Владимиру Вячеславовичу Чернавину, ихтиологу по образованию, эксперту Рыбпрома. Незадолго до побега Владимир Вячеславович отбыл пятилетний срок в Соловецких лагерях и был освобожден лишь 8 марта 1932 года.

Чернавины бежали из Кандалакши 8 августа 1932 года; в Финляндию прибыли через 18 дней, о чем Татьяна Чернавина написала почти детективную повесть «*Rako Neuvosto-Venäjäältä*» («Побег из Советской России»). Книга вышла в крупнейшем издательстве Финляндии «Отава» в 1934 году на финском языке. Существует еще английский вариант текста, именно с английского Эйно Палола перевел повесть на финский язык. Изданная в 1999 году на русском языке книга существенно отличается от финского перевода. Приводя цитаты из «Побега...», мы выполняем обратный перевод с финского.

Побег этот был чрезвычайно сложным из-за болезни ребенка, неточной карты, отсутствия продуктов. Но до границы семья все-таки добралась. Герои повести почувствовали, что они в Финляндии по... лосю.

¹⁴ Данные – Suomen kansallisarkisto. Tshernavin asiapaperit.

Как поэтесса Вера Булич любовалась чугунным финским лосем в парке Кайсаниеми, так Чернавины с удивлением смотрели на сохатого: «Это был большой зверь с красивой и блестящей кожей. Он выглядел упитанным, довольным и самоуверенным. Роскошные рога украшали его голову, как праздничная корона. Его темные умные глаза смотрели изучающе:

– Думаешь, это был финский лось, отец? Он был горд, как английский лорд, и достаточно спокоен. Уверен, что это был не советский лось.

– По внешности лося не легко определить, из какой он страны, – заметил муж, смеясь»¹⁵.

Вскоре путники заметили на деревьях метки от топора, а на дощечке, найденной мальчиком – латинский номер. Герои убеждаются, что они в Финляндии, ведь в России лес рубят безмерно, а здесь нумеруют. И вдруг мальчик увидел деревянный ящик. Его удивил не сам ящик, а то, что из него не вынуты гвозди: «Смотри, отец, они даже не вытащили гвозди из ящика. Они не удосужились вытащить гвозди. Они, наверное, расточительные буржуа» (с. 338). Финские пограничники, которых после долгих блужданий все же разыскали герои, накормили беглецов. «Запах пицци дает понять, насколько человек голоден. Нам казалось, что мы будем есть так долго, как сможем. Но каша кончилась» (с. 362).

Путникам пришлось добираться на погранзаставу по порожистой реке: «Лодка, как скорлупа, прыгала туда-сюда, стучала и неслась мимо камней» (с. 367).

Автор описывает погранзаставу, чистую с белоснежными одеялами, лежащими на двухэтажных койках, рядом с которыми герои чувствовали себя грязными, как «вороньи перья».

¹⁵ Tšhernavin Tatjana. Pako Neuvosto-Venäjäältä / Englannin kieleksä kääntänyt Eino Palola. Helsinki, 1934. S. 326. [В дальнейшем при ссылке на это издание в скобках в тексте указываются страницы.]

Приготовление еды в пограничном бараке и сам обед описан с точки зрения ребенка, и оттого в повести Чернавиной подмечены детали, которых не найти у других авторов. Мальчик не понял, что делал повар, когда молот в кофемолке кофе, ведь он никогда не видел настоящего кофе. Когда герои сидели за столом с белой скатертью и пили «из расписных фарфоровых чашек» кофе, повар что-то варил в большом казанке.

«– Что он готовит, мама?

– Макароны.

– Но они же белые!» (с. 372).

Сын, привыкший к серым макаронам, был удивлен. Но когда он увидел, что повар кладет в макароны масло, то не сдержал воодушевления: «Мама, ты знаешь, что он сделал с маслом? Ты не поверишь, он вывалил его в макароны. Да, видимо, в Финляндии голода не знают. А в „Ленинских искорках“ пишут, что у финских рабочих недостаток хлеба, поэтому они едут в Россию. А ведь это получается неправда?» (с. 372).

Вскоре, однако, беглецам пришлось ехать в Хельсинки. Автор обратил внимание на хорошо ухоженную дорогу, осушенные болота, на леса, обработанные под посадки. «Малочисленный народ Финляндии, – делает вывод писательница, – ежедневно воюет с суровой природой, добываясь от нее гораздо большей отдачи, чем вся Советская Россия со своими безмерными природными богатствами может достичь при помощи принудительных рот...» (с. 375). Автобус, на котором беглецы ехали в Хельсинки, «ни разу не вышел из строя», а «вагон был чист и опрятен» (с. 375). По ту сторону границы, сравнивает автор, «нормальных вагонов хватает только для высокопоставленных персон и для иностранных граждан» (с. 375). Соседи по вагону угощали путников бутербродами, сын удивлялся: «Да, это странные люди <...> у них, видимо, еды вдоволь и,

может, даже слишком, раз они в состоянии давать нам такие толстенные бутерброды» (с. 376).

Хельсинки показался автору «настолько чистым городом, как будто его недавно отмыли, перед домами росли цветы, витрины пестрели всеми мыслимыми и немыслимыми фруктами» (с. 376).

Но главная героиня попадает в больницу. Первое впечатление – белизна, чистота, но ее удивляет то, что медсестра, переодевая, обмывая, укладывая ее в постель, «получает от этого некоторое удовольствие» (с. 377). И героине жаль, что заболела одна она, «что все трое не попали в больницу одновременно».

Именно в больнице героиня берет в руки перо и начинает писать книгу «в таких спокойных условиях по отношению к миру, о каких можно было только мечтать» (с. 378).

Мальчик тем временем знакомится с финской ярмаркой и не может поверить в ее реальность: «Бабушки, которые продают рыбу, такие упитанные и серьезные, они почти неподвижно сидят под тентом, а перед ними: лосось, селедка, окунь, камбала...» (с. 378).

Героине не хотелось уходить из больницы, «но ничего не поделаешь; раз врач меня излечил полностью, тем более он достал мне шляпку, пару ботинок и костюм, а то, в чем я пришла, надо было сжечь» (с. 379). «О, если бы я могла сжечь свои воспоминания...», – заканчивается повесть.

3.2 Побег в Финляндию и ее восприятие в литературном наследии Ивана Солоневича

С побега в Финляндию началась карьера Ивана Солоневича. Иван Солоневич, по его признанию, своей целью считал служение русскому рабочему и русскому мужику, эту политическую линию он определил для себя в книге «Россия в концлагере», написанной в Финляндии непосредственно после побега в 1934–1936 годов.

Портрет И. Солоневича

В жанровом отношении произведение Ивана Солоневича сложно, но тем и интересно. Сам автор называет свою книгу очерком. С этим можно согласиться, но только данное произведение – очерк, скорее всего, в другом более широком смысле. Под очерком обыкновенно понимается такой текст, в котором практически нет конкретных описаний, тем более повествований. В очерке в классическом понимании этого жанра семантическим ядром понятия является текст, где преобладает отвлеченная лексика. В таком классическом очерке всегда есть установка на типичность, закономерность в прямом указании на них. В этом смысле в «России в концлагере», несомненно, есть такие главки. Например, «Беспопачдность в качестве системы», «Что значит разговор всерьез», «О свидетелях и о кабаке». Однако основу книги составляет цикл рассказов, именно рассказов, объединенный одной общей сюжетной канвой. Собственно говоря, эти рассказы могут рассматриваться и как отдельные произведения-тексты, и как: один – продолжение предыдущего. Таким образом, цепочка рассказов-повествований, рассказы о разных случаях в лагерной преимущественно жизни

главных героев становятся своеобразной основой – повестью о том, как главный герой и его сын, его брат попадают в лагерь, как они готовятся к побегу, бегут и, наконец, оказываются «в земле обетованной». Поэтому «Россию в концлагере» можно назвать очерком в том смысле, в каком Н. С. Лесков называет очерком «Леди Макбет Мценского уезда». В центре произведения Солоневича – приключенческая занимательная повесть об удачно совершенном побеге из лагеря, но публицистические политические отступления в виде очерков придают книге особое индивидуальное своеобразие.

Часть книги «Россия в концлагере» посвящена Финляндии. Эта страна явилась для И. Солоневича символом обретения свободы и в то же время первым поводом для разочарования в этой свободе. Здесь писатель начал терять иллюзии, размышлять об иных путях развития цивилизации. Эти размышления легли в основу его главной книги «Народная монархия».

Называя финнов наивными мечтателями, Солоневич еще не знал, что через несколько лет эти слова он может сказать о самом себе, перебежавшем в Финляндию. «Куда вернуться нам, русским, ныне пребывающим и по эту и по ту сторону исторического рубежа двух миров?» (с. 281) – задавал себе он вопрос в книге «Россия в концлагере».

«Россия в концлагере» Ивана Солоневича не претендует на всеобъемлемость описания-исследования, на как, например, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, но именно в «очерковых», или точнее сказать, в чисто публицистических своих частях предваряет теорию народной монархии, которая затем была разработана в отдельной книге.

Представляет некоторую сложность определить жанр «России в концлагере». Книга состоит из «Предварительных объяснений», рассказов, в прямом значении этого термина, объединенных одной сюжетной линией,

очерков-размышлений, публицистических очерков, которые тесно связаны с тем или иным событием, описываемым автором.

Система образов произведения Ивана Солоневича строится таким образом, что в центре повествования находится образ автора, его брата и сына, а все остальные герои – образы людей, так или иначе влияющих на судьбу главных персонажей или способных на нее повлиять, способных содействовать или препятствовать достижению главной цели – побегу из Советской России.

В предварительных замечаниях Иван Солоневич говорит о том, что советское общество того времени иностранными наблюдателями представляется, мягко говоря, не совсем адекватно: «фактический материал» подвергается <...> обработке в зависимости от насущных и уже сформированных потребностей отдельных политических группировок» (с. 5). И тогда возникают несколько «картин советской действительности», очень часто не только не соответствующих действительности, но и исключая друг друга по своей логике, оценкам. Свои «очерки» Солоневич представляет читателю как одно из свидетельских представлений о жизни в Советской России.

По мнению Солоневича, политическая система, общественное устройство жизни в России 1930-х годов схожи с системой ассирийцев, которые у побежденного народа «отнимали голову», т. е. уничтожали или переселяли в отдаленную местность самые знатные, боеспособные, образованные классы. Тогда средние и низшие слои завоеванного народа оказывались совершенно бессильными перед лицом победителей.

Главные герои книги и представляют собой именно эти слои русского общества советского времени. Они вынуждены терпеть вначале все притеснения и ничем

не оправданные унижения в так называемой жизни на воле, что приводит их к мысли бежать из страны, затем они проходят школу лагерной жизни и, скорее всего, по счастливому стечению обстоятельств им удастся чуть ли не чудесным образом бежать в Финляндию.

Рассмотрим вкратце причины побега Ивана Солоневича. Иначе станет не совсем понятной та оглушенность, та степень национального оскорбления, которую он испытал в первые дни после перехода финской границы.

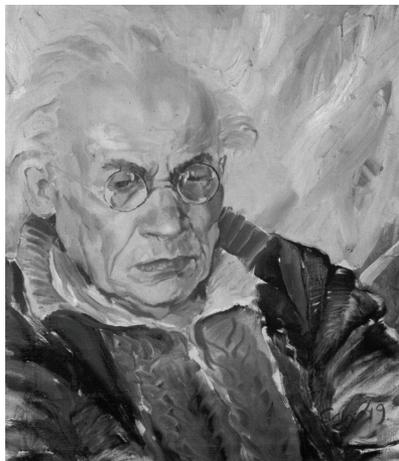
Следует подчеркнуть, что в лагерь Солоневичи попали не по доносу соседа, не за антисоветские анекдоты или срезанные на колхозном поле колоски – а за вполне реальную и хорошо подготовленную попытку к бегству за границу, что вполне могло закончиться расстрелом.

«Не лагерные, – говорит И. Солоневич в своей книге, – а общероссийские переживания толкнули меня за границу» (с. 6).

На воле в материальном отношении братья (Иван и Борис) были устроены значительно лучше подавляющего большинства квалифицированной русской интеллигенции. «Следовательно, тон моих очерков вовсе не определяется ощущением какой-то особой, личной обиды. Революция не отняла у меня никаких капиталов, по той простой причине, что капиталов этих у меня не было. Я даже не могу питать никаких специальных и личных претензий к ГПУ; мы были посажены в лагерь не за здорово живешь, как попадает, вероятно, процентов восемьдесят лагерников, а ...за преступление, с точки зрения советской власти, весьма предосудительное: попытку оставить социалистический рай» (с. 6).

Иван Солоневич, будучи журналистом, изъездил всю страну. И то, что он увидел и пережил за эти годы, определило «моральную невозможность оставаться в России».

*Ю. Солоневич.
Портрет
Ивана Солоневича*

Такая невозможность возникает не сразу. В книге рассказывается, именно рассказывается, о массе совершенно ничем не объяснимых «трудностей жизни», которые создаются разными властными структурами и структурками. Причем, если жить «по законам», устанавливаемым властями, то это просто невозможно или приходится существовать в какой-то искаженной действительности. Хлеба практически не купить, но зато черной икрой, купленной с помощью не слишком сложной комбинации, семья питается целую зиму, картошка покупается не в магазине, не на рынке, а как-то странно, тайком, как нечто совершенно запретное; карточная система, которую с «энтузиазмом одобрил весь народ», не дает главному герою повествования получить хотя бы положенный по карточке сахар. Все, что предпринимается в стране, все усилия людей направлены только на осуществление некоей мировой революции, хотя, что это такое – мировая революция – никто точно не знает. В результате человек осознает, что он на каждом шагу вынужден лгать, что он живет вообще в какой-то гротесковой реальности без законов, закономерностей, без элементарного здравого

смысла. Внешне же все хорошо, нормально, «на Шипке всё спокойно». «В результате семнадцать лет накапливалось великое отвращение» (с. 22). Все эти, казалось бы, мелкие бытовые несуразности доводят и такого умного, образованного, спокойного человека, как главный герой книги, до непреодолимого желания убежать без оглядки из этого «зазеркалья».

И. Солоневич утверждает, что ничем существенным лагерь от воли не отличается. Только в лагере все «нагляднее, проще, четче». «В лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы» (с. 8).

Надо заметить, что в лагере Солоневичи сидели всего год, причем им сразу же удалось устроиться на «теплые» места, минуя «общие работы», на которых теряло свое здоровье подавляющее большинство заключенных. И все же, несмотря на явное преувеличение в сравнении лагеря и воли, в основе своих рассуждений И. Солоневич прав: и в лагере – несвобода, и на воле – несвобода. И везде государство требует энтузиазма.

«Когда у вас под угрозой револьвера требуют штаны – это еще терпимо. Но когда у вас под угрозой того же револьвера требуют, кроме штанов, еще и энтузиазма, жить становится невозможно, захлестывает отвращение. Вот это отвращение и толкнуло нас к финской границе» (с. 22).

И. Солоневич разворачивает клубок своих доказательств неприятия советского строя как общественной системы, причем все его доказательства – «от жизни» на основе личного столкновения с действительностью, почти детективная облава при первом побеге, тюрьма, многочасовые допросы, пересылка.

Объективности ради следует отметить, что исторической масштабности оценок происходящего в книге не очень много. Может быть, это закономерно, что для человека, попавшего в столь тяжкие условия лагеря, цель

воссоздания Российской империи в старых границах под личиной социализма оказывается не совсем понятной.

И. Солоневич умеет «использовать» каждый эпизод своей жизни для обобщения, подтверждения своей генеральной мысли о несостоятельности советской системы. На пересылке у Солоневичей появилась возможность дать о себе знать на «волю» знакомым, живущим в Питере. Наибольшее доверие вызывали двое: двоюродная сестра Катя и профессор Костя, которого когда-то семья Солоневичей приняла, вырастила, дала образование. С тех пор он профессорствовал в городе, жил тихой кабинетной жизнью. Катя откликнулась сразу, принесла передачу. Пришла она и во второй раз. Костя не пришел, сославшись, что ему некогда, что он уезжает (в декабре) на дачу. «Вечная дрожь, – размышляет автор, – справа уклон, слева – загиб, снизу – голод, а сверху – просто ГПУ ... И вечная дрожь ... Можно простить... Но руку подать – трудно. Хотя разве он один духовно убиенный революцией? Если нет статистики убитых физически, то кто может подсчитать количество убитых духовно, пришибленных, забитых?» (с. 44).

Для власти важно было знать в лагере всех, способных к сопротивлению, но не менее было важно и превращение более или менее мыслящего человека в «мышь дрожащую». Задача такая выполнялась успешно, и таких как профессор Костя было в России великое множество.

Особую, жгучую боль у И. Солоневича вызывает судьба русского мужика. Уже будучи за границей, он обратит внимание на степенность финского мужика. Писателя поразило, как мы увидим ниже, «исходившее от этого мужичонки впечатление полной и абсолютной уверенности в самом себе, в завтрашнем дне, в неприкосновенности его буржуазной личности и его буржуазного клочка земли» (с. 538).

Лишь поначалу взгляд финна на незнакомых людей был подозрительным. Когда Иван, где словами, где знаками объяснил, кто они такие, мужичок успокоился, понимающе закивал головой: «Да-да, он понимает. Там, по ту сторону границы остались два его брата, они погибли ... он понимает».

Иван Солоневич не уточняет, почему погибли братья этого мужичка. Возможно, как и многие другие, эмигрировали в Россию после Гражданской войны в поисках «социалистического рая». Так или иначе, контакт был найден, хозяин повел их в свою избу. Изба поразила «гостей» своей чистотой, ухоженностью, достатком. «Вспомнились нами раскулаченные деревни, – пишет И. Солоневич, – и опять стало больно» (с. 538).

Эту неизбывную боль и выплескивает автор на страницы своей книги, не щадя при этом интеллигенции, в том числе и самого себя. «Все, что я видел в СССР ... создало у меня твердое убеждение: лишь в редких случаях интеллигенцию сажают зазря – конечно, с советской точки зрения <...> она все-таки нужна. Мужика много, им хоть пруд пруди, <...> и он абсолютно бесправен, <...> у него нет решительно никаких перспектив и решительно никаких возможностей выкарабкаться из этого рабства и этой нищеты. Положение интеллигенции? Ерунда – положение интеллигенции по сравнению с этим океаном буквально неизмеримых страданий многомиллионного ... русского мужика» (с. 54).

Впрочем, не только русского, в другом абзаце Солоневич уточняет: такая же судьба постигла и татарина, и узбека, и азербайджанца. В жернова Гулага попали и финские мужики, сбитые с толку советской и зарубежной левой пропагандой. Тысячи финских иммигрантов подались в Россию в поисках социалистического рая и угодили в концлагеря.

И в а н С О Л О Н Е В И Ч

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Пятое издание
1958

*Рисунок Ю. Солоневича
(обложка к книге И. Солоневича «Россия в концлагере»)*

Повествуя о своих злоключениях, как на этапе, так и в лагере, он не упускает возможности сделать обобщение. Так, рассказывая о столкновении беглецов с уголовниками («социально-близкими элементами»), он заключает: «Если бы не семейственная спаянность нашей „стаи“ и не наши кулаки, то стая урок раздела бы нас до нитки. Так делается всегда... У них есть своя организация, и эта

организация давит и грабит. Впрочем, такая же организация существует и на воле. Только она давит и грабит всю страну» (с. 57).

Всем троицким Солоневичам повезло: вместо расстрела – срок, вместо Сибири или Урала – Свирьлаг, а это 200–300 км по прямой линии до Финляндии. Кроме того, они здоровы, физически крепки, спаянны и ни на минуту не бросают мысль о новом побеге. Они уверены в себе, оптимистичны – потому у них многое и получается даже в условиях дикой лагерной жизни – вскоре устроились в учетно-распределительную часть. Бориса как врача забрала амбулатория. Устройство на «теплых» местах позволило им начать планомерную подготовку к побегу. Иван занимал ответственные посты в лагерных пунктах. Сын Юрий учился при лагерном техникуме.

Острая наблюдательность, аналитический склад ума, талантливое перо и просто боль за свою родину позволяют И. Солоневичу в своей книге делать обобщения, которые в конечном итоге можно выразить в буквальном смысле в двух словах: «всесоюзный кабак». Слово это – «кабак» – у Ивана Солоневича имеет довольно емкий, широкий смысл. Кабак везде, кабак во всем. И он не устает доказывать это – на конкретных фактах, и, прежде всего, на фактах своей личной жизни, своей судьбы, особенно больно, когда весь этот «кабак» бьет по беззащитным детям. «На рассвете, ...и вечером, во время обеда, перед нашими палатками маячили *десятки оборванных крестьянских ребятишек*, выпрашивающих всякие съедобные отбросы. Страшно было смотреть на этих детей „вольного населения“ [выделено мной. – Е. С.], более нищего, чем даже мы, каторжники, ибо свои полтора фунта хлеба мы получали каждый день, а крестьяне и этого не имели» (с. 183).

И тут же нельзя не вспомнить трогательный эпизод, в котором фактически приговоренный к скорой смерти

Мишка кормит 10-летнюю девочку хлебом с рыбьим жиром, который выдается ему как туберкулезнику. Вот где показан истинный гуманизм человека. Он добр, самоотвержен не благодаря счастливым обстоятельствам, счастливой судьбе, но вопреки им.

На «финских» страницах И. Солоневич описывает встречу с девочкой-финкой, когда они, перейдя границу, вышли к каким-то сараям. В одном из сараев обнаружили девочку лет 10–12-ти. Оба – отец и сын – были грязные, оборванные, обросшие, – немудрено, что девочка дико испугалась и бросилась бежать. Домой, в избу, к матери, а оттуда – в лес, к отцу. Когда вышел отец и все прояснилось, беглецы были приглашены в дом, где их первым делом покормили. «На столе появился кофе со сливками, потом уха, жареный налим, потом какой-то пирог, потом творог со сметаной, потом каша с сиропом и еще что-то»... (с. 539). Так жили финские семьи, так, естественно, жила и эта девочка, и другие дети.

И потому – надо обязательно добраться до границы, чтобы рассказать всему миру правду о «социалистическом рае». Возврата нет, все мосты сожжены. Возврат возможен разве только во сне. И если Татьяне Чернавиной снились мучительные кошмары бегства и преследования, то И. Солоневичу снилось другое: он снова в Москве и снова надо бежать.

Солоневичи, Иван и Юрий, попали в Медгору, в столицу ББК, Борис остался со своей санчастью в Свирьлаге, и с первых же дней у всех началась подготовка к побегу: устройство на работу, разведка, сбор сведений и продовольствия, знакомство с нужными людьми. И. Солоневичу повезло: его с сыном зачислили в спортивное общество ГПУ – «Динамо», что дало возможность ездить в командировки, более свободно готовить свой побег, быть сытыми – оба они получили карточки в столовой ИТР.

Командировки по лагерным пунктам давали возможность не только разведать местность, но и просто отдохнуть от лагерной жизни, оглянуться вокруг, увидеть, что природа, несмотря ни на какие директивы сверху, все так же прекрасна и живет своей жизнью. Как-то после разведки местности, Иван Солоневич, уставший, разделся и лег на придорожный камень.

«Хорошо. Ни лагеря, ни ГПУ ... В траве деловито суетились какие-то козявки. Какая-то пичужка ... перелетала с дерева на дерево и оживленно болтала сама с собой. Дела у нее не было никакого, а болтает и мечется она просто так, от весны, от радости птичьей своей жизни. Потом мое внимание привлекла белка, которая занималась делом еще более серьезным: ловила собственный хвост ... Я приподнялся, и белочка заметила меня. Ее тоненький подвижный носик выглянул из-за ствола, а хвост остался там, где был – с другой стороны. Мое присутствие белке не понравилось: она крепко выругалась на своем беличьем языке и исчезла. Мне стало как-то грустно и весело: вот живет же животное – и никаких тебе ГПУ» (с. 352).

Примечательно, что у Бориса Солоневича также состоялась встреча с белочкой, но уже на середине пути к финской границе, после побега из лагеря. Ее непосредственность, смешливость, любопытство вперемешку с боязнью выглядели настолько забавно, что Борис громко рассмеялся и – странное дело – почувствовал себя каким-то диким зверем, которого ловят охотники, а он только посмеивается над ними. Ивану при виде белочки стало и грустно, и весело, – ведь он еще был не на свободе, Борису – просто весело, – ведь он уже был на свободе, хотя до границы еще оставалась половина пути, и неизвестно, что его ждет. Надо думать, встретиться им такая же белочка в Финляндии, – никаких особых чувств она у них не вызвала бы, – ведь они уже на свободе и могут,

как белочка, прыгать, скакать, ловить «собственный хвост».

Как ни странно, но «ловля собственного хвоста» для Ивана Солоневича за границей приобрела определенный политический смысл. И в лагере, и «топая по карельским болотам к финской границе», он постоянно думал, что и как он будет докладывать русской эмиграции. «Все предшествующие года я рассматривал себя как некоего разведчика, который должен сообщить все и слабые, и сильные стороны врага. Но именно – врага. Я не предполагал двух вещей: что мне будет брошен упрек в ненависти большевизму и что мне придется доказывать существование советского кабака. Я считал и считаю, что ненависть к строю, который отправляет в могилу миллионы людей моей родины – это не только мое право, но и мой долг» (с. 378).

В эмиграции Солоневичу предстоит доказывать русским, какова реальность в советской России. «Здесь, в эмиграции, обо всем этом можно рассуждать благодушно, спокойно, так сказать, академически: нам тепло, не дует и в Соловки не волокут. Советский студент, мужик, рабочий так рассуждать не могут. И не будут. Потому что одно – сочувствовать отцу умершего ребенка, и другое – хоронить собственного ребенка, умершего с голоду» (с. 382).

И. Солоневич придумал план – провести в августе вселагерную спартакиаду. За эту идею ухватился сам Успенский, начальник ББК, бывший «Соловецкий Наполеон». Он понял, что для его карьерного роста проведение спартакиады да еще с хорошей шумной рекламой – хороший козырь. Он представил И. Солоневичу все условия для подготовки: спортивную базу под Медгорой, усиленное питание для подобранных участников соревнований, свободу передвижения. Назначил срок проведения – середина августа, не подозревая, что у Солоневичей тоже назначен срок – 28 июля. В этот день, несмотря ни на что,

бегут все трое – это было решено твердо и бесповоротно, хотя Борис и находился в Лодейном Поле, и ему было труднее оттуда выбраться. Стояла одна только задача – использовать Успенского до конца, бежать за границу и там, на весь христианский и нехристианский мир орать благим матом об их, этих масс судьбе» (с. 398).

«И все же, – подчеркивает И. Солоневич, – нельзя представить себе дело так, что с одной стороны существуют беспощадные палачи, а с другой – безответные агнцы. Палачи – тоже рабы. Успенский – раб перед Ягодой, а Ягода – перед Сталиным. Психологией рабства, извращения, воровства и халтуры пропитаны были лагерные будни».

Покидая лагерь, Солоневичи покидали Россию, еще не осознавая, что навсегда. Солоневич описывает залитый солнцем кособокий барак и свое странное состояние: «Барак наш торчал каким-то кособоким гробом, с покосившейся заплатанной крышей, с заклеенными бумагой дырами окон, с дневальным, понуро сидевшим у входа в него. Странная вещь, во мне шевелилось какое-то сожаление. В сущности, неплохо жили мы в этом бараке. И в нем было много совсем хороших близких мне русских людей. И даже нары мои показались мне уютными» (с. 455).

Готовя побег, Солоневич был внимателен к каждой детали северного пейзажа. Его, конечно, трогала красота северного пейзажа и в то же время ужасала: «Слева вниз к озеру уходили склоны, поросшие чащей всяких кустарников. Дальше расстилалось бледно-голубое полотно озера, изрезанное бухтами, островами, проливами. С точки зрения живописной этот ландшафт в лучах яркого весеннего солнца был изумителен. С точки зрения практической он производил удручающее и тревожное впечатление, как по таким джунглям и обломкам пройти 120 верст до границы?» (с. 310).

Побег был продуман до мелочей. Иван занимал ответственные посты в лагерных пунктах. Его сын Юрий учился при лагерном техникуме. В лесу был оборудован тайник с продуктами, компасом, оружием. Были оформлены две командировки. Борис, отбывавший срок в Свирском лагере, находился с братом в постоянной переписке.

Финляндию Иван и Юрий определили по мусорной куче, в которой лежали обрывки газет на финском языке и разные консервные, конфетные банки со шведскими надписями. Встречам с финнами И. Солоневич посвящает в книге целую главу. Ее невозможно читать без улыбки, с тонким юмором и искренними симпатиями к финнам он описывает первые часы и дни своего пребывания за границей.

Перейдя границу, беглецы стараются попасть на глаза финским властям не сразу: «Политика политикой, а быт бытом. В порядке соседской любезности могут и выдать обратно. Правда, финская граница была в свое время выбрана, в частности, потому, что из всех границ СССР тут можно было рассчитывать на наиболее корректное отношение и наиболее культурную обстановку, но опять-таки кто его знает, какое обычное право существует в этой таежной глуши» (с. 473).

Зайдя в барак лесорубов на территории Финляндии, Юрий обнаружил хлеб и нечто похожее на сало, намазал салом кусок сухаря и отправил все это в рот. «Лицо его стало задумчивым, и взгляд устремился, так сказать, внутрь.

– Ну, как?

Юра стал старательно выплевывать свой бутерброд. <...>

– Лыжная мазь, – сказал Юра деланно безразличным тоном и скромно отошел в уголок» (с. 474).

В другом сарае, на который набрали беглецы, играла финская девочка лет десяти. Попытки Юрия изъясниться на разных языках произвели несколько неожиданное

впечатление: «... девочка стрелой выскочила из сарая, шаррахнулась в сторону от нас, каким-то фантастическим стилем перемахнула через забор и только подбегая к крыльцу избы, подняла неистовый вопль <...> грязная и опухшая от комариных укусов физиономия, рваное лагерное одеяние, на поясе разбойничий нож, а на носу угрожающие черные очки. Да, с такой внешностью к десятилетним девочкам нужно бы подходить несколько осторожнее» (с. 475). Финская девочка, привыкшая к благополучию и чистоте, испугалась грязных, страшных путешественников, убежала от них. Девочка в России, напротив, прибежала к ним, у лагерных заключенных она искала защиты, спасения, куска хлеба, ибо на воле жить было порой труднее. От Солоневичей из страха отрекся взрослый родственник, профессор, а чужая крестьянская девочка, наоборот, идет на встречу. Чувство голода оказывается сильнее чувства страха. В поисках пропитания дети шли на контакт с отбывающими наказание «преступниками», дети не только их не боялись, но видели в них спасителей: «У нас была огромная алюминиевая кастрюля. В эту кастрюлю Юра собирал то, что оставалось от лагерных щей <...> из гнилой капусты и селедочных головок»... Немногие лагерники отваживались есть эти щи, и они попадали детям. Так получилось, что щи замерзли, превратились в глыбу льда. И. Солоневич понес ее на кухню, чтобы отогреть и выкинуть лед. «Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба, и хриплый, застуженный детский голосок пропищал:

– Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай!

Это была девочка лет одиннадцати. Ее глаза блестели голодным блеском.

- Да тут только лед!
- От щей, дяденька?
- От щей.

– Ничего, дяденька, ты только дай! Я его сейчас, ей-Богу, отогрею. Он сейчас вытряхнется. Ты только дай ...

... Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук ... Потом она распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего – только торчали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, запахла зипунишко и села на снег ... В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, ... когда сообразил, что эта девочка собирается теплом своего изголодавшегося тела растопить полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной пищи. И что в этом скелетике тепла не хватит на четверть этой глыбы ... Я выбежал из палатки, девочка все еще сидела на снегу, дрожа мелкой, частой дрожью.

– Дяденька, не отбирай! – завизжала она. Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку... Нашел чьи-то объедки, полпайки Юриного хлеба, еще что-то ... Девочка судорожно схватила огрызок хлеба и стала запихивать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга. Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения к всему в мире, в том числе и к себе самому ... Много вещей видал я на советских просторах – вещей намного хуже этой девочки с кастрюлей льда. И многое как-то уже забывается. А девочка не забудется никогда. Она стала для меня каким-то символом – символом того, что сделалось с Россией» (с. 183–185). Эта сцена, достойная пера Достоевского, пожалуй, одна из самых сильных не только в книге Солоневича, но и во всей русской литературе, посвященной теме Гулага. Обе девочки в книге Солоневича встревожены. Но если финская девочка издает «неистовый вопль», то голосок у девочки в России «хриплый, застуженный», одна фантастическим стилем может перелететь через забор, другая сидит на снегу – «скелетик, <...> дрожащий мелкой, частой дрожью», одна играет, другая плачет.

По сравнению с динамичным описанием финской девочки («стрелой выскочила», «шарахнулась в сторону» «перемахнула через забор»), совершенно иначе Солоневич рисует образ ее отца.

И вот появляется отец девочки. На страницах книги описано скорее не появление, а именно явление финского хозяина русским беглецам. Перо Солоневича замедляет свой быстрый бег, торопливый стиль сменяется замедленным повествованием: «Через четверть часа из лесу вышел степенный финский мужичок, в таких немыслимых желтых сапогах, из-за каких когда-то в далеком Конотопе покончил свои дни незабвенной памяти Хулио Хуренито» (с. 475). Солоневича поразила в облике финна абсолютная уверенность в самом себе, в завтрашнем дне, в неприкосновенности его буржуазной личности и его буржуазного клочка земли. Этой уверенности Солоневич не видел в лицах советских людей, тем более в деревне. Образ финна в прозе Солоневича очень мало походит на классического чухонца, запечатленного русскими поэтами. Это прежде всего хозяин, ничего не боящийся человек с чувством собственного достоинства, и только во вторую очередь крестьянин, рыбак, лесоруб: «По дороге мужичок объяснил нам систему и результаты своего хозяйства: с нечеловеческим трудом расчищенная в лесу полянка под крохотное поле и огород, невода на озере, зимой лесные работы» (с. 476). В сознании Солоневича с образом финна связывалось чувство собственного достоинства, идейная убежденность и благополучие. В его книге произошла полная ломка стереотипов, как будто и не было вовсе в русской литературе «приюта убогого чухонца». Это крестьянин с царственной статью, с самоуважением, с неторопливой походкой, с пониманием собственной значимости. Это человек труда, он может осушить болотце, возделывать землю, наловить рыбы. У него есть своя земля и своя семья. Его

дети сыты и не просят у «преступников» ледяных щей. «Во всем был достаток, уют, уверенность... Мужичок принялся обстоятельно докладывать своей хозяйке сущность переживаемого момента. Он наговорил раза в три больше, чем я успел ему рассказать, <...> огромный обеденный стол начал обрастать невиданным не только для советской деревни, но и для советских столиц обилием всяких яств» (с. 476). Советский профессор боится встречи с людьми, находящимися вне закона, спешит уехать в декабре на дачу, чтобы не носить передачи. Финский крестьянин не только не боится, но и приглашает их за стол в собственный дом.

Пограничники у Солоневича, пожалуй, даже идеализированы. Они очень доброжелательны, просты и очень разговорчивы: «...пограничник сделал вид, что ему полагается нас обыскивать, похлопал Юру по карману и этим удовлетворился. <...> завел с Юрой оживленный разговор, состоящий из жестов междометий и попыток выразить мимикой лица такие, например, вещи как мировая революция. Не знаю, что понял пограничник. Юра не понял ничего» (с. 477).

Глава «Финляндия» построена на постоянном противопоставлении доброжелательности финнов и удрученного состояния души главного героя. Чем лучше к беглецам относятся финны, тем хуже становится на душе у беглецов.

«Мне говорить просто не хотелось. Вот ведь, мечтал об этом дне, первом дне на воле, лет 15–17 планировал, добивался, ставил свою и не свою голову на попа, а сейчас, когда добился, наконец, – просто какая-то растерянность» (с. 477).

Особенную растерянность главный герой ощутил за чашечкой кофе. Бессонов называл чашку кофе «бесцельной», в повести Т. Чернавиной кофе – «настоящий», в книге Солоневича чашка кофе – тоже знак, она «не своя», туда надо класть «не свой сахар»:

«Мы были такими грязными, опухшими, оборванными, что было как-то неловко сидеть за этим нехитрым столом, который мне после свиной жизни лагеря казался чем-то в высокой степени великосветским. Как-то было неловко накладывать в чашку не свой сахар, неловко было смотреть в глаза этой женщины...» (с. 478).

Образ финской женщины в книге Солоневича отвечал традиционному русскому женскому идеалу. Это хлопотунья, безупречная чистоплотная хозяйка. Финские барышни – «чистенькие и новенькие». В доме крестьянки «смачно сияла ярко начищенная медная посуда», а у жены начальника заставы «была чистенькая, словно по всем углам вылизанная комнатка». В финских женщинах, по словам писателя, остро чувствуется «непреоборимая женская тенденция ... оттереть, вымыть, заштопать, пришить пуговицы и уложить спать».

Солоневич был потрясен, увидев жену начальника заставы за мытьем их лагерной кастрюли, не чищенной 16 суток скитаний по карельской тайге: «Женщина была вооружена какими-то тряпками, щетками и порошками и старалась честно <...> Исходная цилиндрическая форма от ударов о камни, о стволы деревьев и от многого другого превратилась во что-то, не имеющее никакого адекватного термина даже в геометрии Лобачевского, а вот стоит женщина на коленях и трет этот алюминиевый обломок крушения <...> Я не удержался: взял грязную руку женщины и поцеловал ее. А на душе было очень плохо. Видно, как-то плохо было и Юре» (с. 478).

Финская доброжелательность, благодушие терзали душу беглецам. А прекрасный вид пограничной природы усиливал необъяснимое мрачное настроение: «Перед нами расстилалась светло-свинцовая гладь озера, дальше к востоку от него дремучей и черной щетиной подымалась тайга <...> еще далее к востоку шли бесконечные просторы нашей родины, в которую, бог знает, удастся

ли нам вернуться <...> Над небом востока появились первые звезды. <...> А на душе было неожиданно и замечательно паршиво» (с. 479).

Солоневич чувствовал себя легче всего в лесу: «Никаких проблем. Нужно было только одно: идти на запад. Вот и шли. Пришли». А, придя, «выбившись из шторма», первое, что почувствовали беглецы, потерю цели («вместо ощущения достигнутой, наконец, цели <...> в мозгу кружились обрывки тяжелых мыслей <...>, а на душе было отвратительно скверно») и потерю родины: «Да, мы проворонили нашу родину. В частности, проворонил и я. Патриотизм? Любовь к родине? Кто боролся просто за это? Боролись за усадьбу, за программу, за партию, за демократию, за самодержавие. <...> Родина как кантовская категория времени и пространства, вне этих категорий – пустота... И вот проворонили» (с. 479). Но самое страшное, что почувствовали беглецы на финской пограничной заставе, – это национальное оскорбление.

Вспоминая финских иммигрантов, Солоневич с огромным чувством вины признается: «Да, их принимали не так, как принимают здесь нас <...> кастрюль их не пытались чистить. Очень ли мы правы, говоря о русской общечеловечности и дружественности? Очень ли уж мы правы, противопоставляя «материалистический запад» идеалистической русской душе? <...> И контраст с бесчеловечностью всего того, что я видел на территории бывшей Российской империи, навалился на душу тяжелым национальным оскорблением. Мучительным оскорблением, безвылазностью, безысходностью» (с. 480–482). Главный герой «России в концлагере» не может ответить на терзающие его душу вопросы: «Почему же здесь, в Финляндии, такая дружественность, да еще ко мне, представителю народа, когда-то „угнетавшего“ Финляндию? Почему же там, на моей Родине, без которой мне все равно никакого житья нет и не может быть, такой безвылазный,

жестокий, кровавый кабак? Как это я, Иван Лукьянович Солоневич, рост выше среднего, глаза обыкновенные, нос картошкой, вес семь пудов, особых примет не имеется <...> мог допустить этот кабак?» (с. 484).

Главный герой не в силах совладать с собой, не в силах справиться с раздирающими душу сомнениями, ему не помогает ни финский комфорт, ни финский пейзаж. Он почти решается на самоубийство: «Никогда в своей жизни, а жизнь у меня была путаная, не переживал я такой страшной ночи, как эта первая ночь под гостеприимной и дружественной крышей финской пограничной заставы. Дошло до великого соблазна: взять парабеллум маленького пограничника и ликвидировать все вопросы „на корню“» (с. 484).

3.3 Путь на Север Бориса Солоневича

Бориса Солоневича вдохновили рассказать о своем побеге многочисленные просьбы читателей книги Ивана Солоневича «Россия в концлагере». Русские эмигранты, жившие в разных странах, интересовались, что же стало с третьим советским мушкетером. И хотя рассказ о побеге из советского «рая» был помещен в книге Бориса Солоневича «Русские скауты в пожаре революции», почти без изменений он вошел и в книгу Ивана Солоневича, изданную в Вашингтоне в 1958 году.

Примечательно, что бежали Иван Лукьянович с сыном Юрием и Борис Лукьянович в один день из разных мест заключения. В этом был большой риск, если для первых все складывалось удачно, то для второго могло сложиться все иначе. Но произошло все, как было задумано. «28 июля 1934 года для Бориса наступил „исторический“ день». «Третий раз! Неужели судьба не улыбнется мне и на этот раз?» (стб. 489).

Pidätetyn henkilötiedot.

Suku ja kaikki ristimänimet Солоневич
Борис Лухванович
 Ammatti: врач по спорту Osoite: Сверский конц-лагерь ОГПУ
г. Лодзинское поле
 Syntymäaika ja -paikka: 1898 г., 20 января, деревня Рудники,
Крутицкий уезда, Подольской губернии.
 Kirjoissaolo: Записан в церковной книге по месту рождения
(stv. rek. vai kirkonkirj.)
 Vanhempain nimet: отец - Лухван Михайлович Солоневич
(ovatko elossa, missä asuvat) 70 лет, СССР, Край, Ялта, Дарсановская ул. 6-23
мать - Юлия Викентьевна Б. Дружневич, умерла

Omat perhesuhteet: жена; жена Ирина Францесковна
(onko naimisissa? vaimon täydell. nimi, lasten nimet ja ikä) Пеллинер; находится в конц-лагере ОГПУ
на Дальнем Востоке (г. Хабаровск, БАМ);
дети: сын Георгий, 7 лет; дочь - Тина 5 лет;
находится в Москве, 20, Коштинский ул, Вобрушка 9-29

Selvitys asunnoista, toimista ja työ-
 paikoista yhden vuoden ajalta. В год тому назад находился в
Ленинградской тюрьме ОГПУ (был предвзято заключен-
 ным), ожидал приговора. Во это время был инспектором спорта
и фотографом-репортёром по темной работе в г. Орел,
(адрес Милетодорожная ул. 12).

С начала августа 1933 г. по 14 января 1934
находился в тюрьме в одиночной камере. После
приговора ОГПУ (дело № от 28-ХІ-33), получил
8 лет конц-лагерь по ст. 58 Уголовного кодекса
(за контр-революцию и связь с заграницей), был направ-
лен в конц-лагерь где сначала в лаг-пункте №3

(д. Котра) был заб. медпунктом), а затем в лаг-пункте №1
(Лодзинское поле) был начальником санитарной части.

Pidätysaika ja -paikka: Воткинск и лагерь 27-й и 8 августа, переведён
в лагерь, был задержан в 10 км. от границы.

Milloin ja missä kaavake täytetty Воткинск, 11/8-34

Pidätyspaikan ja -ajan: Селки, Финляндия, 8/8-34.

Анкета, заполненная Б. Солоневичем
 для сыскной полиции Финляндии. SKA, N 118.

В таком рискованном деле как побег из неволи многое зависит от счастливых случайностей. Борису везло, его как санитарного врача вызвали на футбольный матч. Именно как врача, но один из футболистов, оказавшись пьяным, не смог играть. И капитан одной из команд НКВД упросил Бориса (бывшего футболиста) поучаствовать в матче. Борис не только отыграл, но и забил решающий гол. Этот гол как бы символизировал удачный побег, придавал уверенности в том, что все сложится хорошо. Получилось у Бориса и с переправой через широкую реку Свирь, – он изобразил врача, спешащего к тяжело больному, и его перевезли на лодке на другой берег.

«Итак, две задачи уже выполнены: я выбрался из лагеря и перебрался через реку... Я перевел свое снаряжение на походный лад, снял медицинский халат, достал свою драгоценную компасную стрелку, надев ее на булавку, наметил направление на север. Теперь, если не будет роковых случайностей, успех моего похода зависит от моей воли, сил и опытности, мосты к отступлению сожжены. Я уже находился в бегах. Сзади меня уже ждала пуля, а впереди, если повезет, свобода. В торжественном молчании наступившей ночи я снял шапку и прекрестился. С Богом! Вперед! <...>

Впереди передо мной был трудный поход, километров 250 по прямой линии. А какая может быть „прямая линия“, когда на пути лежат болота, стоят дикие заглохшие леса, где сеть озер переплелась с реками, где каждый клочок удобной земли заселен, когда местное население обязано ловить меня, как дикого зверя, когда мне нельзя пользоваться не только дорогами, но и лесными тропинками из-за опасности встреч, когда у меня нет карты и свой путь я знаю только ориентировочно, когда посты чекистов со сторожевыми собаками могут меня ждать за любым кустом. Легко говорить: „Прямой путь“. И все это одному, отрываясь от всего, что дорого человеческому сердцу – от

Родины, от родных и любимых. Тяжело было у меня на душе в этот тихий июльский вечер» (стб. 495–496).

Ивану Солоневичу тоже было тяжело, но вспомним, он, уходя в бега, испытывает странное чувство сожаления при взгляде на свой лагерный барак, в котором жил. («И даже нары показались мне уютными»). Конечно, не сам барак, этот «кособокий гроб», не жесткие холодные нары вызывали в нем «ностальгию». В этом бараке было много «совсем хороших близких мне русских людей». Эти люди разделяли с ним такую же судьбу лагерника, невольника, человека с попраным достоинством, униженного и оскорбленного. Это были *соотечественники*, сыны Отечества, которое Иван Солоневич любил горячо и нежно. Борис Солоневич о своих чувствах в начале побега ничего не пишет, все его мысли сосредоточены на одном: уйти из лагеря под благовидным предлогом, переправиться незамеченным через реку. О лагере, о людях, оставшихся там, он не жалеет, – наверное, в этом и кроется разгадка того, как восприняли (а восприняли они по-разному) переход границы и пребывание в Финляндии братья Солоневичи.

Борис Солоневич писал художественный рассказ, поэтому для него были важны подробности, детали, штрихи того или иного образа. Ему было бы неинтересно просто констатировать парой фраз свою рискованную эпопею: 28 июля я бежал из лагеря и через две недели, преодолев различные трудности, пересек финскую границу, Финляндия приняла меня дружелюбно. Побег, его перипетии – это как заключительный аккорд, итог 14-летней жизни Бориса Лукьяновича в оковах неволи, итог всех лишений и трудностей.

«Боже мой! Как могло случиться, что я очутился в дебрях карельских лесов в положении беглеца, человека вне закона, которого каждый должен преследовать, и каждый может убить? За что разбита и смята моя жизнь?..

Неужели не дико и то, что только из любви и преданности скаутскому братству, только за то, что я старался помочь молодежи в ее горячем стремлении служить Родине по великим законам скаутизма, моя жизнь может быть так исковеркана?! И неужели не может быть иного пути как только, рискуя жизнью, уйти из родной страны, ставшей мне не матерью, а мачехой?!» (стб. 496). Такие мысли обуревают автора повествования, когда он, перейдя болото, в последний раз взглянул на городишко, из которого так благополучно сбежал. Главный герой сомневается, может смириться? Признать несуществующую вину, стать рабом, над которым можно делать любые опыты фанатикам? Но на смену сомнениям быстро приходит решительность, жажда борьбы и свободы: «Ну что ж. Я сжал зубы, тряхнул головой и вошел во мрак лесной чащи» (стб. 497).

Опасности не заставили себя ждать. Через некоторое время Борис наткнулся на лесозаготовителей, но благополучно обошел их. Вскоре пошел дождь и уничтожил запах следов. Автор придает большое значение образу дождя. Дождь – это то, что связывает и разъединяет. Дождь – это нить, это связь. Между земным и небесным, старым и новым, родиной и зарубежьем... Дождь может вершить судьбы людей. И вот этот дождь рвет последнюю связь главного героя с прошлым. Но дождь материален, он осязателен. С окончанием дождя кончается реальное и начинается непредсказуемое. Герой попадает в объятия неосязаемой, неосязаемой судьбы, которая посылает ему вполне тяжелые плотские испытания. «Теперь я был заброшен совсем один в дебри тайги и болот, и предоставлен только своим силам и своему счастью» (стб. 498).

Совсем скоро Борису довелось на практике проверить свой лозунг «Свобода или смерть!». Пересекая бесконечное болото, он угодил в трясину, и его ноги перестали ощущать почву. «Они были схвачены словно каким-то

невидимым капканом, и непонятная зловещая сила потянула меня вглубь медленно и неумолимо. Я сразу понял трагичность своего положения... Почему-то не так страшно, как безмерно обидно стало при мысли о такой смерти» (стб. 499). Но молодость, опыт спортсмена, отчаянное желание пришли на помощь. Герой выбрался из трясины, достиг края болота. «Мозг еще не может осознать всей глубины пережитой опасности, и только инстинкт жизни поет торжествующую песнь бытия» (стб. 500). Эту радость обретения жизни, победы над бездной Борис мог сравнить только с радостью встречи с финскими пограничниками. Но до встречи было еще далеко. А впереди подстерегали новые опасности, новые испытания.

В результате утомительной разведки герой приходит к выводу, что путь на Север прегражден длинными полосами непроходимых болот. «Только теперь я понял, почему охрана лагеря не боялась побегов на Север: болота ловили беглецов не хуже, чем солдаты» (стб. 500). Вдруг возле одного болота Борис с удивлением услышал звук тарахтящих колес. Через болото была проложена деревянная дорога. Для любого путника – радость, для Бориса – ловушка. Борис едва успел добежать до леса, залечь – мимо проехала телега с солдатами, при свете луны блеснули штыки винтовок.

И вот автор описывает неожиданную встречу, эта встреча – несомненно, один из кульминационных моментов рассказа. Борис устроился на ночлег в лесу, а проснулся от странных звуков, открыв глаза, он увидел «славную рыжую белочку», прыгавшую над ним в 2–3-х метрах. «Ее забавная острая мордочка, ловкие движения, блестящие глазки, пушистый хвостик, комичная смесь страшного любопытства и боязливости заставили меня неожиданно для самого себя весело рассмеяться... Почему-то эта встреча с белочкой сильно ободрила меня

и смягчила мою напряженность. „Вот живет же такая животина и горюшка ей мало“, – подумал я, опять засмеялся и почувствовал себя не загнанным и затравленным, а молодым, полным жизни *диким зверем* [выделено мной. – Е. С.], наслаждающимся чудесным опасным спортом в родном лесу, смеясь над погоней охотников. И с новым приливом бодрости я опять пошел вперед» (стб. 501–502). Казалось бы, незначительное событие – встреча с белочкой. Но автор видит в этой встрече глубокий смысл, символический знак, а образу белочки придает важный содержательный оттенок. Белочка принадлежит другому – Божьему – миру, она ничего не знает о революциях, но она знает цену жизни, и главное, она – не враг, она не опасна, в то время как люди злы, бесчеловечны и бездуховны. Кругом враги: лес, болота, дороги, тропинки, люди. Страшное напряжение физических и душевных сил – и вдруг эта белочка, любопытная, пугливая, смешная. Уж это точно не враг, а коли не враг – значит, друг. Человек почувствовал себя не человеком, а молодым диким зверем, который смеется над ищущими его охотниками.

Борис вплавь преодолевает озеро, и опоздай он на час – ему бы пришлось встретиться со сторожевым катером, затем он слышит лай собак, спасением от которых становится прихваченная с собой врачебная бутылочка с хлорпикрином. Заливая хлорпикрином свои следы, герой отбивает у настигающей его собаки охоту преследовать. И, наконец, встреча с человеком.

Долгое время герой счастливо избегает таких встреч, но, разведывая переправу через реку, он почти нос к носу сталкивается с карельским крестьянином. Беглецу было известно, что в приграничной местности каждый житель обязан был донести о неизвестных лицах на ближайший пограничный пост. К тому же за донесение или поимку беглеца полагалась награда, что повышало рвение

местной бедноты. Борису опять пришлось «пойти в артисты», он выдал себя за землемера из Олонца, отставшего от комиссии. Недоверие крестьянина исчезло, когда Борис сказал, что землю будут делить по-старому и по справедливости, крестьянину это явно понравилось, и он сам предложил перевезти Бориса через реку на лодке. Здесь уместно вспомнить встречу с финским крестьянином Ивана Солоневича: «Из лесу вышел степенный финский мужичок». Ивана Лукьяновича удивила его полная уверенность в себе, безбоязненность при виде незнакомых, грязных оборванных и обросших людей. Финн не оглядывался, не дрожал, более того, пригласил голодных людей к себе, накормил. Карельский же крестьянин смотрел на Бориса из-за кустов с испугом, настороженностью, недоверием. Было понятно, что он в отличие от крестьянина финского ничего не расскажет о себе, о своей жизни, более того, не дай Бог, донесет властям. И только дипломатическое умение Бориса расположить к себе сломало лед недоверия. Во время переезда через реку крестьянин, путаясь в словах, стал рассказывать о голодной жизни в деревне и несправедливости. «Я утешаю его ... и к берегу мы подъезжаем почти друзьями. Он берет у меня обещание остановиться в его хате и на прощание крепко пожимает мне руку» (стб. 505).

По сравнению с образом карельского крестьянина в рассказе Бориса Солоневича образ крестьянина финского в книге его брата Ивана Солоневича дан в мажорных тонах – он давно уже получил, что хотел – землю, возможность спокойно работать на ней, уверенность в том, что он и его семья будут жить в достатке. Карельский крестьянин лишь тайком критикует власть, живет в голоде и страхе, и нет у него уверенности в завтрашнем дне. А ведь в сущности своей оба они одинаковы, хотя одного: своей земли, своей семьи, достатка – и Бог с ними, с мировыми революциями.

Борис не мог понять, когда он перешел границу. Стали попадаться осушительные канавы, попался обрывок газеты, пачка от папирос с финской этикеткой, даже небольшое стадо овец, каких Борис в Карелии не встречал. Но одни папиросы, одни газеты и даже осушительные канавы не внушали стопроцентной уверенности. «Помню, свою последнюю ночь в лесу я провел совсем без сна, настолько были напряжены нервы. Близился момент, которого я так страстно ждал столько лет! < ...> Момент [выделено мной. – Е. С.], когда я ясно увидел его нерусскую военную форму, был для меня одним из счастливейших в моей жизни» (стб. 505–508).

Борис увидел финского пограничника и радостно бросился ему на встречу, вовсе не думая о том, какую картину он представляет собой со стороны; «Рослый парень с измученным, обросшим лицом, в набухшем и измятом плаще, обвешанный сумками, с толстенной палкой в руке» (стб. 508). На знаки пограничника поднять руки вверх этот парень, конечно же, не реагировал. Пограничник стал стрелять в воздух, и через полчаса Борис уже шел под конвоем солдат и крестьян в финскую деревню. «Боже мой! Как легко было на душе» (стб. 508).

Борис был твердо уверен, что Финляндия его не выдаст обратно. «Я ведь не бандит, не убийца и не вор. Я политический эмигрант, ищущий покровительства в стране, где есть свобода и право» (стб. 508). Он ожидал недоверия, допросов, тюрем, этапов, приготовился к этому, как к последнему испытанию. Но все оказалось по-другому. В деревне ему предложили помыться в бане. (Ивану с Юрием в этом смысле не повезло: за столом они сидели немые). А потом пригласили к накрытому столу в доме начальника охраны. Борис, конечно, удивился, получив это приглашение. «...я – человек вне закона, нарушивший неприкосновенность чужой границы, подозрительный незнакомец с опухшим,

исцарапанным лицом, в рваном платье <...> – нахожусь не в тюрьме под охраной штыков, а в доме начальника охраны, среди его семьи...»¹⁶. Чашечка кофе не вызывает каких-либо особых чувств у автора «Моего побега из рая», он умудряется даже сосчитать количество выпитого: «...К концу вечера после обеда, показавшегося мне необыкновенно вкусным, моя милая хозяйка с сердечной настойчивостью предлагала мне уже пятую чашку кофе. Заметив, что я стесняюсь, она, наклонившись ко мне, неожиданно тихо и ласково спросила:

«– Пейте, голубчик. Ведь Вы, вероятно, давно уже не пили кофе с булочками?

– Четырнадцать лет, – ответил я» (стб. 510).

Все были вежливы, никто не упрекал, не укорял, не смотрел с подозрением. Борис «почувствовал всем сердцем, что действительно попал в иной мир, не только географически отличающийся от советского, но и духовно диаметрально противоположный – мир человечности и покоя» (стб. 509).

Далее все происходит как в сказке. В политической тюрьме герой «мирно» проводит две недели, затем его просят собраться и на мягком автомобиле куда-то везут. А везут его, оказывается, на встречу с братом и племянником. Братья встретились и получили освобождение в Хельсинки. Восторженным описанием этой встречи, полной неожиданной радости и чудес, завершается рассказ Бориса Лукьяновича о побеге в Финляндию: «Мы идем втроем, тесно подхватив друг друга под руки, по широким улицам Гельсингфорса и с удивлением и любопытством засматриваемся на полные витрины магазинов, на белые булки хлеба, на чистые

¹⁶ Солоневич Б. Л. Мой побег из рая // Солоневич И. Л. Россия в концлагере. С. 509.

костюмы прохожих, на улыбающиеся губы хорошо одетых женщин, на спокойные лица мужчин. Все так ново и так чудесно!» (стб. 510).

Рассказ Бориса Солоневича явно заимствует элементы сказки. Здесь и использование волшебного предмета (расчески, веточки, сосуда с водой) для создания преграды между героем и гонящимся за ним чудовищем, у Бориса Лукьяновича волшебным предметом является бутылочка хлорпикрина. В сказке герой проходит через ряд испытаний, чтобы обрести искомое (царевну, жарптицу, сокровище). У Бориса Солоневича герой преодолевает непроходимое болото, бурную реку, темную чащу, чтобы обрести царевну-свободу.

Все три беглеца, героя «мушкетера» оказываются на свободе. И все же отношение к свободе, к тому дружелюбию и пониманию, с которым к ним отнеслись финны, у братьев, действительно, разное. Борис воспринимает обретение свободы как сказку, и в то же время как должное, как награду за долгие годы перенесенных лишений. Он обижен на родину-мачеху и благодарен финнам за то, что они хотя бы на время приютили его. Чувство Бориса Лукьяновича вполне искреннее, но все-таки поверхностное. Описывая свои приключения в книге «Мой побег из рая», Борис Солоневич не упоминает о каких-либо душевных терзаниях, национального оскорбления он не испытывал. У Бориса «легко было на душе». Восприятие Финляндии в книге Бориса Солоневича совершенно иное, чем у Ивана Солоневича. Иван Лукьянович в отличие от брата пишет о личной ответственности за весь тот «кровавый кабак», какой творится на его родине, и поэтому резкий контраст между советским «кабаком» и чистой финской горницей, чистым гостеприимно накрытым столом, вызывает в нем стыд и чувство оскорбления. Не случайно автором книги «Россия в концлагере» стал именно Иван Солоневич, – чувство личной вины, чувство острой

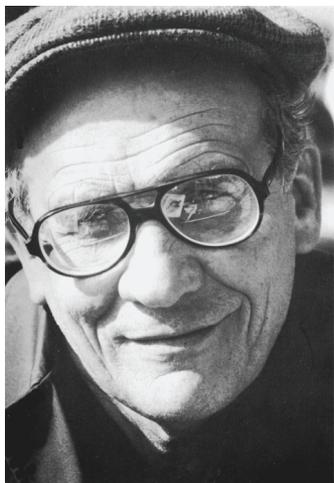
душевной боли подвигло его на эту книгу. А в описании еды, чистых комнат и доброжелательных пограничников брата Солоневичи напоминают друг друга. Впрочем, здесь они продолжают традицию, знакомую нам по русской литературе начала XX века.

В целом образ Финляндии в книге «Россия в концлагере» Ивана Солоневича и в рассказе «Мой побег из рая» Бориса Солоневича был несколько идеализированный. И даже тот факт, что Солоневичам пришлось покинуть Финляндию, не повлиял на положительную окраску этого образа.

3.4 «Утопический проект» Юрия Солоневича

Стоило ли бежать? Этот вопрос вставал перед каждым беглецом. И однозначного ответа никто себе не давал. Наиболее четко этот вопрос звучал в книге самого молодого из Солоневичей – Юрия Ивановича в «Повести о 22-х несчастьях». Ныне это редкое и ценное издание. «Повесть о 22-х несчастьях» была опубликована в 1938 году в Софии, в издательстве газеты «Голос России», а в самой России книга опубликована не была. Обложка проста и выполнена самим автором. Цифры «22» изображены то ли в виде двух лебедей, то ли сорванных ветром листьев. Юрий Иванович оформлял практически все книги и публикации своего знаменитого родителя и больше известен немногочисленным читателям как художник, нежели писатель.

Повесть написана ярко, со своеобразной иронией и сарказмом. Не мудрено, ведь Юрий попал во всю суматоху советских скитаний в достаточно юном возрасте. На момент написания повести ему было лишь 22 года, что, несомненно, автор соотносит с названием книги.

Юрий Солоневич

С 1928 года Юрий Иванович жил в Берлине со своей матерью Тamarой Владимировной, она работала машинисткой и переводчицей в торгпредстве, а в начале 1930-х годов вновь оказался в России. Страна Советов была ему чужда, непонятна, и в то же время любопытна. Накопленный жизненный опыт стандартного советского ребенка он потерял, проведя три года за границей. Вернувшись на советскую родину, представлял он ее не лучше чем любой турист.

В первой половине повести автор рассказывает о своих приключениях в России, уделяя особое внимание взаимоотношениям с режиссером Абрамом Матвеевичем Роомом (1894–1976), впоследствии снявшим фильмы «Суд чести», «Гранатовый браслет», «Цветы запоздалые». Юрий Солоневич был его помощником, поэтому из повести помимо всего прочего можно вынести немало интереснейших фактов из биографии известного режиссера и из истории советской киноиндустрии 1930-х годов. Во второй части автор переходит к описанию одного из самых ярких событий своей жизни – попытке бежать через карельскую границу – в Финляндию. Солоневичи совершали несколько попыток

бежать. Если Иван и Борис Солоневичи посвятили страницы своих книг побегу, завершившемуся счастливым результатом, то юный Юрий в «Повести о 22-х несчастьях» описывает первую попытку – «неудачную». Оттого книга Юрия Ивановича резко выделяется из литературной истории побегов, вместо героического описания препятствий, погони, голода – ирония, улыбка, насмешка подростка над незадачливыми родителями, жаждущими переделать мир.

Каждый из участников воспринимал побег по-своему. Инициаторами, конечно же, были Борис и Иван, а для молодого Юрия побег был всего лишь очередным приключением. Возможно, ему не так уж и хотелось бежать. В России, пускай и советской, для него было много интересного и непознанного. Он смотрел на всю сложившуюся обстановку глазами человека, «познавшего Запад»: «Теперь эта невинность стояла на пороге огромной, таинственной страны – с дрожащими коленями, но с твердым намерением в кратчайший промежуток времени к этой стране приспособиться»¹⁷. Автор постоянно использует прием самоиронии, показывая своего героя с фотоаппаратом новейшей немецкой модели перед стихийной и непостижимой Россией. Герой желает фотографировать неприглядные стороны жизни. Он пытается тайком фотографировать почти сиреневые в царапинах ноги беспризорного мальчика, торчащие из штанин, *ноги, а не глаза*. Но понимает, что с такой установкой подходить к России нельзя.

Иван и Борис Солоневичи – люди зрелые, убежденные противники советского строя, и побег за границу для них – это глубоко осознанная, не подлежащая сомнению «акция». Юрий же – молод, здоров, крепок, не лишен романтики, художественных задатков. Ему просто интересно. Интересен сам замысел побега, обсуждение деталей, подготовка,

¹⁷ Солоневич Ю. И. Повесть о 22-х несчастьях. София, 1938. С. 7. [В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках в тексте указываются страницы.]

добыча оружия. До «большой политики» он еще не дозрел, к тому же вся ответственность за успех предприятия лежит прежде всего на старших, а им можно доверять, с ними все будет так, как задумано.

Поэтому, наверно, Юрий Солоневич, описывая свой первый неудавшийся побег за границу, уделяет много внимания деталям, пейзажным зарисовкам, размышлениям на «отвлеченные темы». У него больше времени и для мелочей, и для того, чтобы почувствовать всю первозданную красоту карельской природы. Конечно, Юрий сознавал, что побег за границу – дело серьезное. «Я, например, купил себе резиновые сапоги...» (с. 213), – пишет он. Хотя сапоги в походе через реки и болота, по бездорожью – вовсе не мелочь.

Иван и Борис уже не воспринимали всей прелести русской природы, ни водопады, ни бурные реки не останавливали их взгляда, у них была только одна цель – Финляндия. Юрий в отличие от старших Солоневичей в своей повести выступает как натурфилософ, задумываясь над местом природы в жизни человека. Он уделяет достаточно места описанию природы, ее коварства. Для Юрия природа представляла собой бесконечную стезю, откуда можно черпать вдохновение и идеи. «Места у карел – слава Тебе, Господи! Лес – оно видно по бревнам, какой тут лес» (с. 237). Он находит красоту и романтику в обычных вещах, смотрит на мир совершенно другими глазами. Ранее не виданная Юрием красота поражает его сознание, он пишет о Карелии так, как никогда бы не написали ни Иван, ни Борис... «Утро раскрыло перед нами панораму карельского болота во всей его красе. Туман, смешиваясь с дымом стоявшей неподалеку деревеньки, устилал кочковатую равнину белесыми простынями» (с. 237).

Север казался беглецам демоническим местом, но герой повести бежит от северного демонизма не по своей воле. Карелия, ставшая для беглецов настоящей пропастью, бездной, перестает пугать Юрия и представляется

ему храмом, где забывается время, где человек остается один на один с вечностью. «Был забыт счет шагам, было забыто даже самое время! Шли по бесконечным анфиладам огромного храма с темно-зелеными, открытыми куполами, с темными, сумрачными галереями, с самоцветными мозаиками дождевых капель и мягкими, бесконечно узорчатыми коврами мхов <...>, с тихими, будто искусственными, прудиками болотных окон... И ничего этого не замечали» (с. 255–256).

Целый месяц перед побегом в Москве шли дожди, и Карелия представлялась Юрию каким-то солнечным краем, где можно будет, наконец, «просохнуть, отогреться и даже, чего доброго, – загореть. <...> Мысль о предстоящем становилась скорее радостной, чем угнетающей: <...> будет солнышко и лес, терять будет больше нечего. – Только бы скорее!» (с. 213). Ни Юрий, ни остальные участники побега, ринувшись в самую чащу карельских лесов, не представляли, куда они «суются». Карелия представлялась им тёплым и сказочно-солнечным краем, с вечно зелёными лесами и свежим ветерком. Но она встретила беглецов хмурым небом, проливным дождем и ужасающей неизвестностью. Карелия была «подозрительным местом», Карелия как оборотень, она меняет облик. Это и храм, и земля демонов. Ее представляют одной, а она оказывается совсем другой: «По берегам – лес, дремучий и грозный, кормящий и убивающий, укрывающий и предательский, такой, каким он был в первый день творения, и тысячу лет назад, и сегодня, и каким он бог его знает, сколько времени еще проживет... В три обхвата великаны завалились поперек реки, ...мох виснет над головой, когда проплываешь под берегом, да такой мох, что будто сам леший свою Бородину в воде мочит...» (с. 340). Здесь чувствуется нечто сказочное, мифическое, – Юрий и вправду попал в какую-то неведомую страну, и, казалось бы, куда еще бежать, зачем искать то, не знаю что?

Юрий думает об Абрашке, которому он пошлет открытку из Гельсингфорса, о друзьях, оставленных в Москве. «Думает о Финляндии, причем констатирует, что никакого понятия о ней не имеет...» (с. 232). Здесь можно возразить: бежит человек в райскую страну, а сам понятия о ней не имеет. Но решение о побеге принимали отец и дядя, им виднее, а потому и думать тут особо нечего: все «концы обрублены» и о возвращении говорить бессмысленно. Для Юрия Карелия предстает и как испытание (пока еще туманное), и как что-то переходное от городской суматохи, от бесконечных очередей за продуктами, от вездесущих чекистов, от всего этого (по словам отца) «советского кабака» – в нечто почти нереальное, но в то же время существующее на самом деле в Финляндии. На этом пути в якобы счастливую страну предстает Карелия как граница мироздания, граница между двумя мирами, пространствами, временами. Здесь сведена «граница родины с границею творения». Отсюда, по поэтической мысли Константина Случевского, остается один путь – в небытие. Но это небытие не будет раем:

...сюда пришла моя дорога!
Скажи же, Господи, отсюда мне куда?¹⁸

Ощущение «переходности» заставляет Юрия быть наблюдательным, вглядываться, запоминать мелочи, «строить» всякие фантазии, предположения. Подробно, с тонким юмором, он повествует о недоумении начальника станции Суна при виде пятерых людей с рюкзаками. Такого количества народу да за один раз на его крошечной станции просто не должно быть – а они были. Ивану, как руководителю «научной экспедиции» пришлось применить все свое дипломатическое искусство, чтобы превратить «немую сцену» в разговорную.

¹⁸ Случевский К. К. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1988. С. 99.

Юрий находится как бы в другой стране, где ни разу не был, и почти забывает, что они – беглецы, что их могут заподозрить, усомниться в бесчисленных бумажках с печатями, проверить, куда-то сообщить. Детально описывает он невысокого кряжистого мужичка-карела, который на лодке повез их по реке Суне к водопаду Кивач, его крикливую собачонку и допотопное средство передвижения – лодку. «Лодка была длинным, плоскодонным сооружением, черным от времени и набухшим от воды, с ивовыми кольцами вместо уключин и без скамеек. Приняв в себя шесть человек с пятью рюкзаками, она погрузилась по самые борта, рискуя ежеминутно зачерпнуть мутную ледяную воду» (с. 239). Жена Бориса Ирина попыталась было «рулить» на корме, но у нее не получалось, – лодку сносило в сторону. Мужичок отказался от ее помощи: «Тута момент – и тюк тебе! – говорил он. – Потом имай лодью, ...Барыньке сидеть, а карелу – грести. Э-тка? Река-то разливалась до огромной ширины, то стекалась в узенькую щель между „сельгами“ – каменными обвалами. В таких случаях все живое вылезало на берег и помогало мужичку вытягивать ее на волоке по порогам» (с. 340).

Мужичок-карел замечает могучую березу и указывает на нее путникам. Оказывается, береза эта – карельская и в Петрозаводске за кубометр дают куль муки – богатство немалое, но мужикам в Петрозаводск сдавать ее не велено, и несут они ценное сырье в трест, где платят копейки. Так в повесть врываются советские будни.

Юрий описывает древнего карельского старца из деревни Вороново, слепого и белого как лунь. «Старец тихо и горделиво сидел на кованом сундучке в углу избы и так, кажется, просидел всю ночь, не шелохнувшись и не вымолвив ни одного слова. На утро я его нашел все в том же положении и с тем же благостно-гордым видом. Что-то родоначальное струилось из старца» (с. 342).

*Портрет Ирины Пеллингер
(рисунок Елизаветы Соини)*

Кажется, что в образе этого неподвижного старца, быть может, рунопевца, застыло, остановилось время, время богатырей и кудесников, волшебных подвигов и героических людей. Но время идет, и об этом напоминают сельсоветские ребята с наганами на боку, с подозрением посматривающие на путешественников. Внимание Юрия привлекает старушка, живущая в маленькой избенке у водопада Кивач, она заунывно пела и достаточно странно и быстро раскачивала люльку, в которой спал младенец, о чем Солоневич отозвался: «Как несчастный карельский бэбс умудрялся спать при таких условиях – было неясно, тем более, что пение шло в том же темпе, что и качание. – Вот этот уж на море не заболеет!» (с. 245).

Карельский пейзаж не перестает удивлять молодого беглеца. Берега реки Суны вдруг изменились, суша словно пропала, «уступив место плавучим кочкам, рыжей болотной жижице и завалам нанесенных рекою лесных гигантов. Было что-то доисторически-мрачное в этом низкорослом пейзаже, и фантазия... принималась за всякие

дикие картины. Вот – вылезет сейчас из болотного торфа длинная тонкая шея с маленькой головкой. С нее будут свисать мокрые корни и водоросли, а из ноздрей голова будет „пущать“ фонтанчики воды. Потом шея с усилием изогнется, и за ней последует из воды огромная, многосаженная черная спина... Таежную тишину разобьет плеск воды и пронзительное сопение животины...» (с. 242–243).

Но животина так и не появилась, – появились комары, что были почище всякой фантастической животины. К вечеру, уже на подводе, беглецы приблизились к водопаду. Шум его падающей воды перекрывал голоса, солнце садилось «в узкой полоске синеватого неба на горизонте». И молодой беглец, вместо того, чтобы думать, доберутся ли они до Финляндии, думает о солнце: и можно ли до него добраться, если идти все время на запад. «А может быть, солнце к тому времени вылезет с другой стороны и окажется на востоке?» (с. 244).

Свой путь, духовный и географический одновременно, герой осознает почти в категориях символистской эстетики как путь к Солнцу. Сравним стихотворение Николая Рериха «Пора», где о цели пути сказано: «Надо до солнца пойти...» или пьесу «Борьба за свет» («Sota Valosta») финского поэта-неоромантика Эйно Лейно, герои которой провозглашают, что они должны служить солнцу.

В сознании Юрия побег в Финляндию и сама идея поиска счастливой земли сродни идее поиска Беловодья, Шамбалы, солнечной страны. Таковой сначала представлялась Карелия, но она обманула. Солнце Карелии – это вовсе не солнце: «С лукавым видом профессиональной русалки, заманивающей путника подальше в болото, выглянуло солнышко, залив неприглядную северную пустошь розовато-желтой акварелью. Казалось, будто здешнее солнце – вообще не солнце, а только его тусклое отражение в этих серо-белесых небесах» (с. 242).

На пути к солнцу возникают препятствия и случаются потери. В повести Юрия Солоневича герой преодолевает препятствия, но обрести Солнце ценой потери родины Юрий совершенно не готов.

Элементы сказочного жанра в повести Юрия переплетаются с философской прозой. Увидев Кивач, герой вновь забывает о времени. И вот побег, да и все препятствия на фоне беснующихся струй кажутся герою мелкими заботами. Среди грохота срывающегося потока воды Юрий обретает спокойствие в душе: «Левая струя огромным, широким языком, спокойно, точно вылитая из стекла колонна, поднималась из огромной черной миски с белой пеной. Другая струя, правая, бесновалась уже с самого своего начала, струи в ней пересекались, били одна через другую... Я сел в „профиль“ к водопаду, на мокрый мох и просидел Бог знает сколько времени. Смотрел, смотрел, смотрел – и становилось все спокойнее, величавее на душе, и мелкими заботами стали казаться весь наш побег, и дождь, и болота...» (с. 246).

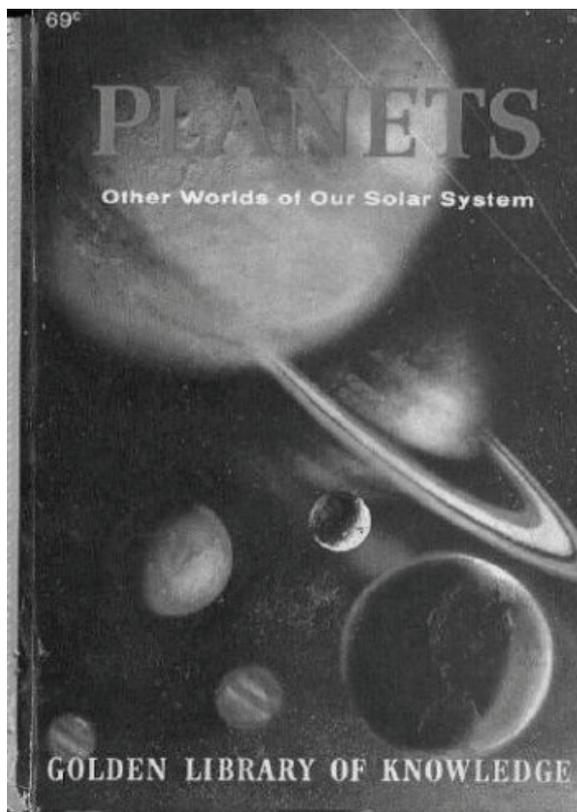
Поначалу в лесу Юрий соотносил свой путь с прохождением по некоему Храму, но вскоре тяжелые рюкзаки, острые гранитные осколки, упавшие деревья, густые заросли заставили забыть о высоких и сказочных настроениях: «Предстоящая ночь чудилась всем ... исправленным и дополненным изданием дантовского Ада» (с. 257) «...мир ушел куда-то в небытие, уступив место... смутному, все нарастающему подозрению, что творится что-то неладное» (с. 264).

Неладное, действительно, случилось: беглецы заблудились, и неудивительно, что попытка бежать провалилась. Все было просто: «Карелия оказалась одним из немногих мест на лице земли русской, где водились так называемые магнитные аномалии. Финские хладные скалы и болота таили в себе какие-то предательские рудные залежи, отклонявшие стрелку компаса.

Можно было, руководствуясь компасом, неделями ходить вокруг одного и того же места, пока какая-нибудь случайность не выдала бы сего трагического заблуждения...» (с. 282).

Надо было сдаваться пограничникам, убеждать, что они – научная экспедиция, заблудились в лесу и просят их отправить домой. Собственно говоря, так и получилось, пригодились бумажки с печатями. Вечером беглецов уже кормили горячей картошкой в мундире. «Со времени этого нашего похода груды дымящейся картошки в мундирах неизменно ассоциируется у меня с карельским пейзажем, с холодом и бездомностью и с какой-то странной смесью отчаяния и радости. Отчаяния – из-за проигранного матча, и радости – по поводу того, что черт с ним, теперь уже все позади... После этого я спал, как спит праведник после благополучного исхода страшного суда» (с. 277–278).

Юрий, не желая «отбивать хлеб собственному папаше», отсылает читателя, желающего знать, каким образом беглецы попали в Финляндию, к книге Ивана Солоневича «Россия в концлагере», зафиксировав только с точностью: «Четырнадцатого августа тысячу девятьсот тридцать четвертого года мы с сияющими от счастья и комариных укусов лицами выбрали, наконец, как и было задумано, на финскую территорию, в стопроцентном на сей раз убеждении, что жизнь для нас начинается завтра» (с. 289). Но поиск счастливых стран счастья не принес. Свою повесть Юрий Солоневич оканчивает размышлением, что побег в Финляндию оказался «утопическим проектом», и не стоило «рыскать взорами в голубых далях неведомых „тридцатьземель“», ведь пруд «с самыми настоящими, золотистыми и жирными карасями» был лучше всего там, откуда они ушли, и солнце для него действительно оказалось на востоке.

Ю. Солоневич. Обложка к книге «Планеты»

В эмиграции Юрий Иванович, или как он подписывал свои картины, Джордж Солоневич посвятил свою жизнь живописи. Со своей будущей женой, художницей, уроженкой г. Тампере Ингой Доннер-Солоневич Юрий познакомился на лестнице в музее Атенеум. Инга Доннер (1915) – финляндская шведка, дочь инженера-металлурга Артура Доннера и его жены Энни. Рабочий город Тампере особенно долго залечивал раны гражданской войны. На красных и белых раскололась и семья, к которой принадлежал отец Инги.

Инга Доннер

В своих воспоминаниях «Пламя во тьме», вышедших на трех языках: английском, шведском и финском, Инга Доннер пишет, что в момент потрясений незыблемым для нее оставалось только искусство. «Атенеум твердо стоит на своем месте, отделенный от грохота своими прочными стенами, и смотрит на Привокзальную площадь большими черными глазами. Там живет наше искусство, прошлое, настоящее и будущее, и Атенеум чувствует свою ответственность»¹⁹. Атенеум – знаковое место и для русских художников, и писателей. Илья Репин, Анна Остроумова-Лебедева, Аркадий Рылов, Алексей Куприн, Корней Чуковский, Линард Лайцен посвятили музею, расположенному рядом с железнодорожным вокзалом в центре финской столицы, отзывы, полные восхищения.

¹⁹ Donner-Solonevich I. Liekki pimeässä. H-ki; Vuva; Porvoo; WSOY, 1988. S. 40.

Солола (США). Рисунок И. Доннер-Солоневич

Инга и Юрий Солоневичи жили в Германии, в годы нацистской ссылки находились вместе с Иваном Лукьяновичем в Померании, затем переехали в Аргентину и в 1952-м году в США. Свое имение там они назвали Солола. На 'ла' заканчивается ряд топонимов, обозначающих землю в прибалтийско-финских языках: Коуволла, Эссойла, Хийтола. На 'ла' заканчивается и родина фольклорных героев – Калевала, давшая название всемирно известной поэме. В Сололе Юрий Иванович скончался в возрасте 88 лет в 2003 году. Известен его портрет Рональда Рейгана и иллюстрации к детским книгам. Любопытно, что он оформил ряд научно-познавательных изданий, рисуя планеты и столь любимое им Солнце.

ГЛАВА IV

ИВАН СОЛОНЕВИЧ И ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ ФИНСКОЙ КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ 1900–1930-х годов

4.1 Иван Солоневич и финские критики о русской литературе

Отношение Ивана Солоневича к русской литературе во многом схоже с ее восприятием финскими критиками первой четверти XX века. Литературно-критические взгляды Ивана Солоневича в соотнесении с оценками финнов русской литературы будут предметом и нашего внимания.

Как было отмечено выше, Иван Солоневич вслед за Иваном Ильиным, Василием Розановым стал ниспровергателем русской классической и современной ему литературы. Не раз он обвинял на страницах книги и дореволюционную, и советскую литературу в незнании русской жизни, в создании отрицательного представления о России. Разумеется, речь идет не о русской литературе вообще, значение которой он понимал, а именно о проблеме оторванности от народной жизни, об отсутствии положительных полнокровных героев из народа в произведениях талантливых писателей.

Солоневич ценил русскую поэзию, знал наизусть «Евгения Онегина», часто и всегда уместно цитировал строки из стихотворений Федора Тютчева, Ивана Никитина, Максимилиана Волошина, Игоря Северянина, Александра Блока. Известно, что в поэзии в концентрированном виде

отражается дух народа. Именно так «Дух народа» называется первая глава в книге Солоневича «Белая империя», в которой приведены отрывки из стихотворений Федора Тютчева и Ивана Никитина. Стихотворением Тютчева «Два единства» Солоневич иллюстрирует одну из своих главных идей о «единстве чисто духовном»¹ Российской империи, о духе России – духе «великой дружественности, терпимости и любви»:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может, спаяно железом лишь
И кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней.

На других страницах «Белой империи» цитируется Иван Никитин. На сей раз строками стихотворения «Падет презренное тиранство» Солоневич подкрепляет мысль о существовании не братской любви, а вековой ненависти крестьянства к помещичьему сословию:

И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.

Не нам, иному поколенью
Отдашь ты бич свой вековой
И станешь [правильно: будешь] ненавистной тенью,
Пятном в истории родной².

Русская поэзия не «усадебная», не «дворянская» (имеется в виду не происхождение того или иного писателя, а его художественные установки) вызывала у Солоневича искренние симпатии.

Критикуя мемуары русской эмиграции, он неоднократно повторял, что эмигранты вспоминали ту Россию,

¹ Солоневич И. Л. Белая империя. М., 1997. С. 51.

² Солоневич И. Л. Там же. С. 118.

какую они видели из окон своих усадеб, с «бельэтажа» Российской империи. В среде русской эмиграции, по свидетельству Солоневича, «не принято вспоминать лермонтовскую „жадную толпу, стоящую у трона“, ни некрасовскую „великую скорбь народную“, которой „переполнилась наша земля“, ни знаменитой „радицевской поездки“ <...>, ни заключительного предреволюционного вопля А. Блока: „Россия – нищая Россия!“»³

Можно сказать, что Солоневич смотрел на историю своей родины также и через призму литературы. Поэтому к литературе он предъявлял высочайшие требования и искренне сокрушался, что действительно великая культура «Ломоносовых и Пушкиных, Толстых и Достоевских слишком долго оставалась закрытой для народных масс»⁴.

В 1940-м году, когда миру было совсем не до литературы, Солоневич вступил в полемику с газетой «Возрождение», известной в эмиграции как орган национальной русской мысли, о назначении поэта, и в частности, о судьбе поэта в России. На «Современные записки» критика Георгия Мейера, опубликованные в «Возрождении», Солоневич отозвался статьей «Марксизм промотавшихся помещиков». Георгий Мейер констатировал, что «прозаическая и грубая Русь» не ценит своих бессмертных поэтических сокровищ. «А где же эти поэтические сокровища – при всех наших недостатках – ценились выше, чем у нас? – возражает Солоневич. – Где поэтов и писателей на руках носили так, как их носили у нас? Где писатели и поэты были на большей моральной высоте, чем в России? Где на них смотрели не как на поставщиков чтива, а как на пророков?»⁵

³ Солоневич И. Без чернозема / Еще о монархии // Родина. 1940. № 2. С. 3.

⁴ Солоневич И. Нация без культуры // Родина. 1940. № 2. С. 31.

⁵ Солоневич И. Простолоудины / Марксизм промотавшихся помещиков // Родина. 1940. № 2. С. 30.

На взгляд Мейера, в России популярны лишь лубочные «стишки», подписанные то Горьким, то Клюевым, то Скитальцем, то Есениным. За этими разными именами, считает критик, скрывается один и тот же «собираТЕЛЬный... расторопный мужичок». За меняющейся внешностью проглядывает «лживая сердцевина» Кольцова. «Счастье еще что под мейеровскую руку не попались такие простолюдины как, например, Ломоносов, – полемизирует Солоневич. <...> А есенинские стихи Россия будет повторять и петь еще сто лет»⁶.

Словом, литературу Солоневич столь же яростно защищал, сколько и ниспровергал. Другое дело, нескрываемое сословное превосходство в творчестве писателей-помещиков, их позиция по отношению к народу вызывали у Солоневича резкий отпор, несмотря на «гениальное мастерство» и всемирную известность авторов.

В своей главной книге «Народная монархия», уже в предисловии, Иван Солоневич пишет: «Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие интересы...»⁷. Обосновывая свою концепцию народно-монархического движения в эмиграции, Иван Солоневич подчеркивает, что, прежде всего, необходимо установить факты. А все, что понаписали «Бердяй Булгаковичи», по существу, является идеологическим враньем, списанным с Запада. Досталось от Ивана Солоневича русской литературе, начиная с Пушкина и кончая Михаилом Зощенко и Сашей Черным. Правда, у Пушкина он находит основную идею русской монархии: «Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона» (с. 84).

⁶ Солоневич И. Простолюдины / Марксизм промотавшихся помещиков // Родина. 1940. № 2. С. 30.

⁷ Солоневич И. Народная монархия. Сан-Франциско, 1978. С. 2. [Далее при ссылках на это издание в скобках указываются страницы.]

Солоневич взваливает на русскую литературу прямо-таки непосильный груз: не только революцию, но Вторую мировую войну (а может, даже и Первую) спровоцировала оторванная от народа, чисто дворянская русская литература. «Вся немецкая концепция завоевания востока была целиком списана из произведений русских властителей душ. Основные мысли партайгеноссе А. Розенберга прямо списаны с партийного товарища Максима Горького. Достоевский был обсосан до косточки. Золотые россыпи толстовского непротивленчества были разработаны до последней песчинки» (с. 48).

Правда, потом, по ироничному замечанию Солоневича, получилась «форменная ерунда» – Каратаевы взяли за дубье, Обломовы дошли до Берлина. И все же, утверждает И. Солоневич, именно русская литература создала «облыжный образ России», и немец, изучив эту литературу, пошел завоевывать восток, наводить порядок. Русскую литературную продукцию автор книги называет «сплошным художественным враньем» и приводит факты, как этого вранья, так и его последствий.

Онегины, Маниловы, Обломовы, Безуховы и прочие – говоря чисто социологически – «были бездельниками и больше ничем. И говоря чисто прозаически – бесились с жиру ... мечтали о воображаемых вещах (с. 51). Потом пришло новое поколение: Чехов, Горький, Андреев. Они боролись с мещанством, «также с чисто воображаемым». Даже Достоевский, по утверждению И. Солоневича, ... проворонил факт существования тысячелетней империи ... Достоевский рисует людей, каких я лично в жизни никогда не видал.., а Зоценко рисует советский быт, какого в реальности никогда не существовало» (с. 51).

И вот пошел Фриц – простак, начитавшись Зоценко и Чехова, завоевывать этих «скучных и лишних» людей. «И напоролся на русских, никакой литературой в мире не предусмотренных вовсе» (с. 52).

Главную причину такой оторванности интеллигенции от народа Иван Солоневич видит в петровских реформах. Петр разделил общество надвое: с одной стороны – дворянство, с другой – все остальное. После петровских реформ, по Солоневичу, русская история пошла криво. А коли так, то и русская литература, создаваемая дворянством, оторванным от народа, тоже пошла криво, явилась «кривым зеркалом» жизни. Общий язык был потерян, хотя осталась у дворян еще какая-то совесть. Отсюда и тип «кающегося дворянина».

«Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего» (с. 57). Самый характерный из русских дворянских писателей – Лев Толстой. Но, по утверждению И. Солоневича, как только он выходит из пределов привычной дворянской семьи, все у него приобретает «пасквильный оттенок: купцы и врачи, адвокаты и судьи, промышленники и мастера – все это дано в какой-то брезгливой карикатуре» (с. 55).

Критикуя народные образы в прозе Льва Толстого, Солоневич, однако, не забывает отметить «гениальное мастерство» писателя. Платонов Каратаевых не было, утверждает Солоневич. Закономерен вопрос: а капитаны Тушины были? А Ерочки из «Казачков»?

Роман «Война и мир» был задуман Толстым как «исключительная по своей злостности сатира и который был написан, как позолоченная идиллия» (с. 55). Еще в «Белой империи» Солоневич критикует Толстого за схематизм и карикатурность героев, не принадлежащих помещичьему сословию: «Всегда карикатурен купец <...> Мужик превратился в каратаевскую абстракцию, которую даже и толстовский гений не смог оделить живыми чертами. Интеллигенция или карикатурна или просто уродлива: все врачи – шарлатаны, все адвокаты – жулики»⁸. По мнению Солоневича, Толстой,

⁸ Солоневич И. Л. Белая империя. С. 345.

разумеется, не выполнял социальный заказ дворянской идеологии – он находился внутри этой идеологии.

Сравнивая «Войну и мир» и «Анну Каренину», Солоневич приходит к выводу, что в эпопее герои живут еще «в какой-то атмосфере национального строительства», что-то делают, о чем-то мечтают: «Старик Болконский <...> работает по сбору государственного ополчения, Андрей Болконский мечтает о своем Тулоне, работает над военными уставами <...>. Пьер Безухов при всей своей глупости и добродушии занимается масонскими мечтами о человеческом благоустройении <...>. Николай Ростов и тот имеет какие-то свои идеи <...> Они еще не паразиты. За кутежами и попойками, за барственой расточительностью старика Ростова, за московскими балами – за всем этим есть все-таки *какая-то государственно-национальная идея*⁹ [выделено мной. – Е. С.]. Если у героев «Войны и мира» Солоневич находит идею национально-государственного строительства, то у их «внуков», то есть у героев «Анны Карениной», по мнению публициста, уже никакой идеи нет. Внуки превратились в «окончательных и совершеннейших паразитов, <...> в общество, лишенное всякой идеи и, в сущности, всякой культуры»¹⁰. У внуков никаких интересов, кроме женщин и вина. По мнению Солоневича, единственный серьезный вопрос, поставленный в «Анне Карениной» – превращение человека в «безмозглую говядину». Именно как о «глупой говядине» думает о себе Вронский. Такую же характеристику, считает Солоневич, заслуживают и Стива Облонский, «равнодушный к своему делу»¹¹, и Константин Левин, считающий, что ему незачем заботиться об учреждении медицинских пунктов, которыми он не собирается пользоваться, и школ, куда он своих детей

⁹ Солоневич И. Л. Белая империя. С. 347.

¹⁰ Там же.

¹¹ Солоневич И. Л. Там же. С. 348.

посылать не будет: «Школы мне не только не нужны, а даже и вредны». Солоневич считает, что Толстой, сам того не желая, изобразил полное разложение дворянства, представителям которого было «плевать на земство, на школы, на дороги, на медицину». Вот мы и запоздали, делает вывод Солоневич, с дорогами, школами, медициной, а также с армией. Но, главное, возмущается публицист, Толстой не осуждает Левина, а «нескрываемо сочувствует»¹².

С резкой критикой романа «Анна Каренина» выступил в финской печати незадолго до Солоневича профессор В. Коскенниemi. В журнале «Айка» вышла его статья «Анна Каренина» с подзаголовком на латинском языке «Восток или Запад?» («Oriens an Occidence?»). Поэт и профессор В. А. Коскенниemi был известен в истории финской литературы как эстет и реакционер одновременно. «Культура и политическое ретроградство – сочетание этих противоречивых качеств в одном лице долго казалось и до сих пор кажется некоторым критикам труднообъяснимой „загадкой Коскенниemi“», – считает Э. Г. Карху¹³. Статья профессора «Анна Каренина» стала, по выражению финской исследовательницы А. Сараяс, «в некотором смысле культурно-политической программой, направленной против русского влияния»¹⁴.

В Финляндии существовали две тенденции восприятия русской литературы. И если одна тенденция проявлялась в почитании русской словесности, в осознании ее значения для финской литературы, то другая – в отрицании, в неприятии. Интересно, что Коскенниemi сначала принадлежал к первому направлению, однако довольно быстро он европеизировался и возглавил другое. Но

¹² Солоневич И. Л. Белая империя. С. 346.

¹³ Карху Э. Г. История литературы Финляндии. XX век. Л., 1990. С. 229.

¹⁴ Sarajas A. Tunnuskuvia. Suomen ja venäjän Kirjallisen realismin Kosketuskohtia. Porvoo-Helsinki, 1968. S. 142.

справедливости ради необходимо подчеркнуть, что представители обеих тенденций учитывали уникальность, неповторимость русской литературы, ее непохожесть ни на что другое.

В. Коскенниemi и Иван Солоневич обнаруживают сходство во взглядах на роман, одинаково обращают внимание на отсутствие идей у героев «Анны Карениной». Однако о каких идеях идет речь? Если Солоневич пишет об идее национального строительства, устройства школ, больниц, то Коскенниemi отказывает героям романа да и самому автору в интеллектуальной жизни. «Толстой – <...> сторонник описания инстинктов, а высшая интеллектуальная жизнь чужда его варварски здоровому строению души. Он переживает сам жизнь своих героев, они плоть его плоти, он не способен рассматривать их ни с какой реальной или нереальной точки зрения. Мирская жизнь для него – это все <...>. Все, что трансцендентально, сверхъестественно, так же далеко от его романов, как от сознания ребенка ... Его интуиция никогда не распространяется глубже повседневной конкретной действительности»¹⁵. Солоневич говорит об обществе, единственном интересе которого являются развлечения, Коскенниemi употребляет слово *инстинкт* и считает, что Толстому удастся мастерски его описать. В. Коскенниemi считает достижением Л. Толстого умение смотреть на мир глазами крестьянина. Толстой возвышает крестьянина и с позиций крестьянского мирозерцания предлагает решать многие вопросы в жизни и искусстве. Такое, по мнению В. Коскенниemi, невозможно в западноевропейской литературе. Такое покажется «чужим и наивным»¹⁶. Солоневич, напротив, отказывает Толстому в знании крестьянства, крестьянского мира и

¹⁵ Koskenniemi V. A. Anna Karenina // Aika. 1912. S. 18.

¹⁶ Koskenniemi V. A. Op. cit. S. 21.

языка. Умением Толстого передать внутреннее состояние женщины В. Коскенниemi опять же объясняет талант русского писателя как талант антиинтеллектуала: «В образе Анны Карениной Толстой виртуозно описывает любовную жизнь женщины со всеми ее нюансами. Анна, чувства которой заставляют ее метаться между супругом, любовником и сыном, переживает часы счастливой любви; ее образ наделен рвущими сердце противоречиями, истерической ревностью и сомнительным будущим, и все это описано Толстым почти с инстинктивным пониманием действительности. Анна Каренина – женщина и больше никто; она жена, любовница и мать; у нее нет никаких интеллектуальных и общественных увлечений, [выделено мной. – Е. С.] для нее счастье – в существовании для своего ребенка и любовника; и раз она не может сделать этого одновременно, она заболевает и в состоянии истерического настроения кончает с собой <...> герои у Толстого лишены интеллектуальной жизни, и поэтому они не могут быть носителями культуры настолько, как, скажем, герои Гете, Ибсена и Стриндберга»¹⁷. В отсутствии культуры упрекал героев «Анны Карениной» и Солоневич, считая, что «общество, лишенное всякой идеи, и в сущности всякой культуры (ибо не может культура быть без идеи), не может не внушать к себе отвращения»¹⁸.

Как известно, проблема, поставленная Ф. Ницше в его труде «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) о двуединстве аполлонического (аполлоновского) и дионисийского в искусстве, стала точкой отсчета в мировоззрении начала XX века. Соразмерное, оформленное, пластически законченное, статичное – это сфера бога Аполлона, в то время как Дионису отводится все разрушительное, вечно

¹⁷ Koskenniemi V. A. Anna Karenina // Aika. 1912. S. 22.

¹⁸ Солоневич И. Л. Белая империя. С. 347.

меняющееся, беспорядочное, стихийное. С Аполлоном связан порядок, гармония, с Дионисом – хаос.

«Выхваченный из хаоса бытия, созидается и сам человек, который в дионисийском вихре жизнепоклонства, в буйных ритмах „коллективного тела“ вакханалий уже более не художник, но само художество, т. е. произведение искусства»¹⁹. Выделенные Ф. Ницше два начала в искусстве – «дионисийское» (стихийное) и «аполлоновское» (гармоническое) – В. Коскенниemi относит к литературе России и Западной Европы. Русскую литературу В. Коскенниemi называет «дионисийской поэзией русских инстинктов» и противопоставляет ей «влияние западноевропейской аполлоновской культуры»²⁰.

Чтобы финские писатели не оказались под сильным влиянием русской литературы, В. Коскенниemi пытался представить ее не только лишенной всего интеллектуального, но и разрушительной, агрессивной. Легче всего ниспровергать великое. И великому Толстому в статье «Лев Толстой и русская революция» досталось больше всего. Именно Толстой, по мнению критика, вызвал к жизни революционные разрушения. Солоневич также ставит в вину Толстому революцию: «... граф Толстой окончил проповедью анархизма, атеизма, подрывом не только монархии, но и государства и нации»²¹.

Критикуя Толстого, Коскенниemi и Солоневич признают, однако, его гений. Финский критик пишет о истине победном шествии Толстого в Европе: «Толстой стал все больше и больше привлекать умы, и его попытались противопоставить тому, чем являлся почти

¹⁹ Колихалова Н. Г. Романы «Королевское высочество» Томаса Манна и «Серебряный голубь» Андрея Белого (тема художника в типологическом освещении): дис. ...канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. С. 226–227.

²⁰ Koskenniemi V. A. Op. cit. S. 25.

²¹ Солоневич И. Л. Белая империя. С. 345.

столетие в культурной жизни народов Гете»²². В. Коскенниemi признает, что многие из тех идей, которыми живет художественная литература Финляндии, «родом из Ясной Поляны», что произведения русской литературы переводятся и читаются в Финляндии больше, чем произведения немецкой, английской или французской литературы. «Этот обильный русский посев дал уже какие-то всходы, и это заметно»²³. Для Коскенниemi популярность произведений Толстого в Европе – это признание, для Солоневича – это трагедия, ибо именно по толстовским героям европейцы судят о русских.

В «Народной монархии» приговор русской литературе звучит более сурово: «Мимо настоящей русской жизни русская литература прошла совсем стороною. Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории воли, настойчивости и упорства – ничего этого наша литература не заметила вовсе. По всему миру – да и по нашему собственному сознанию тоже – получила хождение этакая уродистая карикатура, отражавшая то надвигающуюся дворянскую беспризорность, то чахотку или эпилепсию, то какие-то поднебесные замыслы, с русской жизнью ничего общего не имевшие. И эта карикатура, пройдя по всем иностранным рынкам, создала уродливое представление о России, психологически решившее начало Второй мировой войны, а, может быть, и Первой»²⁴. Действительно, читающая публика нередко судит о том или ином народе по его литературе. Даже в секретном докладе Гитлеру о психологии русского человека, написанном Вильфридом Штрик-Штрикфельдтом, находим цитаты из русской

²² Koskenniemi V. A. Anna Karenina // Aika. 1912. S. 23.

²³ Koskenniemi V. A. Op. cit.

²⁴ Солоневич И. Народная монархия. Сан-Франциско, 1978. С. 58.

литературы. Вилфрид Штрик-Штрикфельдт (1887–1977) был офицером – переводчиком в штабе группы армии «Центр». В его докладе «Русский человек», наряду со спорными, нелицеприятными умозаключениями есть и те, которые вызывали уважение к русским людям у немцев в самый страшный период, когда все были уверены в окончательном поражении России, а в верховном командовании Германии царило пренебрежительное отношение к русскому народу, основанное на теории «унтерменшей». «Кто из нас в состоянии дать полную характеристику какой-либо личности? – задается вопросом автор „Русского человека“. – Может быть, писатель <...>»²⁵ и основывает доклад на цитатах из «Войны и мира» Льва Толстого. Размышляя над романом, Штрик-Штрикфельдт обнаруживает глубокое противоречие между порывом и противопорывом, между импульсом и противоимпульсом в характере русских и цитирует Льва Толстого: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому, что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь» (с. 12). По мнению Вилфрида Штрик-Штрикфельдта, обеспечить победу на Востоке на длительное время <...> возможно только заодно с русскими, но не против них: «Только с ними мы можем объединить русский простор, установить в нем мир и извлекать из него пользу», но для этого, пишется в докладе, надо иметь представление о народе, с которым необходимо сотрудничать: «Из многих вопросов, к которым русский человек относится совсем иначе, чем западный европеец, следует отнести три: его отношение к власти, к собственности и к страданию»²⁶. Автор доклада считает, что русский человек является более независимым от материальной собственности, чем западный европеец и

²⁵ Штрик-Штрикфельдт Вилфрид, [Русский человек] Огромное богатство чувств... // Слово. 1992. № 1–6. С. 12.

²⁶ Там же.

«это вызывает в нем какое-то чувство превосходства (с его точки зрения)»²⁷. В доказательство Вилфрид Штрик-Штрикфельдт приводит «еще одну выдержку» из Толстого об «исключительно русском чувстве презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира». «В первый раз Пьер испытал это странное и обаятельное чувство в Слободском дворце, когда он вдруг почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, – все это ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить»²⁸. Далее автор «Русского человека» приходит к выводу, что производительность и собственность – это источник огромной силы, которая принесет конец власти большевиков.

Доклад «Русский человек» еще раз доказывает прозорливость замечаний Солоневича о значении литературы в формировании стереотипов. Но необходимо сделать оговорку. Литература, даже великая, может многое, но не все, хотя бы потому, что литературу создают конкретные люди, наделенные талантами разного масштаба. Говоря о своем стремлении оперировать только фактами, И. Солоневич приводит одни факты и как бы не замечает другие, так как эти другие факты противоречат его концепции. Немцы, по Солоневичу, перед войной старательно переводили и изучали русскую литературу, «изучали русский характер». Надо думать, что немцы изучали и великую французскую литературу, и «французский характер», однако же, Франция была оккупирована за две недели.

Серьезный приговор русской литературе заставил задуматься пишущую эмиграцию. Солоневича невозможно было опровергнуть или не заметить. Да и что можно было

²⁷ Штрик-Штрикфельдт Вилфрид, [Русский человек] Огромное богатство чувств... // Слово. 1992. № 1–6. С. 12.

²⁸ Штрик-Штрикфельдт Вилфрид. Указ. соч. С. 13.

возразить на резкие, безапелляционные, но в то же время порой и верные высказывания публициста, явившегося из финских лесов, прошедшего несколько тюрем, совершившего побег, организовавшего в эмиграции издание газет, журналов, книг. Особенно резкие суждения Иван Солоневич высказал в адрес Александра Грибоедова. По мнению критика, автор «Горя от ума» не нашел ни одного другого персонажа в русской армии, кроме Скалозуба. Изобразил солдафона, как будто у нас не было Суворовых, Кутузовых или Багратионов. Справедливости ради надо сказать, что были и Скалозубы, и немало их было, – вспомним хотя бы «Поединок» Куприна, тоже представителя русской литературы. Однако и точка зрения Солоневича заслуживает внимания: «Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские „лишние люди“ строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки – русскую промышленность? Или толстовский Каратаев крестьянскую кооперацию?»²⁹. А «грибоедовские внуки», по мнению Солоневича, стали ныне эмигрантскими барышнями.

Советской литературе досталось от Солоневича не меньше. Издевательством называл публицист прозу Михаила Зощенко и поэзию Саши Черного. Немцы, считает Солоневич, пошли завоевывать «зощенковских наследников, чеховских лишних людей» и были изумлены: «... позвольте, как же это так, так о чем же нам сто лет подряд писали и говорили... так где же эти босые и лишние люди?»³⁰ Касаясь советской литературы, Солоневич, кроме Максима Горького и Михаила Зощенко, Ильи Эренбурга, фактически никого из прозаиков больше не упоминает. А ведь были уже и «Разгром», и «Тихий Дон», и первая книга «Поднятой целины», были опубликованы произведения

²⁹ Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 57.

³⁰ Там же. С. 52.

Михаила Булгакова и Андрея Платонова. То есть, были и просоветские книги, и книги, которые тоже пытались объяснить «русский характер».

Размышляя над неслучайностью, над продуманностью литературных высказываний Солоневича, надо признать, что в его публицистике все-таки проявились предвзятость, односторонность, и отношение ко всей русской литературе было далеко не всегда справедливым.

Однако при знакомстве с дореволюционной и современной Солоневичу финской критикой³¹ можно найти немало общего во взглядах Солоневича и финнов, увидеть как сходство во взглядах, так и полемику. Здесь мы сделаем акцент на критических высказываниях в финской периодике, подтверждающих правомерность ряда идей Ивана Солоневича. Действительно ли русская классическая литература создала негативный образ России и русского народа в глазах зарубежного, в частности, финского читателя?

Каждый раз, обращаясь к русской литературе, финны как бы «примеряли» ее на себя, как бы задавались вопросами: «Наше ли это? Нужно ли это нам?» С разным подтекстом эти вопросы звучали почти во всех рецензиях, во всех размышлениях о русской литературе. На взгляд Вилье Коскенниemi, литературный тип в русской прозе лишен «того равновесия активности и пассивности, ума и сердца, которое характерно для западноевропейского идеала». Герой в русской литературе представляет собой крайность: «бездарно пассивный» Обломов, «неврастеник» Раскольников, «хищник более наивный, чем рассудительный» Чичиков³².

³¹ Восприятию классической русской литературы в Финляндии в начале XX века посвящен раздел «Восток или Запад? Тенденциозность или дионисийство?» в нашей монографии «Русско-финские литературные связи начала XX века» (Петрозаводск, 1998).

³² Koskenniemi V. A. Anna Karenina // Aika. 1912. S. 24.

Яло Калима, размышляя над Чеховым, писал, что модель российского общества – это больница, «а русские господа из маленького городка... – типы трагикомические...»³³. По мнению Ялмари Алберга, Чехов не пробуждает желаний бороться, «бесполезно биться о серую-серую ограду, окружающую жизнь вообще и русскую жизнь в частности... человек не может быть счастлив, но он может привыкнуть... и он привыкает ко всему. И эта проклятая привычка подавляет человека, убивает в нем все лучшее и благородное, делает его безвольным и серым, таким же, как окружающая его обыденность. Так влияет Чехов, по крайней мере, на финского читателя»³⁴.

19-летняя Хелла Вуолиёки, впоследствии ставшая одной из самых известных финских писательниц в Европе, в переведенной ею пьесе «Царь Голод» Леонида Андреева увидела и подлинное художественное открытие: «никто еще до сих пор такими выразительными красками не описывал железные законы производства»³⁵, и обратила внимание на тот факт, что у писателя весьма смутное представление о рабочих, о простых людях. Ей не понравилось отсутствие достоинства в самосознании героев, даже не имеющих понятия о своей ценности и силе.

Финны выбирали для переводов произведения с социальной остротой авторов, выражающих явно антимоноархические взгляды. Народники, писатели, близкие к народничеству, писатели-«знаниевцы» вызывали симпатии у финских издателей, а те, в свою очередь, находили достойных переводчиков и деньги на издание книг: «Андрея Кожухова» С. Степняка-Кравчинского, «Страну отцов» С. И. Гусева-Оренбургского (перевод Илмари Кианто),

³³ J. C. [Jalo Calima] Lääkarin kohtalo eli sairaala N 6 // Valvoja. 1901. S. 459.

³⁴ J. A. [Jalmari Alberg] Venäläisiä kirjailijoita // Aika. 1907. S. 697.

³⁵ H. M. [Hella Murrík (Wuolijoki)] Leonid Andrejevin uusi näytelmä „Kuningas Nälkä“ // Työmies. 1908. heinäk. 11 p-nä.

«Рассказы» Д. Мамина-Сибиряка (перевод Рафаэля Линдквиста). Были переведены также рассказы К. М. Станюковича, В. Г. Короленко, тюремные мемуары П. С. Поливанова. Не смущало издателей то, что С. Степняк-Кравчинский участвовал в убийстве шефа жандармерии, П. С. Поливанов застрелил тюремного охранника, К. М. Станюкович несколько лет провел в ссылке.

Некоторые произведения были интересны финнам как «исторические свидетельства» своеобразной эпохи России, но как художественные тексты – малоценны. Очень резко Вильо Таркиайнен отозвался на публикацию романа С. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (в переводе на финский язык роман называется «Нигилист»): «Немного, видно, радости для финского читателя от такого романа»³⁶. Критик считает, что вряд ли роман о жизни революционеров России 1870-х годов будет интересен финнам, от которых „нельзя даже ожидать исторической заинтересованности“³⁷. Но, на наш взгляд, именно «историческая заинтересованность» финнов диктовала порой выбор тех или иных книг для перевода на финский язык. Роман И. Родионова «Наше преступление», опубликованный в 1910 году в переводе С. Веннервирты, критики называют тенденциозным. Старания автора увенчались успехом, иронизируют они, писатель создает яркие картины русской жизни: «пьянство, драки, страшные убийства, семейные разборки, в общем все те не вы е с т о р о н ы повседневности. <...> Он играет роль судьбы, который всегда говорит: вот такая, вот такая варварская кругом жизнь... Но возникает сомнение, нужны ли нам, финнам, такие произведения, со всеми этими воинственными криками русского угнетенного и забитого народа»³⁸.

³⁶ V. T. [Viljo Tarkiainen] S. Stepnjak. Nigilist // Valvoja. 1907. S. 667.

³⁷ Ibid.

³⁸ Rodionov J-n H. I. A. Rikoksemme // Aika. 1911. S. 397.

Солоневич был убежден, что народ не должен быть унижен и забит. Подобно Солоневичу финский писатель Арвид Ярнефельт подчеркивал, что идеологи, люди, получившие образование, должны слиться с народом. В недавно вышедшей книге Э. Г. Карху «Общение культур и народов» опубликована переписка финского писателя и Льва Толстого. Прислушиваясь к Толстому в вопросах веры, Ярнефельт вступает, однако, в полемику с русским писателем, касаясь проблемы патриотизма, старается убедить «великого русского», что в Финляндии патриотизм обозначает нечто совсем иное, чем во Франции или Германии: «Я не говорю, что образованные и богатые люди вдруг вздумали создать финскую нацию и создали. Но среди этих людей вдруг ни с того ни с сего пробудилось действительное желание сблизиться с народом»³⁹. Вспоминая встречу с Толстым, Ярнефельт пишет, что для него было главным сказать Толстому, что «в результате усилий образованного класса осуществить эту идею [слияния с народом. – Е. С.] и возникло у них все то, что они теперь имеют. Возникли национальная литература, школы, театр, возникла осознанная финская мысль»⁴⁰.

Показывая отрицательные типы, униженный народ, смирение, вскрывая язвы общества, русская литература тем самым учила финнов сопротивлению. Финских критиков привлекало, что и сама русская литература подчас находилась в оппозиции правительству.

Исследовательница из Хельсинки Лийса Яскеляйнен считает, что в начале XX века на рост популярности русских писателей в Финляндии повлияло то обстоятельство,

³⁹ Ярнефельт – Толстому. Гельсингфорс. 7 апреля (н. ст.) 1899 / Э. Г. Карху. Общение культур и народов. Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков. Петрозаводск, 2003. С. 188.

⁴⁰ Ярнефельт А. Из «Дневника о моей поездке по России» (1899) / Э. Г. Карху. Общение культур... С. 211.

что они не были в почете у правящих кругов России⁴¹. Русская литература завоевала Финляндию именно своей острой социальностью, умением писателей показать «отвратительные» черты человеческого общества. Иван Солоневич был абсолютно прав, считая, что такая литература создавала неверное представление о России, но, с другой стороны, социальная острота вызывала особый интерес к русской литературе. Подчеркнем, что финны сами предпочитали переводить литературу с критическим изображением действительности. В начале XX века они практически не переводили поэзию, произведения русского символизма, не знали древнерусской литературы, русского героического эпоса.

4.2 Важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов

Жестокость в обращении с участниками рабочей революции, царившие в Финляндии после победы белых, на долгие десятилетия оставили след в политической и культурной жизни страны. Расколотым оказалось и рабочее движение, и общество в целом. Пессимизм и отчаяние устремляли взгляд литераторов в другие эпохи, породили интерес ко всему наднациональному, желание не связываться с действительностью. Писатели увлекались семейными хрониками и экзотическими сюжетами. Для многих литераторов это было время мрачной реакции и подавленного состояния. «Эти пятнадцать лет мы, можно сказать, сидели на штыках, – писала в 1933 году видная финская поэтесса Катри Вала, характеризуя первые десятилетия независимости Финляндии в

⁴¹ Jääskeläinen L. Helsingin Kaiku (1906–1916) kulttuurin esittelijänä. Pro-gradu tutkielma. Helsingin yliopisto, 1976. S. 70.

статье „Кантеле или финский нож?“ – Воздух, которым мы дышим, безрадостен, в нем мало свободы, живой жизни, желания творить, он мрачен, гнетущ, пахнет порохом, грозит топором. Да и что может родиться от высиживания на штыках, кроме гадюк! ...Наука наша едва влачит существование, художники наши живут почти как в богадельне, живут незаметные, заброшенные, ощущая себя ненужными в своей стране, у которой нет других увлечений помимо спорта и бряцания оружием. Уровень наших журналов низок ... Их преследуют, если они не становятся пропагандистами нацизма»⁴².

Начавшееся в конце 1920-х годов фашистское движение «лапуасцев» еще более усиливало политическую реакцию в стране, что сказывалось на литературе ужесточением цензуры, урезанием свободы, закрытием издательств.

В такой обстановке формирование литературного таланта проходило крайне сложно. И тем не менее в 1920–1930-е годы в обстановке постоянной политической борьбы появлялись новые имена в литературе Финляндии. Практически каждый финский поэт и писатель выступал в то же время и как публицист. Но ярче всего публицистический талант проявился у Олави Пааволайнена, Лаури Вильянена и поэтессы Катри Вала. Все трое в 1920-х годах принадлежали одному направлению – «пламеносцев» (туленкантаят) и в молодости были друзьями, однако к середине 1930-х от этой дружбы, по словам Катри Вала, ничего не осталось.

В направление «пламеносцев» входили также молодые либеральные писатели Финляндии: Ууно Кайлас, Эрkki Вала, Элина Ваара, П. Мустапя, Арви Кивимаа, Илмари Пимия, Юрьё Юльхя, Онни Халла и Мика Валтари. Направление возникло в 1919 году и сразу

⁴² Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. S. 114.

же обратило на себя внимание. «В нашей литературе зарождается что-то новое, – писала Катри Вала в 1922-м году, – это вызовет бурю, как в свое время произведения Киви. Молодежь поднимается, молодежь поднимается!»⁴³.

Финские огнепоклонники начали якобы с разрушения всех традиций: ломки классического стихосложения, ниспровержения предшествующей эстетики, отречения от действительности. Себе в наследство от былых эпох они оставили поистине единственное – жизнь и с ликованием стали почитать ее во всех ее проявлениях. Первый номер альманаха «Туленкантаят», название которого дало имя группе, вышел в 1924 году, тогда же, когда и первый сборник Катри Вала. Альманах начинался стихотворением Ууно Кайласа (Франсс Ууно Салонен, 1901–1933) «Мы»:

Me, tomun tomu, saimme elämän.

Suin, sieraimin ja silmin yhä juomme sitä...⁴⁴

(Мы, прах из праха, унаследовали жизнь.

Ртом, ноздрями, глазами мы пьем и пьем ее...)

Пламеносцы принадлежали к поколению, перенесшему ужасы Первой мировой войны и разгром рабочей революции. «Тяжелые времена оставили страх»⁴⁵, – писал о своем времени Эрки Вала, идеолог пламеносцев, брат Катри Вала. «Но хотя первые поэты независимой Финляндии переживали муки войны, бедность, уродство времени, в котором происходило их становление, – соглашался с ним Л. Вильянен, – все же эти молодые люди выросли в атмосфере высокой эстетики. Они были очарованы красотой позднего творчества Лейно ... их увлекала идея, что все, что было злом, осталось позади, и

⁴³ Vala K. – E. Valalle. 8. IX. 1922.

⁴⁴ Kailas U. Me // Tulenkantajat. Porvoo, 1924. S. 7.

⁴⁵ Vala E. Post bellum floret // Tulenkantajat. 1927. N 4. S. 16.

таким образом можно по-настоящему начать строительство Афин красоты»⁴⁶. Своеобразным протестом против крайних форм национализма, разгула реакции было обращение пламеносцев к общеевропейской и русской культуре, стремление к наднациональному. «Молодые поэты даже не употребляют слово национальность, – характеризовал творчество пламеносцев Эрки Вала, – слово „Финляндия“⁴⁷ – редко».

В формировании художественных позиций пламеносцев 20-х годов большую роль сыграл экспрессионизм. «Пламеносцы были финской разновидностью экспрессионизма»⁴⁸, – считает современный исследователь финской литературы профессор К. Лайтинен. Направление пламеносцев распалось в 1932 году, одноименный журнал, издававшийся в 1932–1939 годах, объединял уже других, радикально настроенных левых писателей, входивших в объединение «Кийла» («Клин»). Наибольшую известность среди кийловцев получили Элви Синерво, Арво Туртиайннен, Вильо Каява, Раоуль Пальмгрен.

В 1930-х годах раскол в обществе сказался и на резком различии позиций в литературе. Непримируемая борьба шла между буржуазно-либеральными журналами «Пяйвякирья», (и его продолжением «Сининен кирья») «Суомен Кувалехти», «Похьянтули», с одной стороны, и левыми «Кирьяллисууслехти», «Сойхту» и «Туленкантаят» в новой редакции, с другой. Возникли идейные разногласия и между бывшими пламеносцами. Олави Пааволайнен ездил в 1938 году в Германию, написал ряд очерков о новой немецкой молодежи, вдохновленной идеями национал-социализма,

⁴⁶ Ahokas J. A history of Finnish literature. Bloomington Indiana University, 1973. P. 294.

⁴⁷ Vala E. Post bellum floret. S. 13.

⁴⁸ Laitinen K. Suomen Kirjallisuuden historia. Helsinki, 1981. S. 396.

Арви Кивимаа стал автором «Пяйвякирья», а Катри Вала выступала с резкой критикой германофильства. Лаури Вильянен смотрел на все происходящее с высоты религиозно-философских истин, находя в действительности образы, созданные воображением писателей и философов недавнего прошлого.

Лаури Вильянен, один из пламеносцев, в книге «Борющийся гуманизм» (1937) (Taisteleva humanismi) посвятил творчеству Достоевского статью «Достоевский и Ницше». В исключительности героев Достоевского и «сверхчеловека» Ницше Л. Вильянен видит много общих черт, даже исключительность князя Мышкина и Алеши Карамазова не кажутся критику высоко нравственными именно потому, что их доброта исключительна, оторвана от людей. На эту мысль Л. Вильянена обратил внимание Э. Г. Карху в своем исследовании «Достоевский и финская литература»: «Князь Мышкин в „Идиоте“, – рассуждал ученый, – воплощает предельное смирение, он человек, которому „некуда больше смиряться“. Но какова действенность его нравственного идеала? И был ли он для писателя окончательным? Почему в романе показано, что „святая доброта“ князя возбуждает в других лишь „гибельные страсти“ и в конечном итоге приводит его самого к душевному краху? А сведения о том, что в неосуществленном продолжении „Братьев Карамазовых“ писатель намеревался сделать Алешу Карамазова „нигилистом и царевубийцей“, только усиливали сомнения критика относительно „последнего слова“ в этических исканиях Достоевского»⁴⁹. Для Лаури Вильянена Достоевский был прежде всего проповедником христианской морали, христианской этики, которая находила отклик в сердцах читателей, потому что была вписана в реальный современный мир.

⁴⁹ Карху Э. Г. Достоевский и финская литература. С. 35.

Лаури Вильянен
(Рисунок Ола Форсель)

На наш взгляд, выход подобной статьи-эссе Лаури Вильянена был возможен именно в 1920–1930-х годах, когда Финляндия, прошедшая через кровопролитную братоубийственную войну, расколота на два мировоззренчески непримиримых лагеря, в полной мере ощутила реальную, не абстрактно-теоретическую горечь страданий.

По мнению Вильянена, землетрясения, происходящие в обществе, были предсказаны Достоевским и Ницше. Именно их творчество явилось «сейсмическими знаками». Но значение писателей в современном западном мире, на взгляд критика, совершенно противоположно. По мнению Вильянена, идеи Ницше взорвали изнутри ценностные устои «добра», «истины», «правды». Будучи одной из свободнейших личностей на земле, Ницше привнес в современность столько рабства, сколько не привносил никакой другой философ. Лаури Вильянен называет Ницше «духовным диктатором будущего» и делает вывод, что «мы сейчас

как раз живем в его аду, на небесах Ницше, в инферно жажды власти»⁵⁰. Людям, на долю которых выпало жить в такое время, столько страдать, необходима утопия, иначе жизнь будет противоречить здравому смыслу. И такой утопией явилось для финнов творчество Достоевского. Вильянен называет русского писателя «христианским до конца», «ангелом всех страдающих». На фоне Достоевского творчество Толстого предстает перед финским литератором отнюдь не дионисийским, а рациональным; о Толстом, «графе, желающем стать крестьянином, больше не говорили на Западе, сгорела звезда целителя мира и пионера большевизма, тогда как звезда Достоевского, ангела всех страдающих, вознеслась непомерно высоко»⁵¹. В подобном противопоставлении Толстого как пионера большевизма и Достоевского как ангела страдающих Вильянен обнаруживает удивительное сходство с Иваном Солоневичем. В статье «Самое важное» Иван Солоневич именно так характеризовал двух писателей: Толстого как разрушителя монархии и Достоевского как христианина: «... граф Толстой окончил проповедью анархизма, атеизма, подрывом не только монархии, но и государства и нации. Разночинец Достоевский стал проповедником России, монархии и православия»⁵².

Вильянен и Солоневич одинаково негативно относились к эстетизации страдания, открытого писателем в русской душе. Однако критикуют они это открытие с разных позиций.

Для Вильянена Достоевский – противник всех мировых революций, кроме одной – революции сердца. Людские страдания освящены, возвеличены, светлы.

⁵⁰ Viljanen L. Taisteleva humanismi. Hämeenlinna, 1950. S. 150.

⁵¹ Viljanen L. Op. cit. S. 151.

⁵² Солоневич И. Л. Самое важное // Белая империя. С. 345.

Но возвеличив вечное страдание, Достоевский, по мнению критика, приговорил русский народ к жалкому состоянию, освященная покорность обрекает русский народ жить в царстве зла, в мире призраков, в раю душевнобольных. В этом аспекте мировоззрение писателя вызывало у финского критика явный протест. И на примере князя Мышкина Вильянен доказывает, что путь покорности неизбежно приводит к тупику. Солоневич смотрит на это с другой точки зрения. При всем уважении к Достоевскому публицист считает, что любовь к страданию у русских – это «художественное вранье», «любовь к страданию», открытая в русской душе Достоевским, как-то не смогла ужиться с режимом оккупационных Шпенглеров»⁵³.

Вильянен, как и другие финские писатели, считает Достоевского своим современником, видит в его творчестве черты модернистской культуры – психоанализ и мистику, крах рационализма и возвеличивание человека. Самым ярким событием в жизни писателя Вильянен считает выступление Достоевского на открытии памятника Пушкину с речью, в которой он говорил о мессианском призвании России. То, что критик обратил внимание на этот факт и назвал его «ярким событием», говорит о позиции и мужестве самого критика.

Возможно, под влиянием общемирового интереса к Достоевскому в Финляндии один за другим были переведены «Братья Карамазовы» (1927), «Бесы» (1928) и «Идиот» (1929). На перевод «Братьев Карамазовых» написал рецензию еще один из пламеносцев – Ууно Кайлас.

Урбанистическая и технократическая культура – эта тема станет основной в публицистической и редакторской деятельности Олави Пааволайнена.

⁵³ Солоневич И. Л. Народная монархия. С. 48.

Олави Пааволайнен

Олави Пааволайнен – автор трех известных публицистических книг «В поисках современности» (1929), «Крест и свастика» (1938), «Мрачный монолог» (1946). Его перу принадлежат также путевые очерки. В конце 1930-х годов он побывал в Германии, Северной Америке и Советском Союзе. В книгу «В поисках современности» он включает главу «Русская революционная поэзия», в которой знакомит финского читателя с творчеством Маяковского. Революционное искусство России, по мнению О. Пааволайнена, интересно своим экспериментаторством, отказом от традиций, жадной устремленностью к урбанистической тематике. Пааволайнен писал о служении русских футуристов современности, но для него политические пристрастия литераторов были менее важны, чем формальные поиски, которые он очень высоко ценил. Герои же Пааволайнена – Александр Блок, Владимир Маяковский, Сергей Есенин. Их он называет Верой (А. Блок), Надеждой (В. Маяковский) и Любовью (С. Есенин) русской революции. Пааволайнен воспринимает революцию как величайшую трагедию нового времени, но в результате этой трагедии родилась, считает критик, потрясающая, уникальная литература. Любопытно, что с легкой руки О. Пааволайнена в Финляндии узнали Блока не

как символиста, а как поэта революции, автора «Скифов» и «Двенадцати». Пааволайнен прослеживает эволюцию женских образов у Блока: от образа Прекрасной Дамы к образу Богородицы, находит в лирике Блока мистическую веру в будущее России, ценит, что поэт не изменил Прекрасной Даме в момент, когда наступил час ее испытаний: «Революция закончится, а „Прекрасную Даму“ ничто не сможет уничтожить <...> Мистерия произошла. Мечтатель превратился в борца»⁵⁴.

Блоковское стихотворение «Скифы», по мнению критика, достойно величественного признания. Нет никакого другого поэтического произведения, пишет О. Пааволайнен, в котором бы так четко была поставлена проблема отношения между Востоком и Западом, Россией и Европой, в котором героическое требование борьбы, историческая перспектива с чертами беспощадной логики и пророчество были выражены столь мощно, до дрожи»⁵⁵.

Если Блока О. Пааволайнен не связывает с каким-либо литературным направлением, считает, что поэт находится в споре с «декоративностью» (показухой) символизма и с пессимизмом натурализма, то Владимира Маяковского критик воспринимает исключительно как лидера футуристов, преемника итальянца Томазо Маринетти. Произошло это и потому, считает критик, что большевики сразу после Октябрьской революции взяли под свою опеку футуристов. «Зародилось самое значительное сотрудничество между искусством и политической пропагандой... Владимир Маяковский <...> становится святым большевиков-футуристов»⁵⁶. Пааволайнен называет поэму Маяковского «150 миллионов» гениальной, «это буревестник и самый иронический гротеск, марш гигантов и заклинания мистических сил <...> Хаотическая сила революции и ее экстаз

⁵⁴ Paavolainen O. Nykyajan etsimässä. Helsinki, 1929. S. 201.

⁵⁵ Ibid. S. 202.

⁵⁶ Paavolainen O. Ibid. S. 210–213.

<...> „150 миллионов“ – это народ России»⁵⁷. Но, пожалуй, главное, на что в поэме обратил внимание критик, – это власть города и мира механизмов.

Революционная Россия с ее машинами и промышленными городами находится, по мнению критика, в неприимом противоречии с Россией крестьянской, «с полями, деревнями, полушалками». Проповедником этого противоречия Пааволайнен называет Сергея Есенина. Есенин хочет познать объятия города и одновременно – ненавидит город. Новая Россия побеждает старую. Новое поколение легко усваивает технические новинки, «но в то же время среди хаоса революции оно ценит землю <...> Подтверждением этого является большой интерес, который вызывает творчество Есенина»⁵⁸.

Если эпоху раннего Маяковского Пааволайнен определяет как разрушительную, то современность для критика созидательна: «Мы живем в новое созидательное время <...> В истины прошедшего уже нет веры, истины будущего еще не сформированы. Нет ничего более прочного, чем современность. И если ее выразить одним словом, то оно будет звучать так: ищи!»⁵⁹. Пааволайнен упрекает финских литераторов за пассивность, консерватизм, ставя им в пример мастеров изобразительного искусства, сильно обновивших и форму своих произведений, и мироощущение. Пааволайнен – один из немногих финнов – приходит к выводу, что если в других странах военное время повлекло за собой победу революционных идей, то гражданская война в Финляндии, наоборот, была «контрреволюционной». Но борьба миновала, миновал всплеск модернизма, из хаоса времени должна родиться новая истина. Такой истиной, по мнению О. Пааволайнена, является удачно сформули-

⁵⁷ Paavolainen O. Nykyajan etsimässä. S. 217.

⁵⁸ Ibid. S. 225.

⁵⁹ Paavolainen O. Ilja Ehrenburg. Uusi romantiikka / Alkulause // Tulenkantajat IV. Porvoo, 1927. S. 27.

рованный Ильей Эренбургом тезис о романтической природе современности. Возникает динамичная эстетика города-гиганта, в котором «незначительные события приобретают колоссальное значение, внешние силы ежесекундно диктуют человеку его дело и мысли»⁶⁰.

Поездке в Советский Союз посвящен очерк О. Пааволайнена «Петербург – Ленинград», написанный в 1939-м году, прямо накануне Советско-финляндской войны. Опубликован он был естественно уже после войны, в 1946 году. Несомненно, О. Пааволайнен был знаком и с «Петербургскими повестями» Н. Гоголя, и с «Петербургом» А. Белого, но сама структура эссе, бессюжетность, одушевленность техники, света, движущегося мира машин и огней, идеализация советской действительности указывают, что финскому автору явно была ближе современная, футуристическая эстетика города. В очерке главным героем является «самый европейский город Европы». Этот город рождается в муках: формируется скелет из «ингерманландских лесов», «народного гнева». Создавая образ дореволюционного Петербурга, Пааволайнен описывает «загадочных и роковых русских женщин», их отнюдь не высокую мораль, роскошь и пороки. Взгляд автора останавливается на искрящихся драгоценностях в партере Мариинского театра и костюмах балерин.

Роскошь дореволюционного Петербурга Пааволайнен называет восточной и непонятной финну. С такой роскошью, ясное дело, может соседствовать только нищета. Два непересекающихся мира, два лица Петербурга напоминали автору кувшинку, «сияющую великолепными белыми и желтыми цветами, но длинные и противные корни которой извиваются возле ядовитого дна»⁶¹. «Два Петербурга» у Пааволайнена явно перекликаются с «Двумя

⁶⁰ Paavolainen O. Nykyajan etsimässä. S. 29.

⁶¹ Paavolainen O. P. Pietari – Leningrad. Helsinki, 1946. S. 17.

Россиями» Ивана Солоневича: «Все было у этих людей. Империя, организация, деньги, власть. Имея все, они все проворонили <...> Нечего скрывать того обстоятельства, что в прошлом архитектура фасада шла за счет куска хлеба для страны, контрасты были слишком велики»⁶².

Но была у дореволюционного Петербурга еще одна ипостась, и о ней Пааволайнен не раз упоминает – финская. Финляндский Петербург был «в пути», трасса от финской границы к городу всегда была оживленной. И то, что Финляндский железнодорожный вокзал находился не в центре, было весьма «выгодно для антиправительственных сил»⁶³, шло на пользу революции. Иными словами, дорога к границе стала в то же время мостом между Петербургом и Ленинградом. «И когда царь отрекся от престола, город отрекся от царя»⁶⁴.

Ленинград ближе духу О. Пааволайнена. Переходя к образу Ленинграда, писатель меняет манеру изложения, ведь «Ленинграду не идут те тусклые цвета, в которые был выкрашен Петербург»⁶⁵.

Сразу же взгляд писателя останавливается на современной архитектуре, на «сотворении нового сердца»⁶⁶, на Дворцах культуры и легких макетах, освещенных художественно, показывающих исторические сцены, пейзажи, проекты.

Дорога к Петербургу вновь должна быть оживленной, чтобы финские путешественники смогли увидеть советские музеи, считает писатель. Почитатель изобразительного искусства, О. Пааволайнен называет ленинградские музеи отдельной темой и посвящает

⁶² Солоневич И. Л. Две России // Вся власть – русским мозгам. С. 62–63.

⁶³ Paavolainen O. P. . Pietari – Leningrad. Helsinki, 1946. S. 17.

⁶⁴ Ibid. S. 20.

⁶⁵ Ibid. S. 21.

⁶⁶ Ibid. S. 23.

ряд страниц своего очерка произведениям великих художников в собраниях города.

В 1930-х годах финская левая печать начала активно обсуждать вопросы, что такое фашизм в Италии, нацизм в Германии. В книге «Крест и свастика» (1938) Олави Пааволайнен погружается в глубь римской истории, пытается понять истоки возникновения итальянского фашизма. Поначалу он восхищен, что по инициативе Муссолини сносятся ветхие жилые постройки и восстанавливается античный Рим «не для поддержки науки, а для того чтобы вернуть к жизни потерянную действительность прошлого, из которого черпала силы его идеология»⁶⁷. Синтез античности и современности, на взгляд Пааволайнена, воплотился в армии. «Прекрасная Италия – это армия!» Для молодежи Италии, по словам Пааволайнена, естественно звучат суждения Шпенглера, что история – есть ничто иное, как военная история, и только офицеры способны создать правильное государство»⁶⁸. Но наряду с военной историей в Италии издревле существовала история католичества, и в Муссолини католическая власть увидела более серьезного врага, чем Лютер. Олави Пааволайнен противопоставляет папству не только итальянский фашизм, но и германский национал-социализм, верующий не может чувствовать расовой ненависти, а «успехом всего национал-социализма была коллективная ненависть, блестяще вбитая в голову с помощью хорошо организованной пропаганды в кругах нищих классов»⁶⁹. Под эту ненависть подводилась религиозная основа, стремление «немецких христиан» переделать христианство в немецком духе «Господь любит вершины Германии больше, чем все другие земли...». Отсюда и нацистские учения о «крови», под

⁶⁷ Paavolainen O. Risti ja Hakaristi. Jyväskylä; Helsinki, 2005. S. 172.

⁶⁸ Ibid. S. 172.

⁶⁹ Ibid. S. 222.

которой подразумевается не просто биологическая кровь, но и нечто духовное, мистическое. Пааволайнен подчеркивает, что расовая теория приводит к совершенно непримиримым противоречиям между людьми, потому что никто не может изменить свою кровь. Мы входим в эпоху, когда у каждого народа появляется свой Бог, констатирует публицист и вспоминает выступление в газете школьного инспектора, считающего, что великой задачей народа Финляндии является создание Великой религиозной Финляндии. Пааволайнен считает фашизм и национал-социализм, впрочем как и большевизм, антихристианскими идеологиями и приходит к выводу, что «как это ни парадоксально звучит, но благодаря заслугам Ленина, Муссолини, Гитлера и Сталина мы имеем возможность осознать необходимость христианства»⁷⁰. Мастерство, с которым в Германии проводились парады, просто очаровало Пааволайнена. Однако за этими массовыми выступлениями он разглядел опасную тенденцию – желание нацистов завоевать мир. Пааволайнен абсолютно беспристрастен, но это беспристрастность, с которой произносятся серьезные приговоры. У Пааволайнена фашизм противопоставлен католицизму. У Солоневича – западным демократиям. Пааволайнен восхищен формой, Солоневич – «непреклонной волей к жизни». В главе «Дух народа» Солоневич доказывает, что тоталитарность была известна в России «минимум лет пятьсот», то, что в этой системе ценно, нам известно, а то, что ново, для нас неприемлемо: «Но мы можем и должны взять нечто от духа Муссолини и Гитлера – это их непреклонную волю к жизни и к борьбе»⁷¹.

⁷⁰ Paavolainen O. Risti ja hakaristi. S. 180.

⁷¹ Солоневич И. Л. Дух народа // Белая империя. С. 59.

*Катри Вала
(Рисунок Ола Форсель)*

В отличие от Олави Пааволайнена и Лаури Вильянена взгляды ведущей поэтессы пламеносцев Катри Вала (1901–1944) были устремлены к советской действительности. Публицистика Катри Вала эмоциональна, образна, не менее яркая, чем ее поэзия. Катри Вала – одно из ярких имен в литературе Финляндии XX века. Современники воспринимали ее творчество как поэзию света, трагической напряженности и надежды. До Катри Вала финноязычная лирика не знала такого накала чувств, столь зримых поэтических образов и языческой экспрессии. В своем творчестве она смогла передать драму целого поколения, «которое питало надежды на более счастливую судьбу, миропорядок, но чей жребий был – оказаться выброшенным в стужу и мрак»⁷².

Вала-публицист сформировалась не сразу. Она впитала в себя традиции разных направлений, была всеядна, «безмерна». Ее творчество всегда вызывало споры, разногласия. В конце своей молодой жизни Вала стала с симпатией писать о Советской России, практически

⁷² Edfelt J. Katri Vala // Katri Vala. Tulipatsas. Muistojulkaisu. Helsinki, 1946. S. 9.

не имея о ней никакого понятия. Для Вала Россия была мифологемой, счастливой страной, «культурно-большевистскими Афинами», куда в поиске благополучия материального и духовного устремились тысячи финнов. Вала писала о Советской России, мало что о ней зная, но она абсолютно верно передала в своих статьях и стихах жажду идеала молодого поколения Финляндии. Нужно было хотя бы что-нибудь противопоставить обществу, на знамени которого было одно слово: «Обогащайтесь».

Этому идеалу соответствовала поэзия Анны Ноай, творчество знаменитых китайских лириков, этому идеалу отвечала в душе Вала неизвестная для нее Россия 1920–1930-х годов.

Тот факт, что поэтесса такой одаренности, как К. Вала, в 1930-е годы свой талант посвятила борьбе против фашизма и милитаризации, служению идеалам рабочих, поставил некоторых финляндских критиков в тупик. Критики пытались как-то «смягчить» отношение Вала с левыми, объяснить взгляды поэтессы ее общегуманистическими устремлениями. Яакко Ахокас считает, что Вала «открыто примкнула к рабочему движению, к сторонникам мира и интернационалистам прежде всего по гуманистическим, а не по политическим причинам»⁷³.

Время после поражения финской революции поэтесса называла «страшной раной». «Вооружение, воля обороняться! Молодость нашего поколения была отравлена этими ужасными событиями», – вспоминала она ученические годы в письме к поэтессе Катри Суоранта⁷⁴.

В рабочих кварталах, где она поселилась, особенно сильно ощущалась антикоммунистическая политика

⁷³ Ahokas J. A history of Finnish literature. S. 203.

⁷⁴ Vala K. – K. Suorannalle. 29. 1. 1933. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto, 378. 1941. S. 1. (В дальнейшем архив Финского литературного общества будет указываться сокращенно: SKS).

правительства. Период кризиса, по замечанию Эрки Вала, заставил его и его сестру «занять четкие позиции»⁷⁵. Быть «над схваткой», вдали от борьбы, поэтесса не могла и не хотела. Она сблизилась с группой левых радикалов, основавших новую газету «Туленкантаят», и начала выступать с острыми политическими статьями. Поворот в общественных взглядах Вала был довольно резким, но основания для такого поворота существовали. Еще в 1922 году молодая Вала сокрушалась: «...неземная философия сделала из нас, современных людей, такое хилое, „простоквашное“ общество, что у него вряд ли найдется хоть одна красная клетка в крови»⁷⁶. Над вопросами, которые в 1930-е годы стали для Вала основными: вопросами родины, войны, власти – она часто задумывалась в молодости. И в политике она была далеко не новичок. «Вы знаете, – писала Вала поэтессе Катри Суоранта в 1933 году, – отмечающееся сейчас 15-летие независимости делает меня очень грустной. Это болезненное вскрытие страшной, старой раны, это разжигание страха и неуверенности. ... Теперь обращаются к школьникам, которые только родились в 1918 году, рассказывают им о прозвучавших тогда выстрелах. Неужели мы никогда не сможем почувствовать свободу и мир? Неужели мы получили независимость для того, чтобы сейчас постоянно бояться, вооружаться, ненавидеть, дать все уничтожить из-за этого. Я верю, что те, кто некогда мечтал о независимости Финляндии, представляли ее совсем иначе, верили, что она будет развиваться мирно, будет умнее, гуманнее и просвещеннее. Мы же стали сейчас почти варварским народом, отполированными варварами. Иногда наша деятельность пламеносцев кажется такой никчемной, а темнота такой

⁷⁵ Saarenheimo K. Katri Vala // Vala K. Kootut runot. Porvoo, 1977. S. XIV.

⁷⁶ Vala K. – O. Hallale. 1922. SKS. N 296.

всеобъемлющей. Может ли наша маленькая свеча осветить море тьмы?»⁷⁷

Для поэзии Вала характерно чувство пантеизма, постижения красоты и горести земли, постижения сути жизни. Пройдя сложный путь этого постижения, поэтесса остается верной своему пантеистическому чувству и в пафосе общественной борьбы всегда помнит о природе: «Мы должны не отвергать природу, а облагораживать ее. Именно „идеалистическое“ буржуазное мировоззрение ее отрицает... Природу сделали уродливой. Именно преступление против мудрой природы стало причиной безумия общества»⁷⁸.

В статьях Вала высмеивает ужас перед коммунизмом, осуждает «патриотическую массовую бойню» («Спартанская черная каша»), «законы, что служат насилию и несправедливости, веру, которая превращается в суеверие и магию» («Культурная критика»)⁷⁹. Она называет это безумием и предостерегает финнов: «Наша страна грозит превратиться в бочку с порохом, которая может зажечься от какой-нибудь возбуждающей лжи, как от искры, и оказаться в самой непредсказуемой ситуации. Поменьше предрассудков, поменьше злобы и подозрений!»⁸⁰.

Обсуждая проблемы нацизма, Вала еще в 1933 году в фельетоне «Фантазии о благороднопородистой Германии» и в очерке «Спартанская черная каша» (1933) встала на позиции резкого его осуждения. «Спарта, – считает она, – прекрасное подтверждение моим фантазиям <...> Что нам осталось от Спарты, кроме памяти об их постоянных военных учениях и черной каше. От Афин же нам осталось много больше искусства, нам осталась большая поэзия от этих „культурно-большевистских Афин, где не

⁷⁷ Vala K. – K. Suorannalle. 1933. SKS. N 29. S. 187.

⁷⁸ Vala K. R. Palmgrenille. SKS. N 355. 45. S. 1.

⁷⁹ Vala K. Suorasanaista... S. 48, 172.

⁸⁰ Ibid. S. 112.

интересовались военными учениями, но, когда возникла необходимость, они справились и со Спартой»⁸¹.

Автор отмечала, что рассуждения о Спарте она встречала в печати много раз. «Мнения о ней [Спарте. – Е. С.] противоречивы: одни считают это большевизмом, другие – нацизмом».

Катри Вала приводит выдержку из статьи итальянского публициста Ферранте, опубликованной в «Хельсингин саномаат», где Советский Союз сравнивается со Спартой. Ферранте сравнивает государственность, систему воспитания в Спарте с советским строем и находит немало общего с СССР – «ухудшенный вариант Спарты, с той разницей, что в Спарте „сохранялся святой характер республики, которая была под покровительством богов“». В Спарте, по мнению Ферранте, присутствовала мистическая мысль о Боге, Катри Вала придерживается другой точки зрения: «По-моему, – возражает она – неоспоримая любовь в СССР к просвещению, поддержка литературы, театра, науки „с лихвой заменяет эту мистическую мысль о боге в Спарте“»⁸².

К. Вала спорит с журналистом А. Суунта из «Пяйвяккья», прямо называя его «нацистским лакеем», пропагандирующим шюцкоровское движение, в котором, на взгляд Вала, хорошо просматриваются спартанские черты. Спорит она и с другим публицистом, кстати, бывшим пламеносцем, Арви Кивимаа, статья которого так и называлась «Германия на пути к Спарте»: «Из руин эпохи упадка, – пишет он, – вырастает новая Спарта, которая провозглашает признание дисциплины, экономности, антииндивидуального подчинения и жестких навыков как основных добродетелей».

«Становится печально, когда в 1933 году, – отмечает К. Вала, – народам мира пытаются навязать в качестве

⁸¹ Vala K. Spartalainen mustasoppa. Ibid. S. 45.

⁸² Vala K. Ibid. S. 46.

идеала Спарту». Для Катри Вала идеал в Афинах, и Советский Союз для нее это на Спарта, а именно – „культурно-большевистские Афины“⁸³.

Катри Вала была одним из инициаторов обращения к правительству Финляндии с просьбой основать общество друзей СССР. В тридцатых годах последствием такого обращения явились «преследования, которые продолжались до самых последних дней поэтессы»⁸⁴. Разумеется, в ход пускались слова: агент, шпионаж, подкуп. Но все эти слова повисали в воздухе. Для Катри, по свидетельству ее родственников, было характерно типично скандинавское свободомыслие. Ее нельзя было ни купить, ни запугать.

Нападки на коммунизм превращались в нападки на все русское, на Советский Союз. Надо было иметь немало мужества, чтобы в таких условиях писать о советской литературе. Поводом для непосредственного обращения Катри Вала к советской теме послужил съезд писателей в 1934 году в Москве, когда был создан Союз писателей СССР. «Кирьяллисууслехти» («Литературная газета») информировала финских читателей о темах, о выступлениях, прозвучавших на съезде. К. Вала, ссылаясь на газету, пишет статью «Деревянный конь Одиссея» (1935).

Поэтесса была поражена удивительным фактом, что когда советские литераторы с материалистическим мировоззрением проводили свой литературный конгресс в Москве, то они говорили о духовности, об идеях, «о сущности разных литературных форм, о задачах литературы, о ее отношении к своему времени. Конгресс стал большим отчетом литературного труда и самокритики». Вала сравнивает этот съезд с международным литературным конгрессом, проводившимся в Хельсинки, и замечает с иронией, что когда идеалистические [подчерк-

⁸³ Vala K. Spartalainen mustasoppa // Ibid. S. 46.

⁸⁴ Pennanen J. Op. cit. S. 195.

нуто Вала. – Е. С.] страны организуют конгресс писателей, то темой для разговора является: «Более четкое определение правовых отношений между писателями и издателями», «Выплата процентов союзу писателей за каждую проданную книгу», «Предоставление скидки членам союза писателей при заказе книг непосредственно у издателя»⁸⁵. Об обедах, устраивавшихся между делом, Вала пишет с горькой усмешкой: «Они были так дороги, что финский писатель, если он не делегат или автор развлекательных произведений, или редактор офицерской литературной газеты, не мог принять в них участия»⁸⁶.

В статье Катри Вала дает оценку позиции и программе журнала «Пяйвякирья», симпатизирующего нацизму. На страницах журнала Советскую Россию обвиняли даже в психоанализе. Один из авторов журнала предостерегал, что психоанализ, распространяющийся якобы из России, может напасть на мировую культуру: «Похоже, впереди огромная борьба между Европой и „Востоком“. «Восток представляется в этой борьбе сильнейшим противником против человеческого достоинства и свободы духа. Сможет ли Европа, опираясь на власть своих правителей, встать против представления о человеке, которое „Восток“ придет навязывать...»⁸⁷. В качестве спасения журнал «Пяйвякирья» предлагал «духовное обновление»: эзотерические учения, рыцарские ордена, братство тамплиеров (храмовников) и идеи нацизма с его мировой религией и теорией «крови», чем вызвал естественный гнев Катри Вала. «Если бы обычное ясное мышление было возможно для „героев“ „Пяйвякирья“, – возражала К. Вала, – они должны были бы знать, что наука, просвещение, ум, демократия никогда не господствовали в мире, а господствовало именно это акционерное общество: чудеса, королевские церкви,

⁸⁵ Vala K. Odysseuksen puuhevonen / Suorasanaista... S. 111.

⁸⁶ Ibid. S. 111.

⁸⁷ Vala K. Suorasanaista... S. 114.

кровь, загадочность, сверхчувственные вселенные, огонь, возбуждение и т. д., за возвращение которых эти фокусники мысли, искатели „космических значений“ так трясутся до мозга костей. Они сделали мир тем пристанищем нищеты и полем брани, каковым он является для всех, кроме сидящих наверху, кто успеваает даже заскучать и возжелать небольшого кровавого приключения для своего развлечения. И экономическое отступает в сторону. Есть причины для ликования, если можно заставить человечество продолжать безумие; если можно скрыть самую простую, самую близкую задачу, сохранить войну, безработицу, материальное и культурное бедствие. По мнению „Туленкантая“, – считает Вала, – самым одухотворенным является молчать о душе, пока отсутствуют самые элементарные жизненные права. Кто больше всего гордится душой? Отвратительные мещанки и мещане, у которых даже с помощью лупы не найдешь ничего общего с душой. И они презирают низменный материализм. А ведь цветок – это тоже материя...»⁸⁸

Вала с полемическим накалом пишет о главном редакторе Кирсти Бергрут, которая «разоблачает себя как настоящая мещанка», несмотря на то, что активно «печется» о состоянии финской культуры. На ехидный вопрос Кирсти Бергрут: «Какой частью тела Катри страдает, если она отрицает существование души?» – поэтесса отвечает: «Катри Вала не утверждала, что она за кого-то страдает, чувствует лишь то же самое простое страдание, которое есть у миллионов...»⁸⁹

Нацистская болезнь «Пяйвякирья» проявляется в более точных признаках. На взгляд журнала, демократия, науки, социализм, просвещение якобы владели миром, – но сейчас мир развивается в обратном направлении, в нем появляется новый дух, необъяснимость и загадочность.

⁸⁸ Vala K. Suorasanaista... S. 114.

⁸⁹ Vala K. Odysseuksen puuhevonen / Suorasanaista. S. 114.

«Человечество должно подняться на борьбу за этот дух, сразиться против его ниспровергателей»⁹⁰. Ясно, что противники этого духа – это советский атеистический режим, полемизирует Катри Вала. Она называет «Пяйвякья» «деревянным конем Одиссея», в котором спрятался вооруженный до зубов мужчина. «Но человек с хорошим слухом (т. е. с хорошим политическим чутьем) слышит песню «Хорст Вессель» и его не вдохновишь нацистскими рассуждениями «о крови» и новой «немецкой религии». Редактор журнала высокоумно пишет: «Из окон верхнего этажа виден весь мир. Там естественно задумываться о судьбе всего человечества и иметь всемирные мысли». На этот пассаж оппонент отвечает: «Конечно. Но те, кто сидит внизу, удивляются, почему окна верхнего этажа никогда не моют. Быть может, мойщики окон боятся, что будет видно их нижнее белье?»⁹¹

Злободневная публицистика Катри Вала выдержала проверку временем. Она оказалась права во многих своих утверждениях. Единственное, в чем ей можно было бы возразить по прошествии более чем полувека, это в нежелании видеть и негативные моменты советской истории. Она не верила в лагеря, в убийства и самоубийства, называла вести, доходившие в Финляндию, «сплетней»: «...рассказывают сплетни, распространяемые доминиканцами [религиозный западноевропейский орден. – Е. С.] о самоубийствах советской молодежи, почему же не рассказывают об объявляемых самими нацистами „самоубийствах“ в концлагерях..?»⁹²

В конце 1934 года Катри Вала была приглашена в посольство СССР в Хельсинки на встречу с Верой Инбер, приехавшей в Финляндию с официальной делегацией. С творчеством Веры Инбер К. Вала была знакома по

⁹⁰ Vala K. Odysseuksen puuhevonen / Suorasanaista... S. 113.

⁹¹ Ibid. S. 114.

⁹² Vala K. Suorasanaista... S. 115.

переводам на шведский язык. Журнал «Туленкантаят» тоже перевел главу из романа советской писательницы «Место под солнцем» и одну новеллу. Творчество Инбер представляется К. Вала «искусством, богатым тонкого юмора и своеобразных поэтических картин»⁹³. Познакомившись с Верой Инбер в посольстве, Вала с восхищением заметила: «Маленькая, обаятельная, воодушевленная женщина, похожая на свои произведения». Вера Инбер, уже успевшая позабыть свою парижскую молодость периода «Печального вина» (так назывался ее сборник 1914 года, изданный во Франции с изрядной долей пессимизма и явными символистскими установками), предстала перед большой группой финских журналистов весьма идейной писательницей, воспевающей труд ткачих. В статье «Вера Инбер в Финляндии» К. Вала подробно описывает эту встречу: «Вера Инбер рассказывает нам о своей стране и писательском труде. Русские писатели действительно не страдают от недостатка идей. Страна большая и интересная. У писателей есть возможность бывать в разных ее частях. У них есть также возможность выезжать в другие страны, так, Вера Инбер уже второй раз направлялась в Швецию, где ее творчество очень любят. В „Туленкантаят“ уже рассказывалось, что в Советском Союзе писатели помогают начинающим, выступают в клубах и по радио. В Советском Союзе писатель не одинок, он – часть жизни, член общества. А жизнь безгранично интересна, ведь революция продолжается не прекращаясь. Начинают оживать отдаленные районы, люди обучаются грамоте, женщин больше не бьют, они сами зарабатывают. „Это революция“, – говорит Вера Инбер»⁹⁴. Вала смотрела на писательницу с «легкой завистью», удивляясь тому, что официальная писательская организация Финляндии никак не отреагировала ни на визит Веры Инбер,

⁹³ Vala K. Vera Inber Suomessa // Ibid. S. 151.

⁹⁴ Vala K. Suorasanaista... S. 151.

ни на приезд в Хельсинки Бориса Пильняка. Впрочем, на встречу с Борисом Пильняком Вала сама никак не отреагировала, по крайней мере, не отозвалась о его творчестве ни одной строкой. Возможно, в выступлениях Веры Инбер Вала хотела услышать подтверждение своим мыслям о более справедливом обществе, наивно полагая, что Инбер искренна до конца: «Есть ли у вас какая-нибудь цензура? Заставляют ли Вас писать об определенных вещах?» – спросили у Веры Инбер. «Меня нельзя заставить, – ответила писательница, – я могу писать только о том, что меня интересует. Меня могут спросить: „Хотите ли поехать в Узбекистан? Как Вы думаете, сможете ли написать о жизни шелкоткацких фабрик?“». Когда я соглашаюсь, то могу отправиться в путь и изучить вопрос»⁹⁵. Естественно, К. Вала более всех событий в Советском Союзе интересовал съезд писателей, о котором она уже знала. «Съезд писателей готовили долго, – пишет она. – Большинство было представителей Советского Союза, пишущих на разных языках (ведь в стране после революции появилось много новых культур, ранее неграмотные народы получили школы и литературу на своих языках)... Прекрасно быть писателем в СССР! Когда же у финского писателя будет повод так говорить?»⁹⁶. Тот факт, что народы финно-угорской группы, соплеменники Вала, в советское время обрели свои литературные журналы и школы, не мог оставить поэтессу равнодушной. В другой своей статье «Кантеле или финский нож?» она, негодуя по поводу назначения Юрьё Сойни председателем Союза писателей Финляндии, касается и вопросов национальной политики: «Никогда у нас так много не кричали о национальной культуре. Где она? Что это такое? Тот дух, который в данный момент, похоже, является господствующим, далек от национального. Это поздно родившийся потомок

⁹⁵ Vala K. Suorasanaista... S. 152.

⁹⁶ Ibid. S. 152.

великошведского духа, духа, вызывающего у просвещенного народа Швеции улыбку... У нас говорят с пафосом о той нищете, в которой живут наши соплеменники за границами нашей страны, а внутри границ страны есть люди, едящие хлеб с сосновой корой, живущие убого, как животные. Когда положение дел в стране таково, у нас нет права говорить о других странах. „Вычисти сначала свое крыльцо“, – гласит финская пословица»⁹⁷.

Даже в 1939 году, когда о сталинских лагерях стали говорить в мире с осуждением, а отношения между СССР и Финляндией подошли к опасной черте, любовь Катри Вала к советскому государству осталась неизменной, полной веры и светлого ощущения. В статье «Пограничная поэзия» («Rajarunoutta», 1939) К. Вала противопоставляет СССР и Германию: «...роют траншеи на Перешейке ... против государства, которое за двадцатилетнее существование не завоевало с помощью оружия ... ни одной страны и не грозило завоевать. В то же время все границы открыты для государства, которое ... завладевало одной территорией за другой и продолжает угрожать другим». Вала завершает статью возгласом: «... никогда немцу Финляндии не отдадим!»⁹⁸.

В статье о Катри Вала финская исследовательница Керту Сааренхеймо пишет, что Катри Вала можно было бы назвать неким утопистом. До конца жизни, по мнению К. Сааренхеймо, поэтесса сохранила веру в более справедливое и лучшее общество, но которое не могло быть создано с помощью какой-либо политической системы, поскольку к власти всегда приходят худшие. «Вала – не революционер, а мятежник»⁹⁹, – утверждает финская исследовательница.

Тем временем в Финляндию из России, в которую так верила поэтесса, совершали свои побеги узники советских

⁹⁷ Vala K. Kantele vai puukko? // Ibid. S. 57–58.

⁹⁸ Vala K. Suorasanaista... S. 130.

⁹⁹ Saarenheimo K. Katri Vala. S. XV.

лагерей. Причем по мистическому совпадению, Ивана Солоневича судьба привела в Иломантси, туда, где за несколько лет до его побега учительствовала Катри Вала.

Возможно, в Иломантси Иван Солоневич написал те страницы своей книги «Россия в концлагере», с содержанием которых будет полемизировать финская поэтесса. Предметом полемики двух литераторов станет, увы, не форма художественного произведения, а отношение к оружию. «Что может родиться от высиживания на штыках, кроме гадюк!» – восклицает Катри Вала в статье «Кантеле или финский нож?» А И. Солоневичу финские штыки кажутся «дружественными», это «не оружие насилия, а оружие от насилия» (с. 483). В статье «Пограничная поэзия» 1939 года поэтесса возмущена: «...рыть траншеи <...> против государства, которое за двадцатилетие существования не завоевало с помощью оружия <...> ни одной страны..!». А Иван Солоневич признается: «Финские винтовки нас защищают; из русских винтовок мы были бы расстреляны...» (с. 483). В 1933 году Катри Вала призывает: «Теперь нужен труд, а не <...> ружейные выстрелы. Символом народа Финляндии должен стать не финский нож, а кантеле»¹⁰⁰. А Солоневич ловит себя на «подленькой» мысли: «Мне захотелось встать и погладить эту финскую винтовку. Я понимаю, очень плохая иллюстрация для патриотизма» (с. 483). Солоневич, постоянно подчеркивая, что Россия и советские лагеря – это разные понятия, вдруг у финских пограничников осознает: «А самое страшное в нашей жизни заключается в том, что советская винтовка – одновременно и русская винтовка. Эту вещь я понял только на финской пограничной заставе» (с. 483).

Таким образом, мы видим, как в финской публицистике 1930-х годов довольно оживленно и зачастую резко по

¹⁰⁰ Vala K. Kantele vai puukko? S. 58.

отношению друг к другу обсуждались серьезнейшие вопросы внутренней и внешней политической жизни. Это касается и представителей русской эмиграции, которая настойчиво искала способы сопротивления советскому режиму. Атмосфера поисков, споров, ссор хорошо отражена в статье Ивана Солоневича «Нашим друзьям», написанной в Германии в 1938 году. Большая часть статьи посвящена отношениям И. Солоневича с Русским Общевоинским Союзом (РОВС).

Союз этот медленно, но верно распадался, постоянно конфликтуя с политической организацией эмигрантов, входящих в Народно-трудовой союз (НТС). В адрес газеты И. Солоневича «Голос России» шла нескончаемая клевета. Солоневича обвиняли и в симпатиях к Советской России и даже в шпионстве в пользу ОГПУ. Со свойственным ему темпераментом Солоневич отвергает все упреки, призывает активизироваться самую энергичную часть эмиграции. «Я лично обязуюсь взять разработку основных положений Белой Идеи в применении к условиям послесоветской России и с учетом итальянского и германского опыта».

И. Солоневич был уверен, что судьба Советов предрешена. Поэтесса Катри Вала, напротив, связывала с Советской Россией, с «культурно-большевистскими Афинами» будущее.

Истина, как всегда, оказалась посередине. Реальность изменила не только жизнь литераторов, но и их идеи. Будучи высланным из Германии, Солоневич, работая над главной книгой «Народная монархия», уже резко отрицательно относился к германскому и итальянскому опыту. Однако опыт финский он, действительно, использовал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги нашего исследования.

Иван, Борис и Юрий Солоневичи своими произведениями вписали яркую, оригинальную страницу в историю русско-финских литературных связей 1930-х годов. Финский период в их творчестве был кратким, продолжался полтора года, с августа 1934-го до осени 1936 года. Но этот период сыграл важную роль в жизни каждого из Солоневичей, определил их дальнейшую судьбу, вдохновил на создание литературных и публицистических произведений.

Беглецы, которым посчастливилось достичь границы и остаться при этом в живых, испытали горькое разочарование от встречи с эмиграцией. Им бросилось в глаза, что в эмигрантской среде не было желания что-либо знать о современной ей России, сообща бороться за будущее покинутой державы, – было желание «победить друг друга».

Испытав разочарование, осознав свою ненужность в новом мире, авторы книг о побегах избрали разные пути. Офицер, «диктатор» Юрий Бессонов стал заниматься богословием, ушел от какой-либо политической борьбы. Искусствовед Татьяна Чернавина отказалась иметь отношения с русскими эмигрантами, публикуя статьи и книги на английском, шведском, финском языках, выступала с лекциями по изобразительному искусству в странах Европы для зарубежной аудитории. Ее книга о побеге при жизни автора не была издана на русском языке.

Солоневичи выбрали служение России, работу среди русских. Иван Солоневич, опубликовав несколько книг, будучи редактором газет и еженедельников «Голос России»,

«Наша газета», «Родина», «Наша страна», возглавил также движение штабс-капитанов, необычайно популярное среди русских солдат и офицеров во всех странах проживания русской диаспоры от Финляндии до Китая. Это движение сам Солоневич характеризовал как монархическое, народно-демократическое и православное. «Для нас – православие – это источник нашего духовного и национального бытия, а не „религия большинства русского народа“. Православие мы, ежели придется, будем защищать любыми способами – вплоть до вооруженного. Никакого „равенства религий перед законом“ ... Мы будем „терпеть“ или не „терпеть“ в зависимости от обстоятельств»¹. Солоневич понимал, что бессловная монархия может быть реализована в народно-демократическом обществе, где восстановлено общенародное и общенациональное единство.

Главные цели программы организации штабс-капитанов Иван Солоневич сформулировал предельно кратко, но идеи, положенные в основу как этой программы, так и его главного труда «Народная монархия», вынашивались долго, начиная со времени побега в Финляндию.

В Финляндии начинался «русский путь» Ивана Солоневича. Здесь им были написаны «Россия в концлагере», ряд статей и очерков. В главах, посвященных Финляндии, произошла полная ломка стереотипа, существовавшего на протяжении столетия в русской литературе. Финн у Солоневича – не «убогий чухонец», не «пасынок природы», а хозяин собственной земли, человек труда, уверенный в себе, в своей земле, в завтрашнем дне. Образы финских детей в прозе Солоневича соотнесены с образами детей России. Как у Ивана Солоневича, так и у его брата Бориса Лукьяновича образы финнов несколько идеализированы. Но эта идеализация произошла на страницах прозы Солоневичей не из соображений лести или пиара, а исключительно

¹ Солоневич И. Л. Русский путь // Вся власть – русским мозгам. С. 119.

ради будущего русских людей. Спокойствие и благополучие встретившихся Ивану Лукьяновичу финнов отразилось в его душе мучительным чувством «национального оскорбления». Чтобы это чувство в будущем не испытывали соотечественники, Солоневич и начинает в Финляндии свой «русский путь» (так была озаглавлена программная статья публициста 1939 года с изложением целей движения штабс-капитанов).

В этих душевных и страннических скитаниях в Иване Солоневиче уживались непримиримые начала. По своей натуре он не был ни барином, ни простецким мужичком; ни коммунистом, ни фашистом; ни авантюристом, ни искателем приключений, – он всегда оставался русским писателем, точнее, поэтом в прозе.

Впервые введенные нами в научный обиход очерки Солоневичей, написанные в Финляндии, документальны и информативны. Но эта информация исключительно ценна для понимания истории русско-финских отношений 1930-х годов.

Также в работе впервые в отечественном литературоведении введена в научный обиход и исследована повесть Юрия Солоневича «Повесть о 22-х несчастьях». Идеи повести звучат удивительно актуально и в наши дни. Описывая первую неудачную попытку побега, автор приходит к выводу, что не нужно искать «тридевятьземель», поиски счастливых стран не приносят счастья. Солнце для Юрия Ивановича оказалось в «непостижимой и необъятной» России.

Все беглецы хотели вернуться, «хоть на один день, хоть в концлагерь». Своими книгами они вернулись не на один день, а навсегда, и не в концлагерь, а в православную страну.

П Р И Л О Ж Е Н И Е¹

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

На путях к социалистическому раю

В годы первой пятилетки большевизм носился с широкими планами использования иностранной технической помощи, массового приглашения в Россию иностранных инженеров и рабочих. В Западной Европе и Америке была развернута не совсем умеренная агитация, организованы вербовочные бюро, и в СССР стали прибывать первые группы иностранных строителей социализма.

На этих группах дело, собственно говоря, и закончилось. Выяснилось, что для оплаты этих рабочих валюты нет, что жилья для них не хватает, что условия советского быта вызывают горькое разочарование и резкую критику со стороны этих иностранцев. Правда, они жили в неизмеримо лучших условиях, чем русские рабочие, часть зарплаты они, по договорам, получали в валюте, а не в обесцененном советском рубле, они имели отдельные магазины Инснаба (снабжение иностранцев), куда русским доступа не было – и это вызывало резкий антагонизм между русскими и иностранцами.

В этом антагонизме сыграло свою роль еще одно обстоятельство – по большевистскому обыкновению политика была на первом плане – а дело – только на втором. Вербовался кто попало – но обязательно из числа сочувствующих коммунизму. В результате – Сталинградский транспортный завод оказался переполненным парикмахерами, портными, приказчиками,

¹ В приложении публикуются документы из «Дела Солоневичей», находящиеся в Национальном архиве Финляндии (фонд сыскной полиции, государственной полиции, дело № 118 и военный архив (фонд генерала Р. Вальдена) (№ F 122/4). Это первоначальные варианты статей, написанные Иваном и Борисом Солоневичами в карантинном изоляторе, непосредственно после перехода границы, письма и справочные материалы.

на Харьковский тракторный попала даже, – неплохо, впрочем, организованная группа чикагских бандитов.

С каждым годом пятилетки нищета страны росла, ухудшалось и положение иностранца. Договоры были краткосрочные – и вербовались они уже на гораздо худших условиях. Иностранцы – по крайней мере та часть их, которая не сожгла всех мостов за собой, стали возвращаться к себе домой и там рассказывать обо всем том, что они видели в социалистическом раю; в отечестве всех трудящихся.

Не верить им было нельзя: это не были белогвардейцы, это не были контрреволюционеры. Их рассказы жестко подрывали коммунистическую агитацию в Европе, и перед большевизмом стал вопрос о полном прекращении дальнейшего импорта иностранцев.

Но агитация за пятилетку уже сделала свое дело. Толпы безработных, переполненных социалистическим энтузиазмом и обывательским легковерием, устремились в Россию всякими легальными и нелегальными путями. Приезжали с экскурсиями и делегациями, приезжали в качестве туристов и добивались оставления их в России. Если от них трудно было отделаться – большевики применяли такой трюк – оставляли, но под условием немедленного принятия советского подданства. Таким образом, этим энтузиастам, по крайней мере, отрезывались все пути домой.

Удельный вес финнов в этой полосе легальной и полулегальной иммиграции был очень незначителен – вербовка шла почти исключительно по линии тяжелой промышленности – из Германии и Америки. Только небольшие группы канадских финнолесорубов были приглашены по договорам. Они испытали все то, что и остальные рабочие-иностранцы – торжественную встречу с «Интернационалом», знаменами и речами, привилегированное положение – и постепенное опускание до уровня жизни русского рабочего, т. е. до уровня ниже нищенского. Их «бригады» были рассеяны по лесозаготовкам Архангельской и Вологодской губерний, отчасти и в Восточной Карелии – по самым глухим медвежьим углам Европейской России.

Я очень мало знаком с их положением. Только раз, в конце 1932, меня вызвали в качестве переводчика в союз лесных рабочих. Там сидел пожилой финн-канадец. Он умолял, чтобы

его и его семью выпустили «хоть куда-нибудь». Да, он потерял все – свои сбережения, свою работу, свое здоровье. Больше того – он потерял свою веру. Он сейчас просит только об одном – дать ему возможность выбраться «хоть куда-нибудь».

Переводить все, что он говорил, значило бы отрезать человеку всякую возможность отъезда «хоть куда-нибудь» – у него было еще слишком много наивности, и он говорил вещи, которых было говорить нельзя – не стали бы же коммунисты выпускать такого агитатора против «социалистического рая».

Я не перевел всего, но положение финна и помимо его наивных жалоб, было слишком сложным: он, как и многие другие, не имел никаких оформленных документов о своем подданстве, он, как почти все, при въезде в СССР не сообразил спрятать свою валюту, и она была обменена по номинальному паритету на ничего не стоящие ни в России, ни тем более за границей советские рубли – большевики не гнушались даже таким мелким валютным грабежом...

По лицу этого крепкого взрослого мужчины текли слезы – и я почти ничем не мог помочь. Финн получил какие-то туманные обещания и деньги на отъезд домой... в Вологодскую губернию. Я не знаю, что с ним дальше случилось.

Общность границы вызывает довольно значительную нелегальную иммиграцию из Финляндии. Положение этой иммиграции – гораздо хуже.

Прежде всего – большевизм преисполнен страхами перед всякого рода шпионажем, контрреволюционной агитацией, «агентурой капиталистических правительств». Следовательно, первый и совершенно обязательный этап такого иммигранта – это тюрьма ОГПУ² с ее бесконечной волокитой, голодом и холодом.

Стены моей одиночки на Шпалерной³ были исчерчены финскими фамилиями. В общей камере тюрьмы провел не один месяц своего заключения, из 54 заключенных было 12 финнов – страшно оборванных и голодных. Я не знаю, можно ли на осно-

² ОГПУ – Объединенное Государственное политическое управление при СНК СССР.

³ Шпалерная – дом предварительного заключения ДПЗ, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка» – первая в России следственная тюрьма. Находилась в Петербурге, на Шпалерной улице, 25.

вании пропорции 54:12 делать заключение о том, сколько финнов в числе 5000 заключенных «Шпалерки». Один из 12-ти, по фамилии, кажется, Лейконен⁴ или Лейгонен, перебрался в Россию года два тому назад, попал в Вишерский концлагерь, пытался бежать на родину, и вот, сидел уже восьмой месяц в тюрьме.

Таких иммигрантов, как правило, отправляли за Урал. Поэтому я не встречал их в Карельском концлагере ББК⁵.

Одна из моих немногих встреч относится к лету 1933 года. Я ездил в Карелию «на разведку» для побега всей семьей из СССР, и в с. Койкора⁶ встретился с целой группой нелегальных финских иммигрантов.

Их было человек 30, и их везли, стоя на переполненном грузовике по стратегическому, но весьма ухабистому шоссе – Порос-озеро⁷ – Петрозаводск. Их конвоировал отряд вооруженных чекистов, и поэтому в особенные разговоры вступать было нельзя. Но финны не говорили по-русски, конвой не понимал ни одного нерусского слова, и мне удалось навязаться в качестве переводчика – один из финнов говорил по-немецки.

Финны были голодны, и они просили есть. Их измученные посеревшие лица показывали, что они голодали «весьма и долго» – их в среднем около месяца держали во всяких тюрьмах пограничной охраны, на полуфунте хлеба в день. У некоторых были кое-какие вещи, и они просили обменять их на хлеб и масло – при слове «масло» конвоиры подняли смех – масло давно уже исчезло из советского быта. А в деревнях – не было хлеба.

На лицах этих иммигрантов был не только голод. Была великая растерянность – неужели эта страна без масла и даже без хлеба, страна с разваливающимися избами по сторонам шоссе, оборванными и явно голодными и запуганными крестьянами – неужели же это и есть «социалистический рай». И вот стою перед ними

⁴ Лейконен – сведения не обнаружены.

⁵ ББК – Внутри ГУЛАГа был образован Беломорско-Балтийский комбинат (1933–1941), а внутри комбината Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь. Строительство завершилось 20 июня 1933-го года, канал сразу был назван «каналом имени Сталина». Официальное открытие канала состоялось 5 августа 1933. После окончания строительства в Беломорско-Балтийском комбинате на эксплуатации канала была занята 71 тысяча заключенных.

⁶ д. Койкары – в Медвежьегорском районе Карелии.

⁷ Правильно Поросозеро, село в Беломорском районе Карелии.

я, интеллигент, и я тоже запуган, и я тоже не смею ответить на град вопросов – отчего голодно, отчего их, финнов, пролетариев, держат как преступников, есть ли в России масло, какая судьба их ждет в дальнейшем, и, наконец, какой-то обобщающий и заданный совсем уже растерянным тоном вопрос: неужели же буржуазные газеты говорили о большевизме правду.

Начальник конвоя буравит меня глазами и прерывает разговор – он, если не понимает речи, то чувствует, что вопросов слишком много. И мало ли что я могу ответить – случайный встречный, с удостоверением от какого-то, хотя и московского, но все-таки только туристского журнала?

Финнов толкают в грузовики, они выстраиваются на нем плотной колонной, поддерживая друг друга для того, чтобы не вылететь на ухабах, чекисты сидят кругом на бортах кузова... Мой мимолетный собеседник пытается задать еще один вопрос, на который я также не смею ответить, как и на прежние, но начальник конвоя поворачивает его за плечи и толкает к машине.

Что это? Завещание?

Грузовик исчезает с ним. Исчезают и финны. Много ли их, исследовав социалистический рай, вернется на родину. И вернутся ли.

Финские эмигранты в Советской России

Почти все они – наивные люди, мечтатели, стремящиеся попасть в «социалистический рай», в обетованную землю трудящихся. Очень небольшая часть их приезжает в СССР легальным путем. Это почти исключительно финны-лесорубы из Канады. Остальные нелегально переходят карельско-финскую границу в расчете на братский прием со стороны советских властей.

Однако для того чтобы понять положение эмигрантов, надо прежде всего понять положение большевистской власти. Много очень много раз большевики СССР и коммунисты за границы прокламировали полное прекращение безработицы в СССР, непрерывный рост потребности в рабочей силе, особенно – в квалифицированной, и «непрерывный рост благосостояния широких трудящихся масс».

Наивные люди за границей не заметили того, что даже официальные советские планы второй пятилетки предусматривают сокращение занятой на производстве рабочей силы почти на три миллиона человек, и что, следовательно, и своих рабочих девать будет некуда; наивные люди не замечают и того, что карточная система не ликвидирована и что, следовательно, советской власти и своих рабочих кормить нечем.

Получается такое положение: с официально-агитационной стороны – каждый иностранный пролетарий – брат и желанный гость в «социалистическом отечестве всех трудящихся». Фактически – неизвестно, что с ним делать. Живя в СССР не на положении знатного путешественника, а на положении среднего рабочего, он рано или поздно узнает всю нищету, голод и бесправие социалистического рая, – а это плохая агитация за коммунизм. Такой же плохой агитацией будет немедленное изгнание из «рая» обратно в «капиталистический ад»...

К этим факторам присоединяется еще и страх ГПУ⁸ перед всякого рода «шпионами», «агитаторами», «агентами капиталистического мира». Поэтому первое, что встречает нелегальных эмигрантов в СССР – это – тюрьма.

В тюрьмах Ленинграда, всегда переполненных, грязных и голодных, долгими месяцами, а часто и годами сидят тысячи финских эмигрантов. Относительно всех их ГПУ наводит справки через свою спец[агент]уру в Финляндии.

Затем их по этапу отправляют за Урал – преимущественно на лесные разработки в Западную Сибирь или в шахты Караганды. Это делается для того, чтобы исключить возможность обратного бегства в Финляндию, где они стали бы рассказывать о том, что делается в «социалистическом раю» вне тех маршрутов, которые предназначены для показа иностранным гостям и туристам. Здесь эмигранты попадают в обычные условия русского рабочего – 800 граммов хлеба в день, 800 граммов сахара в месяц и пустые капустные щи на обед. Все это – по карточкам. Без карточки вы можете покупать в государственных магазинах сахар по 15 рублей килограмм, мясо – по 12 руб. килограмм, хлеб – по 1¹/₂–3 руб. за кило – но это только в крупных городах. В провинции, кроме

⁸ ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, с 06.02.1922 до 02.11.1923.

молока по цене 3–5 рублей литр и картофеля – по 2–3 рубля кило, купить ничего нельзя. Средняя заработная плата рабочего – около 100–120 руб. в месяц. Это – голод.

Одну из таких групп финских эмигрантов я встретил в деревне Койкоры, на реке Суне, в километрах 150 от Петрозаводска, поздней осенью 1932 года. Их было человек 30, и большинство из них просидели уже по несколько месяцев в тюрьмах пограничной охраны (может быть, самых страшных тюрьмах СССР). Они были оборваны и голодны, в их глазах была горечь перед теми разочарованиями, которые были уже пережиты, и ужас перед теми, которые еще предстояло пережить. У них уже не было выбора. Они уже попали в зубы страшной машины ГПУ и превратились в безличные единицы тех миллионов, которые работают, голодают, гибнут в зависимости от потребностей социалистического строительства и на костях которых строится фундамент ожидаемого коммунистами социалистического рая, еще более далекого, чем 20 лет тому назад. Они задали мне ряд наивных вопросов – скоро ли их выпустят и поставят на работу, оденут ли их, где можно достать колбасы, масла, сыру? Что мог я ответить под взорами дюжины агентов ГПУ, когда каждый неосторожный ответ мог стоить мне десятка лет Соловков. Это, быть может, было не очень мужественно – но я отвечал преимущественно междометиями...

...Стоя на площадке грузовика (сесть было некуда), окруженные вооруженными чекистами, они уехали в петрозаводскую тюрьму, навстречу социалистическому... раю.

Есть очень небольшая группа эмигрантов-финнов, завербованных в свое время в качестве инструкторов по лесному делу. Они ликвидировали все свои дела, привезли с собою валюту, которая на границе была отобрана по паритету – два рубля за доллар (фактическая стоимость доллара – около 100 рублей) – и постепенно они попадают в то же положение, как и остальные советские рабочие – русские и иностранные – в положение нищеты, голода и бесправия.

* *
*

Очень трудно писать о тех вещах, которые происходят в СССР. Они слишком затуманены коммунистической агитацией, цифрами роста промышленности, кризисом мировой

экономики и многим другим, но в самом своем существе дело обстоит так: да, построено очень много – построено преимущественно для военных целей. Но за эту стройку, за всю эту подготовку к вооруженной поддержке мировой революции, миллионы и миллионы людей заплатили своей жизнью, все население платит голодом и вырождением.

Если эта цена вам подходит, если вы хотите принести себя в жертву отдаленным возможностям мировой революции, тогда и только тогда вам есть смысл ехать в СССР. Но если вы просто – хотите жить, а не гнить заживо – обходите стороной границы СССР.

Карелия уходит...

Хеопсова пирамида

Мне кажется, что о советских делах очень трудно писать так, чтобы быть понятным иностранному читателю. Трудно потому, что эти дела сплелись в чудовищный клубок противоречий, в этакий гордиев узел, который, кто его знает, как еще разрубит история, но как-то, конечно, разрубит. Трудно потому, что слишком много диаметрально противоречивой информации появилось на страницах печати, и читатель, вероятно, склонен относиться недоверчиво ко всякой информации вообще. Трудно потому, что за рядом «достижений» большевизма – большей частью иллюзорных достижений скрывается такая масса человеческих страданий, в которую трудно поверить. Трудно, наконец, еще и потому, что для понимания этой запутанности – недостаточно газетной статьи, как недостаточно и комфортабельной туристско-корреспондентской поездки по СССР.

Мы все знаем пирамиду Хеопса, но кто из нас знает, какую суммой человеческого горя она была оплачена? Кто может подсчитать, какую чудовищной ценою оплачивают живые люди, живое население страны всю величественность и всю рекламу советских пирамид, реальная полезность которых часто едва ли больше реальной полезности египетских.

Карелия оплачивает эти пирамиды приблизительно тем же, как оплачивают их и остальные части Светского Союза – своим достатком и своими жизнями. Но Карелия имеет при этом два сомнительных преимущества: близость финляндской границы –

с родственным населением по ту сторону, и наличие на своей территории Беломорско-Балтийского комбината – т. е. Беломорско-Балтийского концентрационного лагеря, с населением отчасти чуждым, отчасти даже враждебным.

Я начну с лагеря, ибо без понимания того, что такое советский концлагерь – невозможно понять всю специфичность положения Карелии.

ББлаг

ББлаг⁹ сливается с Карелией почти вплотную – он расположен на той же территории и имеет то же правительство. Не нужно представлять себе советский концентрационный лагерь, как некое более или менее ограниченное место, где за колючей проволокой содержатся реальные более или менее преступные элементы. Такая картина была, но она давно исчезла, уступив место сверхамериканским масштабам первой пятилетки и сверхазиятским методам ее реализации.

Сейчас ББлаг занимает территорию от Мурманска до р. Свири – за Свирью начинается Свирский лагерь, но это уже другая страница своеобразной концлагерной географии СССР. ББК имеет 9 «отделений»: Мурманское, Туломское, Сорокское, Кемское, Сосновецкое, Сегежское, Водораздельное, Повенецкое и Медвежьегорское и, кроме того, несколько отдельных лагерных пунктов. Каждое отделение имеет по несколько «лагерных пунктов» – в среднем от 8 до 12-ти. Вот эти-то лагпункты, разбросанные по всей Карелии в количестве около сотни (а с их более мелкими подразделениями-«командировками» – около пятисот), и представляют собою «концлагерь» в тесном смысле этого слова. Это – группа дощатых барачков или палаток, они обнесены колючей проволокой, хотя и не всегда, и живет в них в среднем тысячи три лагерников, заключенных или з/к по сокращенной советской терминологии.

Вот этих-то з/к имеется в распоряжении ББлага около трехсот тысяч. Вы понимаете, что это уже не какое-нибудь отдельное «место заключения», не имеющее влияния на жизнь страны. Это уже государство в государстве. И это государство, управляемое непосредственно ОГПУ (теперь Наркомвнуделом, –

⁹ ББлаг – смотри выше (с. 203).

но это вовсе не меняет положения вещей), по особым полномочиям, полученным от московского правительства на предмет «индустриализации» Карелии, фактически и управляет Карелией. Сначала интересы ББК, а потом уже Карелии, «вольное население», более чем призрачное карельское правительство в Петрозаводске и «автономия», еще более призрачная, чем автономия какой-нибудь Молдавской республики, состоящей из нескольких разоренных деревушек и выдуманной специально для того, чтобы насолить Румынии и продемонстрировать внимание к нацменьшинствам.

Переселение народов

Из кого же состоят эти 300.000 крепостных рабочих ББК? Очень мало интеллигенции – около 3,5%. Огромное большинство – около 60% южно-русских крестьян, попавших в лагеря по всяческому «массовым кампаниям» – раскулачивание, «борьба за большевистские колхозы», закон о «священной социалистической собственности» (от 7/8–32 г.) – по которому ссылали на 10 лет напр[имер], так называемых «парикмахеров» – людей, которые от голода по ночам ползают по полям (по своим же полям) и ножницами срезают колосья. Эти-то мужики строили своими руками всяческие пирамиды – в том числе и знаменитый канал, и удобривали своими телами всяческие отдаленные места, в том числе и Карелию.

Но большинству из них после отбытия наказания деваться некуда. Старое жилье разорено дотла, семья вымерла или затерялась в каком-нибудь другом лагере (крестьян обычно ссылают всей семьей, но только разных членов семьи – в разные места), колхоз – не примет, «свидетельство об освобождении из лагеря» в большинстве случаев не дает права проживания в 56 районах СССР – не включая сюда приморских и приграничных областей. Это на техническом жаргоне СССР называется «минус 56».

Они остаются «вольнонаемными» рабочими ББлага – таких есть около 56.000, или переходят на колонизацию, т. е. оседают в Карелии без права выезда из нее.

Дальше идут административно-ссылные, силами которых, в частности, производится стройка Сорокского порта и разработка хибингорских апатитов, – о количестве их я, к сожалению, не успел собрать никаких данных. И, наконец,

категория так называемых «спецпереселенцев» – бывших «кулаков», переселяемых на постоянное жительство «на недобудоуваемые земли» (официальный термин).

Этих спецпереселенцев было переброшено в Карелию за первые 6 месяцев этого года 28.000 семейств. Мне не удалось попасть ни в один из поселков, но однажды на ББКанале я видел две огромных волжского типа баржи, выгрузавших на берег около 800 семейств этих невольных колонизаторов Карелии. Здесь были только женщины и дети – отцы были присланы раньше – да и из детей около трети погибло по дороге. Сколько их погибает еще от голода, цинги, непривычного климата! Ничего – будут новые баржи с новыми колонистами. Земля советская велика и обильна...

Кстати – о пользе пирамид. Я провел на канале 9 дней – со 2 по 11 июля с.г. Кроме этих двух барж, я видел только одно судно – пароходик с экскурсантами – кажется и иностранными. Вот и весь грузооборот. Об этом грузообороте я несколько позже спрашивал у кое-кого из инженеров-строителей канала. Ответы были невразумительными – одни говорили – «нечего возить», другие – канал слишком мелок. Возможно, что верны оба варианта, но во всяком случае, с 1935 года предполагается строить другой канал, параллельный первому, но только поглубже.

Чем не Хеопсова пирамида?

Лагерное соседство

Представьте себе положение карельского мужика, зажатого в тиски этой сотни «лагпунктов» с их «командировками», чекистской охраной и чекистским начальством. Ему нужен документ, чтобы пройти из села в село: если он без документов, попадется по дороге патрулю ОГПУ – ему придется, уже сидя в ШИЗО (лагерная тюрьма) доказывать, что он не з/к, не беглец, словом, что он – не верблюд. Он может в любое время «получить срок», т. е. попасть в лагерь – но только уже не в карельский, за всякого рода «связь с заключенными», «содействие побегу», «нарушение лагерной дисциплины», и прочие многочисленные, но всегда неопределенные преступления. Он попадет во всякого рода облавы, ибо не всегда полуграмотный «вохровец» (вооруженная охрана лагерей) отличит настоящий документ от поддельного, а в лагере среди уголовников вращается немало и поддельных документов – и разбор

происходит в том же ШИЗО (штрафной изолятор) иногда неделями, иногда месяцами. Но все это мелочи.

Гораздо больше донимают карела «урки». Урки – это профессионально-уголовный элемент – какой-то весьма крупный остаток порожденной революцией многомиллионной армии беспризорников. Эта армия, впрочем, пополняется и сейчас – в особенности в результате чудовищного обострения голода 32–33 года. Их в ББК – около 15% всего лагнаселения, т. е. около 40–50.000. Они в лагере считаются «социально-близким элементом (официальная формулировка) – враги собственности, не контрреволюционеры, не кулаки. У них ряд бытовых привилегий, они имеют короткие сроки (большинство – 3 года), и они массами бегут каждое лето – у них есть свои явки (шалманы), у них есть фальшивые или украденные у того же карела документы, и у них есть возможность бесследно нырнуть на дно какого-нибудь города. Остальным категориям лагерников, даже в случае удачного побега, просто деваться некуда, поэтому побегии сравнительно редки и поэтому лагеря сравнительно слабо охраняются.

Эти урки грабят и своего брата-лагерника, но больше всего грабят они окружающее население. Что стоит этакому матерому урке, прошедшему все воровские университеты больших городов, ограбить наивного, лесного карельского крестьянина. Он его грабит и на базаре, и в селе, и на дороге. Ибо урка всегда найдет способ пробраться и на базар, и в село. Группы «бегунков», шатающихся по лесам, режут коров, чтобы вырезать у них полпуда мяса для пропитания, поджигают деревни для паники и грабежа, убивают людей из-за паспорта.

Карел у себя дома

Выражение «у себя дома» нужно понимать несколько ограниченительно: в Советской России нет этого «у себя дома», этого «home» в английском смысле. И дом-то не ваш, а национализирован или коллективизирован, и вас-то самих из этого дома могут в любой момент выкинуть – или в концлагерь, или на «неудобоусвояемые земли», или просто в порядке текущих административно-хозяйственных мероприятий: где-то нужна рабочая сила, а вы оказались под рукой.

Но и в этом относительном «у себя дома» карел оказывается под мощным давлением того же ББлага.

Вообще говоря – процессы коллективизации протекали в Карелии менее бурно, чем на юге. Эти вырубленные и затерянные в лесах скудные пашни и луга даже самым ретивым администраторам не давали достаточной базы для «укрупнения», механизации и прочего. Коллективизация полей долго оставалась формальной, коллективизированный скотдох почти так же, как и по всей России. Раскулачивание шло несколько слабее, ибо часть населения, наиболее крепкого хозяйственного, уже бежала за границу, в Финляндию. Наконец, своего хлеба карелам и самим не хватало, следовательно, не было стимула для того повального грабежа, который привел к разорению и вымиранию целые районы Украины, Дона, Кубани и Поволжья.

Во всяком случае, еще в 1932 г., когда я делал в Карелии свою первую разведку в целях бегства из СССР, – голодающие украинские крестьяне толпами пробирались в Карелию за хлебной милостыней. Карелы уже были разорены, но нищие, они все-таки подавали милостыню еще более нищим.

Но уже в 1932 году большевики взялись всерьез и за скудный карельский хлеб – и не столько из-за чисто продовольственных соображений, сколько из-за хозяйственных интересов ББлага.

ББлаг ведет в огромных размерах заготовку леса на экспорт. Своей собственной рабочей силы у него не хватает. Да и украинские крестьяне – неумелые лесорубы и совсем уже никуда не годные сплавщики. Нужно, следовательно, привлекать местное население, с испокон веков привыкшее ко всем видам лесных работ.

Советская власть платить не любит, в особенности крестьянам, да и платить ей нечем. Лесорубы получали заработную плату – если перевести на золотую валюту и натуральную и денежную части – около 12 копеек в день. Рабочих приходилось привлекать исключительно в порядке трудовой повинности. Это было громоздко и неудобно.

Но когда весь карельский хлеб очутился в руках ББлага, и когда от ББлага стало зависеть – дать его или не дать, и сколько дать за такую-то работу – карелу ничего не оставалось, как пойти работать на ББлаг за 800 гр. хлеба в день. И он – пошел.

И вот получилось парадоксальное явление: «вольные» карельские ребятишки, по вечерам прокрадываясь между часовыми, бегали по лагерным баракам и выпрашивали остатки жутких лагерных щей, объедки хлеба, селедочки головки... Я это видел и на Свири – в Погре¹⁰, и в Подпорожье, и в Медвежьей Горе, и в Лумбушах¹¹, и в Повенце¹² – во всех лагерях, куда меня перекидывала судьба.

Судьбы переменились. Теперь нищий лагерник, арестант подает милостыню нищему «вольному карелу». Ибо 1932 и 1933 годы перевели карельского крестьянина на положение сплошной нищеты. Еще сам он кое-как прокормится на иждивении ББлага. Но чем будет жить его семья? Хлеб взяло государство. Для охоты не разрешают иметь огнестрельное оружие. Для рыбной ловли – нет снастей (их не хватает и для государственных промыслов). И вот остается: все падающее хозяйство, каторжная работала на ББлаг, картошка и грибы, вымирание карельской детворы.

В совхозы!

От такого жития более энергичная и более хозяйственная часть населения бежала куда глаза глядят. Этот процесс бегства из родных мест наблюдается не в одной Карелии. Но в Карелии он выражен ярче, потому что здесь нет... совхозов. Основная причина нынешнего крестьянского бегства по направлению куда глаза глядят – это колхоз. Секретарь ЦК компартии Каганович заявил в 1933 году на московском съезде Комсомола, что «руководящий состав деревни и колхозов у нас на 40% состоит из молодняка в возрасте от 17 до 21 года». Этот руководящий состав вооружен, помимо винтовок и револьверов и самыми широкими полномочиями по устройству колхозной жизни и по борьбе со всякого рода антиколхозными тенденциями. Он никогда не подбирается из жителей своего же села, а назначается откуда-нибудь издалека – свой своих все-таки пожалеет. Нужны чужие.

Вообразите себе, какой хозяйственный кабак может организовать в деревне вот такой парень «в возрасте от 17 до

¹⁰ Погра – село Подпорожского р-на Ленинградской области.

¹¹ Лумбуши – поселок в Медвежьегорском районе Карелии.

¹² Повенец – поселок в Карелии, расположенный на берегу Онежского оз. Начальный пункт Беломорско-Балтийского канала. Известен с 15 в.

21 года», чуждый местному населению и наделенный диктаторскими полномочиями! И за всякий кабак будут отвечать бывшие зажиточные крестьяне, ибо среди них он будет искать (и, конечно, найдет!) всякого рода саботаж и контрреволюцию. И поедет тогда наш карел в концлагерь за Урал или в Сибирь.

От многого другого, но, в частности, и от этого, крестьянин бежит туда, где никто не знает о прошлой преступной зажиточности, где он может сидеть, как мышь под метлой.

Но куда бежать? В другой колхоз не примут без рабочего скота и инвентаря – а все это крестьянин бросил в своем колхозе (колхоз отбирает, но ничего не отдает). На завод – нет опыта и квалификации. И карел стремится в какой-нибудь сибирский совхоз, где он будет получать голодный, но твердый паек, нищенскую, но твердую заработную плату, где он попадет в профсоюз и где он будет ежечасно дрожать за свои прошлые преступления по части избытка трудолюбия, коров и посевов. Кстати, совхозов в Карелии нет, и карел имеет о них несколько лучшее, чем следует, представление.

Граница

Так идет одна струя великого переселения из Карелии. Другая струя создается близостью границы.

Само собою разумеется, что всякого рода ссылки и заключение в концлагерь практикуются в Карелии точно так же, как они практикуются и в других местах, с той только разницей, что карелов высылают на Урал или за Урал.

Это – не специфично для Карелии. Для Карелии специфичны ссылки, вызванные близостью границы.

Пограничная полоса вообще подвергается всякого рода чисткам. Прежде всего были высланы родственники людей, когда-то бежавших в Финляндию. Потом – родственники высылаемых. Потом – всякого рода «ненадежный элемент» – а в надежности или ненадежности разбирается все тот же универсальный для деревни начальник в возрасте 17–21 года. Пограничная же полоса фактически охватывает почти всю Карелию, хотя *de jure*¹³ она ограничена 100 км зоной...

¹³ De jure – формально.

...Когда мы с сыном бежали через леса из концлагеря в Медвежьей Горе и подходили уже к р. Суне, нам все чаще и чаще попадались заброшенные и часто уже заросшие или полужаросшие молодым сосняком пашни и сенокосы, когда-то с таким упорным трудом отвоеванные у леса (один раз попалась маленькая и совсем заброшенная пустая деревенька).

Это результаты чистки пограничной полосы.

Сколько людей было выслано таким порядком – об этом я не имею ни малейшего представления. Но я знаю, что места западнее приблизительно с. Сопоха¹⁴ на Сунозере¹⁵ «очищены» таким образом до превращения их в пустыню. Недаром же за 16 суток своего «похода» от Медвежьей Горы к границе мы не встретили ни одной живой души, ни крестьян, ни баб – и только раз, да и то, пересекая дорогу (мы почти натолкнулись на какого-то, видимо, чекиста) – и скрылись в лес.

Великое переселение народов

Так идут две встречных струи великого переселения народов. Как-то раз в Медвежьей Горе, на станции, я наблюдал символическую встречу. Выгружался эшелон с вновь прибывшими в ББлаг украинскими и белорусскими крестьянами. И стоял по дороге на юг – другой эшелон с высылаемыми карелами. Одни будут колонизовать Карелию, другие – будут заселять Сибирь.

Этот процесс – то замедляясь, тот обостряясь, тянется уже годы и кто его знает, сколько продлится еще. Но еще через несколько лет этой политики колонизации, выселения, концлагерей и ссылок – и что останется от Карелии, кроме территориального термина и, так сказать, экстерриториального правительства, несколько «показательных» карельских колхозов и нескольких школ (школы на даровом труде построены хорошие), где ребят будут учить карельскому языку, уже фактически изгнанному из Карелии, вместе с ее коренным населением.

¹⁴ Сопоха – село в Кондопожском районе Карелии.

¹⁵ Сунозеро – озеро в Карелии близ границы Финляндии. Через Сунозеро протекает р. Суна.

Я не хочу этим сказать, что советское правительство преследует всю эту политикой нашей республики сознательные русификаторские цели. Этого нет. Но уже и сейчас карельский язык ютится только в самых глухих уголках, ибо во главе хозяйственного и прочего управления Карелией стоит ББлаг, где нет, вероятно, ни одного карела, ибо процесс вольного и невольного отлива коренного населения идет примерно с такую же интенсивностью, как прилив чужого и невольного.

Карельская жертва

Я не мог рассказать, как живут и как гибнут карелы в концентрационных лагерях. Я видал, как живут и как гибнут в ББК украинцы, белорусы и кавказцы, да и то я не видел самого страшного – стройки канала, где по подсчетам старых лагерников уложено около ста тысяч человеческих жизней.

В ББлаге карелов нет. Их шлют куда-то на восток, подальше от соблазна родных мест, и я не думаю, чтобы советская судьба щадила их там больше, чем она щадит двуногий рабочий скот ББК и ББлага.

Пути коммунистической индустриализации устланы безмерным количеством человеческого горя и человеческих трупов. Может быть, грядущие поколения и воспользуются кое-какими результатами сегодняшних жертв. Немногими, конечно, результатами, ибо в основном эта индустриализация имеет в виду не благо нынешнего и грядущего поколений, а войну во имя мировой революции.

Эта война и эта революция – *suprema lex* и высшая цель коммунизма. Все свои действия большевизм подчиняет этому закону и этой цели. И приносит жертвы, не считаясь ни с их глубиной, ни с их количеством.

Маленькая Карелия оказалась в числе этих жертв, как и все другие страны и народы СССР. Но в силу малочисленности населения и особенностей географического положения – ее национальная судьба – тяжелее. Она платит не только отдельными человеческими жизнями и человеческими страданиями, она платит и своим национальным существованием.

Ив. Солоневич

БОРИС СОЛОНЕВИЧ

Участие финнов в оборонной работе СССР

В 1925–26 годах в Москве в работе по спорту мне приходилось встречаться с финнами-курсантами интернациональной Военной школы в Ленинграде.

Эта школа, насколько я знаю, была создана в 1920 году с целью объединить военных-коммунистов прибалтийских государств. Туда на 75% входили финны и, в меньшем количестве, эстонцы. Латыши были объединены в отдельные части.

Интернациональная военная школа имела в своих рядах главным образом тех, кто не говорил совсем или плохо говорил по-русски. Численность ее доходила до 1.500 чел. Школа принимала активное (и, кажется, даже решающее) участие в боях в Карелии в 1921 году против «белофиннов» и в усмирении «кронштадтского мятежа» и особенно прославилась своими лыжными отрядами и их походами.

Из числа курсантов этой школы я вспоминаю:

1. Инструктора спорта школы Кувонена, человека лет около 40, по-моему – беспартийного;
2. Борца-тяжеловеса Кумпу;
3. Борца-легковеса – Кокко и
4. Борца-полутяжеловеса – Тойвонен.

Я помню их в военной форме и в состязаниях на первенство Красной Армии.

В концлагере в Соловках мне приходилось встречаться и видеть на состязаниях финнов Рясанен[а] (он же борец легчайшего веса) и Миналайнен[а]. Они тоже, кажется, были раньше в интернациональной Военной школе, но были выгнаны отсюда и посланы в Соловки.

Я вспоминаю их резкие отзывы об Интершколе, о Советской России, о ГПУ и режиме и их твердое решение бежать в Финляндию. Работали они в лагере в лыжной и сапожной

мастерской, числились политически на плохом счету, и, я думаю, давно уже перешли в Финляндию.

Там же, в Соловках, в 1927–28 годах я жил и работал одно время с Павлом Лаврентьевичем Ивановым-Патрика, финном по происхождению, человеком очень энергичным, умным и опытным. Как я понял из его разговоров, в царское время он был в разведывательном отделении Штаба и работал как шпион в прибалтийских странах. Работник он, несомненно, крупного масштаба. Приговор он имел 3 года по контрреволюционной статье и должен был освободиться в 1928 году. Я почти уверен, что он попытался перейти в Финляндию, если не получил особых заданий от ГПУ. Это человек – очень ценный, но и в равной мере опасный, как профессиональный шпион.

Он – низкого роста, лет 40–44 (теперь), худощав, с сухим лицом, крупным носом, высоким лбом. По-русски говорит превосходно: владеет, кажется, и немецким, и шведским, и эстонским, и финским языком.

По коли ладно он был – Иванов; свою другую фамилию он назвал в частном разговоре: как будто ОГПУ не знало его второй фамилии.

Вот то небольшое, что я знаю о финнах, работавших в советских оборонных организациях.

Б. Солоневич

4.9.34.

P.S. О существовании специально финских частей в РККА в последующие годы я не слыхал. Насколько я знаю, национальных частей теперь нет ни в Кр. Армии, ни в войсках ОГПУ, так что я сомневаюсь в правдоподобности сведений о том, что в Карелии имеются воинские части, составленные из финнов.

Борис Солоневич

Иванов-Патрика

Я вспомнил дополнительно некоторые подробности о жизни Иванова-Патрика (см. очерк «Финны в оборонной работе СССР»), которые он мне мимоходом рассказывал в 1927–28 годах.

Павел Лаврентьевич Иванов-Патрика работал во время войны в Разведывательном отделении Главного Морского Штаба по наблюдению за прибалтийскими и скандинавскими странами (военная контрабанда, секретное снабжение, рейсы немецких пароходов и пр.).

Как будто он был и хорошо оплачиваемым работником. Я лично, зная его лично и его работу в течение около 1¹/₂ лет (он был производителем работ на спорт. станции Соловецкого концлагеря, когда я заведовал этой станцией), охотно ему верю – он первоклассный, неутомимый и умный работник.

После революции он завел свое рыболовное дело (на берегу, кажется, Ботнического залива), но продолжал незаметно свою работу по шпионажу в пользу Финляндии, так что Советская Россия его знала и опасалась. Насколько я его понял, он состоял на секретной службе по шпионажу у финского штаба.

Приблизительно в 1925 году он стал жертвой ОГПУ. К той деревне, где он жил (он не называл ее, но говорил, что на западном морском берегу Финляндии), подошел как гость советский рыболовный бот, и он, как владеющий русским языком, был приглашен переводчиком.

Целой компанией рыбаков они все были в пивной, к вечеру русские пригласили его выпить «чего-нибудь покрепче» у них на борту. Он согласился, и на борту советского бота его напоили чем-то снотворным и увезли в Советскую Россию.

Там в тюрьме ОГПУ он отказался принять какие-то предложения и был сослан на 3 года в Соловки.

Как я помню, и в Соловках с ним велись какие-то переговоры, ибо он вызывался несколько раз вечером экстренно неизвестно куда. Кроме того, он не раз говорил, что ждет крупного сокращения срока и надеялся увидеться в Ленинграде. А в то время попасть из Соловков в Ленинград было очень трудно. Обычно посылали на 3 года в ссылку, да и потом трудно было вернуться в Ленинград.

Не раз Иванов-Патрика говорил, что в Финляндии у него осталась жена и 12-летний сын, к которым он очень привязан.

Говорил он и о том, что человеку, знающему эти места, уйти в Финляндию очень легко.

Больше о его судьбе я ничего не знаю.

Б. Солоневич

* * *

Насколько я знаю, работы на ББК ведутся все время, работы же по постройке новой Свирской гидроэлектростанции затормозились тем, что все намеченные и собранные силы переброшены на Дальний Восток на строительство БАМ – Байкало-Амурская магистраль.

В настоящее время Свирская ГРЭС находится в состоянии подготовительных работ и вербовки кадров рабочих из числа вольнонаемных (инженер Графтио¹⁶, строитель Волховской и Свирской ГРЭС, противник использования заключенных на работах по постройке, допускает их помощь как вспомогательную – заготовка леса и др.).

Сейчас ББлаг ведет 3 основных вида деятельности: а) улучшает ББканал, б) строит новую Гидростанцию на реке Туломе у Мурманска (110000 киловатт). Предполагается, что вся Мурманская жел. дорога перейдет на электротягу, в) ведут обычные свои лесозаготовки.

Как второстепенные работы – есть рыбные промыслы на Мурманском побережье, тюленьи и рыбные в – Белом море.

Свирский лагерь располагает свои 7 отделений между Ленинградом (ближайшее отд[еление] 75 км) и Петрозаводском. Численность 45–50.000 чел. Специальность – лес и торф. Главное управление ББлага находится в г. Медвежья Гора, а СвирьЛАГа – в г. Лодейное Поле.

В процентном отношении лагерный состав можно разбить на такие группы:

1. Малолетки-уголовники (13–18 лет) – 10% (конечно приблизительно).
2. Уголовники-рецидивисты – 30.
3. Крестьяне-«кулаки» – 25.
4. Служебные преступления – 10.

¹⁶ Графтио Генрих Осипович (1869–1949) – российский ученый и инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергетического строительства, академик АН СССР (1932). Участник составления плана ГОЭЛРО. Руководитель строительства Волховской и Нижнесвирской гидроэлектростанций и др.

5. Сотрудники и «валютчики» ОГПУ и военные – 5.
6. Контрреволюционеры (ст. 58 Угол. кодекса) – 20.

100

Из них женщин – 5–8%.

В группе контрреволюционеров пестрый состав. Здесь и вредители, и шпионы, и террористы, и связь с заграницей, агитаторы против советской власти и пр. и пр.

Все эти названия поневоле хочется писать в кавычках, ибо вряд ли более 10% из всех осужденных действительно реально виновны, остальные присланы в концлагерь в порядке «профилактики», как люди, могущие быть вредными и политически не вполне благонадежные. Таковы общие штрихи. Перехожу к системному описанию лагеря и его жизни.

БАМ

(Байкало-Амурская магистраль)

Зависимость снабжения и связи Дальнего Востока с Европейской Россией от одной только линии железной дороги – давно уже отмечалась. Впервые резко этот вопрос был поставлен в 1928–29 годах во время вооруженного конфликта с Китаем, и, насколько я знаю, тогда уже принципиально был решен вопрос о добавочных линиях железной дороги к Дальнему Востоку.

Сейчас этот вопрос стоит особенно остро в связи с напряженными взаимоотношениями с Японией, и с начала этого года на Дальний Восток перебрасывается даровая рабочая сила ОГПУ – заключенные – для работ по постройке железных дорог.

Основное направление БАМ – к северу от главной сибирской магистрали (начало магистрали в 100 км к западу от Иркутска), затем БАМ должен огибать Байкал с севера, пересекать реку Ангара, проходить через богатые золотоносные, рудные и каменноугольные местности и заканчиваться на берегу Охотского моря, создавая таким образом ж.д. линию, почти параллельную (200–300 км) главной сибирской магистрали.

К зиме этого года БАМ был выстроен только на 100 километров, и было решено, что на данный период важнее постройка второго пути на главной магистрали, так как от Иркутска на восток идет однопутная линия, которая легко может быть подвергнута нападению и прекратит связь с Евр[опейской] России и Даль[ним] Востоком.

С января 1934 на БАМ (соответственно, на постройку второго пути гл[авной] магистрали) были брошены лучшие рабочие силы концлагерей. Я знаю точно, что из I отделения ББлаг (Беломорско-Балтийских лагерей), где я был до мая, было отправлено 6 эшелонов – более 7.000 ч.

Всего из ББлаг было отправлено более 20.000 чел. (общую цифру заключенных в ББлаг называли от 150 до 200.000 ч.); из Свирьлага было отправлено около 4.000 ч.

Отправляли всю физически полноценную силу; политических (контрреволюционеров со статьей 58 Уголовного Кодекса) почти не отправляли – только крестьян-«кулаков» со сроком в 3–5 лет и пунктом 10 ст. 58 – «агитация против Советской власти».

Перед отправкой была развита чрезвычайно энергичная кампания путем газет, митингов, ленточек, радио и пр. по агитации за поездку на БАМ. Правда, хочет, не хочет – заключенный все равно должен был ехать, но старались создать бодрое настроение, подстегивали «трудовой энтузиазм» и обещали всякие поощрения: за ударную работу на БАМ обещали зачет рабочих дней 1 за 2 (т. е. за 1 день ударной работы засчитывали 2 дня срока), через 1 год ударной работы перевод на колонизацию (положение ссыльного, возможность получать нормальную зарплату, жить с семьей и пр.).

Агитация была достаточно умело поставлена, настойчиво проводилась и действительно создавала настроение и желание ехать на БАМ, хотя уже сама дорога (1¹/₂ месяца в теплушках) должна была казаться очень тяжелой.

В дальнейшем я получил такие сведения о БАМ:

Работа на главной магистрали была очень тяжела, спешна и напряженна, но снабжение там было нормально-лагерным. Постройка второго пути велась сразу во многих местах; жили суровой зимой в палатках, передвигались вместе с постройкой пути вперед.

Условия же жизни и работы на настоящей БАМ были очень тяжелы, так как работы велись среди самой дикой и суровой природы и доставка припасов и продовольствия была очень затруднена.

Смертность, по отзывам заключенных, была очень велика, особенно на БАМ из-за недостатка врачебной помощи, тяжелой работы, плохих условий жизни и питания.

Центр БАМ-лага – город Свободный, Дальневост[очного] Края, к северу от гл[авной] магистрали на 300 км на конце отдельной ветки.

Имеется еще лагерь у Владивостока, имеющий те же задачи. Туда недавно переведен начальником лагеря Мартинелли¹⁷, бывший начальник Свирского лагеря, а в период 1926–28 гг. – пом[ощник] нач[альника] Соловецких Лагерея (тогда Начальником Соловков был Эйхманс¹⁸).

Б. Солоневич

27.08.34.

Хельсинки

Борис Солоневич

Кинофильм «Соловки»

В 1925 году группа белых офицеров¹⁹, бывших в заключении в Соловецком концлагере, удачно бежала из г. Кеми в Финляндию и затем, кажется, в Латвии издала книгу «Остров пыток и смерти»²⁰. Насколько я слышал, книга эта рассказывала о всех

¹⁷ Мартинелли Арвид Яковлевич (1900–1937) – начальник управления «Дальлаг» НКВД.

¹⁸ Эйхманс Фёдор Иванович (1897 – 3 сентября 1938) – бывший латышский стрелок, окончил Рижский технический университет и военное училище в Риге. С 1923 – начальник управления Соловецкого лагеря особого назначения. С 25 апреля до 16 июня 1930 – первый начальник Управления лагерей ОГПУ. На Эйхманса было возложено руководство всеми лагерями ОГПУ того времени: Соловецким, Вишерским, Северным, Казахстанским, Дальневосточным, Сибирским и Среднеазиатским. 3 сентября 1938 расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹⁹ Имеется в виду побег группы заключенных Соловецкого лагеря, руководимой Юрием Дмитриевичем Бессоновым.

²⁰ Книга «Остров пыток и смерти» («Адский остров») принадлежит перу Созерко Мальсагова.

ужасах тогдашних Соловков – о тысячах замученных непосильной работой людей, о замерзших лесорубах, погибших в болотах строительных дорог; о полном и зверском произволе администрации; о том, как людей обнаженными летом ставили «на комары», а зимой – на мороз; как заключенные рубили себе кисти рук и ступни ног, только бы не быть на лесозаготовках; как медицинская служба получала приказания не оказывать таким «саморубам» медпомощи; об издевательствах над женщинами, о страшном карцере на Секириной горе и о многом другом...

Отчасти с целью ослабить впечатление от этой книги за границей и, кстати, показать русским концлагерь – в 1926 г. задумано было создать фильм «Соловки». Шли долгие и принципиальные вопросы – следует ли вообще показывать концлагерь под любой цензурой; наконец, в 1927 году приехал кинооператор, и съемка была произведена.

Особенного плана не было: оператор был не из первоклассных, и ему было поручено заснять все, что он найдет нужным вместе с командованием лагеря, с тем, чтобы из этого материала в Москве уже будет составлен фильм.

Оператор начал с панорамных съемок, видов острова, монастыря, исторических достопримечательностей и пр.

Для картин быта и работы ему были подготовлены специально отобранные, одетые и прошедшие ряд репетиций группы заключенных, причем засняты все они так, что лиц разобрать почти нельзя, и узнать кого-либо очень трудно (меня в спортивных №№ узнали по фигуре и атлетической мускулатуре).

По спорту засняли футбол (причем участников особо тщательно одели в спортивные костюмы полка ОГПУ) и зрителей на нем (специально присланных из Кремля для съемок). Кроме того, были засняты картины гимнастики, борьбы и поднимания тяжестей. Надо признаться, что я, со своим атлетическим видом служил рекламной фигурой для этой части фильма.

По понятным соображениям киноаппарат заснял только выигрышные стороны жизни, быта и работы заключенных. В том виде, как я его видел в 1929 году в Сибири, этот фильм давал впечатление о Соловках, как самом красивом северном курорте. После посещения этого фильма даже безусловно доверявшие мне люди сомневались в правдивости моего освещения соловецкой жизни – такова сила умело поставленной советской агитации!

Насколько я знаю, фильм «Соловки» немного прошел по некоторым странам Европы, но в связи с новым поворотом политики ОГПУ (не говорить и не писать о концлагерях, как будто их и не существует), фильм был снят с экрана и в СССР, и за границей.

Соловецкие острова и до сих пор считаются самым ужасным местом ссылки. Их изолированность дает возможность проявить там любой произвол; при желании, ни одно слово не проникнет за пределы лагеря.

Все же с 1927–28 годов началось улучшение условий жизни заключенных и смягчения произвола, хотя периоды террора повторялись. Так в 1929 году под предлогом заговора к побегу было расстреляно 60 (129?) человек и среди них мои личные друзья:

- капитан врангелевской армии Сергей Александрович Грабовский, прибывший на Соловки годом позже меня и
- бой-скаут – ленинградец Дмитрий Валерьянович Шенгинский, юноша-идеалист, хрупкий и туберкулезный.

Теперь на Соловецкие острова посылают только особо опасных рецидивистов-уголовников и контрреволюционеров с 10-летним сроком заключения (особенно – шпионов).

По-прежнему остров изолирован, засекречен и сведений о нем точных за последнее время я не имел.

Б. Солоневич

26.08.34.
Хельсинки

Рисунок Ю. Солоневича. В даль по дороге

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПИСЬМА

Протокол, составленный по нижеописанному делу, на допросах, проведенных в Йоэнсуу между 14 и 27 августа 1934 г.

№ 31/1934

Пограничный отряд Йоэнсуу задержал 12 августа текущего года в деревне Элинламми прихода Иломанси [Иломантси – Е. С.] двух русских мужчин, которые перешли границу нашего государства без какого-либо разрешения. Задержанных передали 14 августа центральной тайной полиции в Иломантси и в тот же день привезли в Йоэнсуу, где их поместили в полицейской тюрьме Мутала.

В указанное выше время в канцелярии представительства центральной тайной полиции г. Йоэнсуу нижеподписавшийся произвел допросы задержанных в присутствии младшего сыщика Нийло Вянска и внештатной работницы картотеки Элмы Асикайнен. Один из задержанных рассказал, что он:

Солоневич Иван Лукьянович, кандидат юридических наук, журналист, в настоящее время инструктор физкультуры, гражданин Союза ССР, родился 1.11.1891 года в деревне Рудники Бельского района Гродненской губернии Польши, прописан в Москве; его отец, учитель народной школы, Лукьян Солоневич живет в Ялте, работает на государственном молококомбинате; мать Юлия, в девичестве Ярускевич, умерла; брат Борис Солоневич, врач, убежал в это же время в Финляндию из Лодейного Поля; сестер нет. Сообщает, что находится в гражданском браке с ныне живущей в Берлине Тамарой Пшевозной с 1914 года, этот брак не зарегистрирован, но от этого брака имеется сын Юрий Солоневич, который сейчас находится с ним. Окончил 8 классов гимназии в Вильнюсе и учился 5 лет в университете Питера, где в 1917 году защитил диссертацию на соискание кандидата юридических наук; читает, пишет и говорит на русском, немецком, французском и английском языках. В 1922 году, будучи в Одессе, задерживался вместе с женой и сыном как подозреваемый в контрреволюционной деятельности и содержался 2,5 месяца в

ГПУ (государственная полиция СССР) и 9 сентября 1933 года снова был задержан, наряду с прежним было предъявлено обвинение в попытке побега в Финляндию, был осужден на 8 лет принудительных работ с лишением свободы, отбывал срок в лагере в Медвежьегорске. Говорит, что не является членом каких-либо организаций, кроме «Общества пролетарского туризма и экскурсий», куда был вынужден вступить в течение последних двух лет в связи с работой в этой области.

О своей биографии допрашиваемый рассказал следующее: жил в деревне Рудники, где родился, до 1908 года, потом семья переехала в Вильно и с 1912 года в Минск. Уже проживая в Минске, допрашиваемый начал учиться на юридическом факультете Петербургского университета, где в 1916 году получил степень кандидата юридических наук. Весной 1918 года он выехал из Питера на Украину в Киев, где работал корреспондентом издаваемой германскими войсками газеты «Новости УНИИ» и позже полгода заместителем главного редактора газеты «Вечерние огни», издаваемой армией Деникина. А потом, когда армия Деникина отступила и развалилась, допрашиваемый перебрался в Одессу, где еще в течение месяца работал редактором той же газеты, пока она не была закрыта. Когда армию Деникина эвакуировали в Константинополь, допрашиваемый остался в Одессе, где он заболел брюшным тифом. Через месяц после выздоровления стал работать санинструктором в той же больнице, проработал месяца 3–4, а затем еще 2 или 3 месяца служащим больницы. Когда он болел, большевики пришли к власти, но его не арестовали, по-видимому, из-за того, что не знали о его работе в белогвардейской газете. И только в мае 1921 года допрашиваемый был арестован за контрреволюционную деятельность и находился в Одесской ЧК в течение трех месяцев. Но после этого он был освобожден из тюрьмы.

Освободившись из тюрьмы, допрашиваемый проработал в течение примерно одного года служащим, затем инструктором потребсоюза, затем секретарем государственной страховой кассы рабочих и служащих до начала 1924 года. После этого он стал государственным спортивным организатором в Одессе, где и проработал до августа 1926 года. Затем он получил перевод на такую же должность в Москву и проработал там непрерывно до 9 сентября 1933 года, когда как подозреваемый в

контрреволюционной деятельности, шпионаже и за попытку убежать за границу был арестован органами ОГПУ и был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей и его увезли в лагерь при Свирьстрое, а затем 16 марта 1934 года в такой же лагерь в Медвежьегорске, откуда 28 июля того же года совершил побег в Финляндию.

Их побег был осуществлен таким образом, что допрашиваемый заранее договорился со своим сыном о побеге в Финляндию тайком и о побеге из лагеря. И они заранее заготовили на этот случай запас продуктов на дороге. Этот запас содержал 5 килограммов сухарей, около 10 килограммов свинины, 7 килограммов риса и около 10 килограммов сахара. Эти продукты они получили через одного жившего в Ленинграде знакомого, который закупил их в магазинах Внешторга в Ленинграде, на доллары, которые переслала им Тамара Пшевозная. И когда допрашиваемый получил наряд на работу за пределами лагеря 28 июля, а сын в это время с запасом продуктов уже ждал его в лесу недалеко от лагеря. Здесь они встретились и убежали в Финляндию. Они с помощью компаса шли лесами прямо на запад и дошли до границы с Финляндией к 10 или 11 августа и были задержаны финскими пограничниками при переходе границы 12 августа в 10 часов утра.

Допрашиваемый отрицает, что он пришел в Финляндию по заданию ОГПУ или с его ведома и утверждает, что он перешел в поисках политического убежища.

Другой задержанный рассказал о себе, что он Солоневич Юрий Иванович, сын другого допрашиваемого, учащийся, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, родился 15.10.1915 года в Москве, где и прописан. Проживал в поселке Салтыковке, Луговая 12; вместе со своим отцом журналистом Иваном Солоневичем, которого перед этим допрашивали. Мать Тамара Пшевозная в девичестве Воскресенская живет в Берлине отдельно от своего последнего мужа, директора типографии Бруно Пшевозного; братьев и сестер нет. Он учился в 1928–1931 гг. в Берлине в Высшем реальном училище Корнера. До этого он учился 4 года в советской школе в Москве. Кроме этого он учился 3 месяца в Московской школе кинематографии на отделении работников сцены. Он умеет говорить и писать хорошо на русском и немецком языках и несколько

хуже на английском и французском языках; исповедует православную веру; до декабря 1933 года он не привлекался ни к какой ответственности. В декабре 1933 года он был задержан за написание контрреволюционных материалов и за попытку перейти без разрешения границу и осужден на 2 года с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях. Он был направлен в такой лагерь сначала на Свирьстрой, а затем в Медвежьегорск. Лагерь находился недалеко от станции, откуда вместе с отцом он сбежал утром 28 июля 1934 года.

О своем жизненном пути допрашиваемый рассказал следующее: в Москве во время учебы в начальной школе он проживал то у отца, то у матери. И когда мать, которая родилась в России, после выхода замуж за немца Пшевозного уехала в 1928 году в Берлин, вместе с ней переехал в Берлин и допрашиваемый. Он жил в Берлине до 1931 года, после чего он один вернулся в Москву. В Москве допрашиваемый около года находился без работы. В это время он учился в школе. После того он работал фоторепортером в газетах «Труд» и «Молот» и в некоторых других, для которых отец будучи в командировках в Киргизии, писал материалы. Затем он учился в Московской школе кинематографистов на отделении работников сцены в течение 3 месяцев. 9 сентября 1933 года он был задержан в поезде Москва – Мурманск недалеко от Петрозаводска. Он вместе с отцом, дядей и его женой, а также еще с одним знакомым Степаном Никитиным собирались через Советскую Карелию перебежать в Финляндию. После ареста он отсидел 4 месяца в тюрьме на Шпалерной в Ленинграде и еще месяц в какой-то пересыльной тюрьме, после чего был осужден и направлен отбывать наказание на Свирьстрой. Оттуда вместе с отцом его переправили в марте 1934 года в лагерь Медвежьегорска, откуда он вместе с отцом удрал в Финляндию. Дядя, Борис Солоневич, со Свирьстроя был переправлен в лагерь в Лодейное Поле. Они еще в Свирьстрое договорились о том, что убегут в Финляндию в конце июля. О побеге в Финляндию допрашиваемый рассказывает так же как и его отец.

Допрашиваемый отрицает то, что он прибыл в Финляндию по заданию ОГПУ для шпионажа или других подобных целей. И не знает о том, чтобы отец имел бы такие задания, а утверждает, что он прибыл в Финляндию исключительно с целью получить политическое убежище.

Следует отметить: что задержанные Иван и Юрий Солоневичи на допросах объявили, что хотят обосноваться на постоянное место жительства либо в Германии, либо в Чехословакии или Эстонии, как скоро они смогут получить визу для въезда в эти страны.

Еще отмечается, что 27 августа их переправили в специальном вагоне для перевозки заключенных в Хельсинки в Главное управление политической полиции Финляндии для принятия мер.

Настоящий протокол высылается для информации туда же.

Утверждаю

[подпись неразборчива]

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
Редактор Ю. Ф. Семенов
LA RENAISSANCE
QUOTIDIEN RUSSE
Directeur: Jules Semenov

Е.К.) № 193 1934 Saap. 13 1934.
R.D.) 525 9

Адрес редакции:
2, rue de Sive, 2
PARIS (ix)

Телефон: Richelieu 92-98, 94-99
R.C. Seine 215247 B

10 сентября 1934 г.
Париж

УПРАВЛЕНИЮ ПОЛИЦИИ В ГЕЛЬСИНГФОРС

Мною получены сведения о том, что ИВАН ЛУКЪЯНОВИЧ СОЛОНЕВИЧ бежал из советской России и содержится под стражей в Гельсингфорсе.

Спешу почтеннейше сообщить Управлению Гельсингфорской полиции, что я хорошо знаю Ивана Луьяновича СОЛОНЕВИЧА по совместной работе до революции в редакции петербургской газеты «НОВОЕ ВРЕМЯ». Удостоверяю, что он давно

собирался покинуть советскую Россию, с режимом которой он не имеет ничего общего и не принадлежит ни к коммунистической партии, ни к числу приверженцев советской власти.

От имени русских журналистов горячо ходатайствую перед властями Финляндии о предоставлении СОЛОНЕВИЧУ возможности остаться за границей, так как возвращение в советскую Россию грозит ему гибелью.

Бывший редактор внутреннего отдела петербургского «НОВОГО ВРЕМЕНИ», ныне сотрудник газеты «ВОЗРОЖДЕНИЕ» в Париже *Андрей Ренников*²¹

К ходатайству Андрея Митрофановича РЕННИКОВА присоединяюсь

Сотрудник газеты «ВОЗРОЖДЕНИЕ», бывший прокурор московской судебной палаты *Николай Чебышев*²²

[I-я папка]

Перевод с немецкого

[Справка из Отделения полиции г. Штеттина]

Названные в сообщении Финской центральной полиции Отделению полиции Штеттина беженцы Борис и Иван Солоневичи и сын последнего Юрий до сих пор никак себя не обнаружили. О фрау Тамаре П., проживающей в г. Берлин 6, Альбрехтштрассе 22, удалось установить следующее:

Тамара П., урожденная Воскресенская, разведенная Солоневич, родилась 11.4.1894 в Одессе. Дочь полковника царской армии, который перед войной находился на военной службе в Варшаве. Ее родители умерли, братьев и сестер у нее нет.

В 1914 году она вышла в первый раз замуж за журналиста Ивана Солоневича. От этого брака, расторгнутого в 1931 году, родился сын Юрий, бежавший из концлагеря вместе со своим отцом в Финляндию.

²¹ Ренников Андрей Митрофанович (Селитренников) (1882–1957) – русский писатель, журналист, автор романа «Раздаться, человек» (1917), сотрудник газет «Новое время», «Возрождение».

²² Чебышев Николай Николаевич (1865–1937) – сенатор, редактор газеты «Великая Россия», сотрудник газеты «Возрождение».

В 1928 году Тамара приехала в Берлин и была принята на работу в «Торговое представительство России», т. к. она хорошо знала языки, кроме русского также немецкий, французский и английский. Через 1,5 года она была отозвана в Россию. Во время пребывания в Берлине она познакомилась с подданным Германии с наборщиком Бруно П., родившимся 23.02.1909 году в Берлине. Бруно последовал за ней в Россию и 29.9.31 в Москве вступил с ней в законный брак. Несмотря на то, что в результате заключения этого брака она стала подданной Германии, советские власти создавали трудности с выездом в Германию. Лишь 1.10.1932 года она могла приехать в Берлин.

На вопрос о беженцах она рассказала, что они были противниками советской системы. Борис Солоневич в прежние годы был одним из руководителей русского скаутского движения. В годы контрреволюции он боролся против большевиков в белогвардейской армии Врангеля. Еще в 1920 году он первый раз был арестован за скаутскую деятельность и посажен на 1 год в тюрьму. В 1925 году его снова арестовали и отправили на 5 лет на Соловки.

Бывший муж фрау Тамары – Иван С. – вначале был редактором националистической газеты «Северо-Западная жизнь», которую издавал в Минске его отец; затем сотрудником «Нового времени» в Петербурге. Отец, которому сейчас уже около 75 лет, живет в Крыму, ведет замкнутый образ жизни.

Солоневичей арестовали в сентябре 1933 года, так как советские власти разузнали, что в царское время отец Солоневичей издавал националистическую газету, о чем оба брата умолчали. По этой же причине были арестованы и другие члены семьи братьев Солоневичей. Борис и Иван, и сын Ивана были отправлены в Мурманскую область на строительство канала между Балтийским и Белым морем, жена Бориса попала на Дальний Восток.

Беженцы намереваются выступить с сообщениями в различных странах о фактическом положении дел в Советском Союзе и о своих переживаниях, затем после соответствующей литературной обработки предоставить материалы заинтересованным издательствам.

В Архиве имеется запись, согласно которой Тамара во время своей работы в «Торговом представительстве России» являлась секретарем (делопроизводителем) Клуба «Красная звезда».

J.S. [Письменное сообщение от] 26.02.1936.

Перевод с финского

Информант П. Кольберг²³ делает следующее предложение:

Так как у Ивана Солоневича в России есть значительные знакомства, то их грех было бы не использовать в целях получения информации, поэтому он договорился с Солоневичем, чтобы мобилизовать некоего газетчика еврейской национальности, работающего в московской «Правде», имя которого не упоминает. Солоневич, возможно, уже до своего бегства договорился с ним об этом. Сейчас нужно лишь письмо компетентному лицу и человек, который возьмётся доставить его на место. Кольберг считает, что этому человеку не следует ехать в Россию нелегально, а ехать надо по официальному паспорту, лучше всего представителем какой-нибудь фирмы и т. п.

Во время гражданской войны компетентное лицо было на стороне белых, что ему удалось скрыть от большевиков. Так как в редакциях больших московских газет первыми «пронохивают», когда и как меняется настроение в правительстве и партии, то Кольберг предполагает, что информация, которую можно оттуда получить, могла бы быть очень полезной. Он собирается представить Солоневичу дело, по-английски полностью умалчивая о е.к. До сих пор Солоневич отказывался давать какие-нибудь явки с той стороны границы (в том числе генералу Добровольскому²⁴), считая, что у него нет права подвергать опасности существование его тамошних знакомых, но в этом случае согласен сделать исключение. Если у е.к. сейчас есть возможность установления «связей» с Москвой, то я со своей стороны советовал бы «ухватиться» за предложение Кольберга.

²³ Кольберг П. (Kolberg P.) – личность не установлена. Известен А. Н. Кольберг, член организации «Братство русской правды», сослуживец атамана П. Н. Краснова. По ряду данных сотрудничал с ГПУ.

²⁴ Добровольский Северин Цезаревич (1881–1946) – генерал-майор, представитель Русского общевойскового союза в Финляндии. В 1945 г. был выдан в СССР.

**J.S. [Письменное сообщение от] 25.02.1936.
Перевод с финского**

Уже долгое время информант П. Кольберг говорит о том, что нужно каким-либо образом познакомить и финских читателей с особыми картинами жизни в Советской России, описанными беженцем Иваном Солоневичем. Я спросил у Хирвонена из газеты «Ууси Суоми», не будет ли это интересно, например, для воскресного приложения газеты? Хирвонен не заинтересовался, но обещал все-таки опубликовать статью, если она будет уже переведена на финский язык.

24/2-36 я встретил Ивана Солоневича у Кольберга и тогда же получил у него 2 статьи: «Поездка на Памир» и «Из сельской местности», первая из которых опубликована в конце года в «Nya Dagligt Allehand» и «Современных записках» № 58 за 1935. Обе статьи резко антисоветские, последняя до такой степени, что «Ууси Суоми» вряд ли осмелится публиковать. За перевод на финский язык Солоневич обещал 1/3 часть от того, что ему заплатит газета.

Солоневич рассказал, что его обширное описание Соловецких островов печатается сейчас в Англии. Переводчик, которого рекомендовал Чернавин, взял деньги у издателя и оставил долю автора 7000 марок без отчета. Я посоветовал ему обратиться в английское консульство, он сказал, что так и сделает, поскольку хорошо знаком с консулом Уайтом.

Сказал, что скоро собирается переехать в Париж, хотя считает, что жизнь в Финляндии более спокойная и дешевая.

Солоневич назвал политическую ситуацию запутанной и угрожающей: «Если Япония весной начнет войну, мы (автор и П. П.) уже в октябре будем в Москве». Был уверен, что внешняя война приведет к внутреннему бунту и свержению большевиков. Он все-таки не хотел, чтобы его называли «пораженцем». Также предостерегал финнов от авантюры с немцами, на что я ответил, что такие штучки народ не поддерживает.

По желанию Кольберга я представился как журналист Эрннен. Но все-таки я почти уверен, что Солоневич знал, кто я.

Есть ли необходимость становиться посредником С-а?

Перевод на финский я выполню с удовольствием.

J.S. [Письменное сообщение] от 1.05.1936.

Перевод с финского

Генерал Николай Скоблин²⁵, который осенью 1933 посетил Финляндию официально как муж известной исполнительницы цыганских романсов,²⁶ но на самом деле в качестве организатора разведывательной линии РОВСа, 27/4 прибыл снова с женой по месячной визе, которую он получил в Париже, вероятно, без предварительного разрешения из Финляндии.

30/4 информант В. сообщил, что генерал с женой в тот же вечер отправляется в Выборг и в Терийоки, где генеральша должна в ближайшее время концертировать.

Так как весьма вероятно, что концерты – и на этот раз только прикрытие политической деятельности, то нижеподписавшийся сообщил о поездке, намеченной на 30/4 начальнику отдела Рае<...>, чтобы за Скоблиным был установлен надзор. Рае. обещал, что это возможно, хотя пожаловался на срочные дела в связи с Ваппу пйявя²⁷. Попросил Рае. сообщить в Терийоки о соответствующем надзоре.

30/4 информант Кольберг сообщил, что около Скоблина кружатся Батуев и Бастамов.²⁸ Последний по поручению Кольберга попросил Скоблина, чтобы РОВС с помощью своих сотрудников присмотрел за действиями братьев Солоневичей в Болгарии, куда они в ближайшие дни должны отправиться. Кольберг говорил, правда, что в Финляндии они ведут себя как ярые антибольшевики, но так как они только что из России, постоянный присмотр не повредит, тем более что у них есть возможность в течение 6 месяцев вернуться в Финляндию. Сообщаю о согласовании с е.к.

²⁵ Скоблин Николай Владимирович (1894–1937) – генерал-майор белой армии, начальник корниловской дивизии, в последние годы жизни сотрудничал с советской разведкой, участвовал в похищении генерала Е. Миллера. Погиб в 1937 году при бомбежке Барселоны.

²⁶ Плевацкая Надежда Васильевна (1881–1940). Известная русская певица, умерла в тюрьме г. Ренна, осужденная за соучастие вместе с мужем в похищении генерала Е. Миллера.

²⁷ Ваппу пйявя – праздничный день в честь Св. Вальпургия, приходящийся на первое мая и совпадающий по звучанию с финским словом *Vapaus* (свобода) *Vapuri päivä-vapaus*.

²⁸ Представители организации РОВС в Хельсинки.

С. – Борису Солоневичу. Письмо от 21.01.1937.

С Новым годом, дорогой дядя Боря, и всяческие пожелания вам!

Долго не отвечал, хотелось ответить на все Ваши вопросы. Частично это могу сделать. Оказывается, И.²⁹ находится еще на практике, но переменила местожительства. От нее еще понятного письма не получил, и ничего еще точно не известно. Так что, к сожалению, я пока ей не могу написать и послать фото. Ребятишки там же у Л.³⁰, они здоровы, живут в тех же комнатах и среди тех же лиц. С Л. я вижу и в приличных отношениях, даже как-то дернули по рюмочке, но он по-прежнему такой же, как Вы писали о нем. Семейные фото целы, я их сам видел, но переслать их Вам Л. не дает. Вот насчет отца он тоже упрямится. Сам Л. пока не может Вам писать, я с ним об этом много говорил. И знаете, что я думаю, что Вам ему не следует больше писать, тем более так, как это вы делаете последнее время. Вашу просьбу нажать на него я исполнил, он чуть ли не во сне стал Вас видеть, а с другой стороны, как видите, нажим кое-что дал, хотя не очень приятное. Я должен Вас немного поругать и просить не писать мне больше на конверте два адреса, думаю, что подробно писать о причинах этого не стоит. Кстати, т. к. я недавно окончательно переехал туда, куда уже писал, то мне теперь удобнее получать письма на 19-ое почтовое отделение. Пишите теперь на этот адрес. Посылаю вам немного газет: «За индустриал.» – 5 шт. «Легк. индустр.» – 3 шт.

У меня дела идут ничего, работаю много. Последнее В[аше] письмо о загрузках и о процветании долго заставляло меня задумываться, но, к сожалению, «факт на лице», а я ничего не вижу. Может быть, Вы пишете [так в тексте – Е. С.] более подробно, особенно о краях, где когда-то бывал и где много знакомого.

Я сейчас занимаюсь гимнастикой, II-ой разряд уже за плечами.

Ну, желаю всех благ, пишите чаще. Крепко жму Вашу смелую лапу.

Всегда Ваш С.

²⁹ Имеется в виду Ирина Францисковна Пеллингер, жена Бориса Солоневича.

³⁰ Л. – личность не установлена.

В. – Борису Солоневичу. Письмо от 01.02.1937.

Мой дорогой!

Посылаю тебе письмо бабушки. Думаю, что оно будет много убедительнее моих попыток в чем-либо убеждать тебя. / Выполняю и вторую просьбу, послала тебе бандеролью журналы различные и спортивную газету.

Я сейчас каникулы провожу в Киеве у Жени. Думала несколько рассеяться, но мало помогает. Очень грустно, что ты не выполняешь своего обещания, не поддерживаешь и налаживаешь нашей переписки, более регулярной, нежели сейчас и забыл, вероятно, прислать фото свое. / Очень хочу, чтобы вспомнил свою белобрысенькую и поторопился с ответом. / А для того, чтобы на душе у тебя стало несколько светлее, я крепко мысленно прижимаю лохматую, волчью голову к своему сердцу, и говорю тебе на ушко: «Я по-прежнему твой верный маленький друг и заботливая сестренка!»

Целую нежно и сочувственно.

Твоя В.

[Приложен фрагмент письма]

В.П.!

Из-за его журнальных статей его жена вновь уехала путешествовать на целых три года в Прикамчатскую часть Охотского моря для исследования Ногайской бухты и северо-восточных берегов Азиатского материка.

Детей оставила на руках бабушки, у которого они и живут. / Дети растут нормально, здоровы, учатся хорошо, но родителей не вспоминают.

Убедите его, что наибольшим благом для его семьи и лучшей заботой его о ней было бы, чтобы он, после содеянного им <...>

**Беседа Рудольфа Вальдена с премьер-министром
21 февраля 1940. Перевод с финского
Национальный архив Финляндии.
Фонд Карла Рудольфа Вальдена (F 122/4)**

Договорился с премьер-министром, что русские офицеры, принятые в организацию Бажанова³¹, получают те же прибавки к пенсиям, что и наши граждане.

³¹ Бажанов Борис Георгиевич (1900–1982) – представитель военной организации Российского эмигрантского союза. Бывший секретарь И. Сталина, бежавший в Иран в 1928 году из командировки в Средней Азии.

Именной указатель

- Алберг Я. 165
Алданов М. 61
Александр I 62
Алексеев В. А. 34
Алексеев М. П. 26
Андреев Л. Н. 48, 94, 153, 165
Ахматова А. А. 95
Ахокас Я. 184
Асикайнен Э. 226
- Бабенко Н. А. 32
Бабушкин М. С. 82
Багратион 163
Бажанов Б. Г. 70, 238
Базанов П. Н. 9
Бакунин М. А. 10
Барышников В. Н. 53, 54, 57, 59
Барышников Н. И. 53, 54
Бастамов В. В. 235
Батуев 235
Башмакова Н. 10
Безыменский А. И. 80, 81
Белый А. 159, 179
Бенуа А. Н. 71
Берберова Н. 71
Бергрут К. 190
Бессонов Б. И. 87
Бессонов Г. Д. (Ю. Д.)
26, 42, 86–97, 121, 197, 223
Бессонов Д. И. 88
Блок А. А. 149, 151, 176, 177
Булгаков М. А. 15, 164
Булич В. С. 25, 100
Буксгевден В. А. 64
Бунин И. А. 61
- Ваара Э. 169–171
Вала К. 56, 57, 168–170, 172,
183–196
Вала Э. 169–171, 175
Вальден Р. 64, 65, 70, 238
Валтари М. 169
Варакса А. Н. 7, 8
Веннервирта С. 166
Веригин С. Г. 54
Вилкман (Вилкама) О. 92
Вишнянен Л. 169, 170, 172–175,
183
Виттенберг С. Э. 53
Вихавайнен Т. 54, 77, 78
Владимир Кириллович
(Вел. кн.) 67
Волошин М. 149
Воронин И. П. 9, 14
Воскресенская Т. В. (См. Пше-
возная)
Воутилайнен В. 53
Вуолиёки Х. 165
Вянскя Н. 226
- Гамсун К. 71
Гарднер В. Д. 25
Гете И. 158, 160
Геринг Г. 70
Гиппиус З. Н. 71
Гитлер А. 21, 22, 70–73, 160, 182
Гоголь Н. 11, 179
Головин Н. Н. 176
Гориновский 32
Горький А. М. 87, 95, 152–153,
163

- Грабовский С. А. 225
Графтио Г. О. 220
Грибоедов А. С. 13, 163
Григорков Ю. А. 53
Гумилев Н. С. 15, 95
Гусев-Оренбургский С. И. 165
- Деникин А. И. 15, 76, 98, 227
Дизеринк Г. 25
Добровольский С. Ц. 233
Доннер А. 146
Доннер Э. 146
Доннер-Солоневич И. 16, 146–148
Достоевский Ф. М. 119, 151–153, 172–175
Дьяков И. 9–10
- Елисеев С. М. 7
Есенин С. А. 152, 176, 178
Жданов А. А. 68
Зайцев Б. К. 61
Зоценко М. 13, 152, 153, 163
- Ибсен Г. 158
Иванов-Патрика П. Л. 42, 43, 218, 219
Ильин И. А. 7, 8, 10, 11, 19–21, 149
Инбер В. М. 191–193
Исмагулова Т. Д. 14, 15
Йокиппи М. 54
Кайлас У. (Салонен Ф. У.) 80, 82, 169, 170, 175
Калима Я. 165
Калиновский 32
Каллио К. 58
Карху Э. Г. 156, 167, 172
Каява В. 164, 171
- Каяндер А. 58
Кекконен У. 62
Кианто И. 165
Киви А. 170
Кивимаа А. 169, 172, 187
Кипарский В. 10, 95
Киплинг Р. 87
Клюев Н. А. 152
Кокко 217
Кокто Ж. 71
Колихалова Н. Г. 159
Кольберг А. Н. 233
Кольберг П. 233, 234, 235
Кольцов А. В. 152
Кольцов М. Е. 99
Корнилов Л. Г. 98
Короленко В. Г. 166
Коскенниemi В. А. 156–160, 164
Кропоткин П. А. 10
Кувонен 217
Кумпу 217
Куприн А. И. 53, 93, 147, 157, 163
Курпатов Л. Е. 53
Курпатова-Хольмстен О. 53
Кутузов М. И. 163
Куусинен О. В. 59
- Л. 236
Лайдинен Э. П. 54
Лайтинен К. 171
Лайцен Л. 147
Леваневский С. А. 82
Лейконен (Лейгонен) 203
Лейно Э. 143, 170
Лейнонен М. 10
Ленин В. И. 13, 24, 78–79, 182
Лесков Н. С. 104
Лившиц 53, 65, 66

- Линд 64
 Линдквист Р. 166
 Литвинов М. М. 58
 Лифарь С. 71
 Лобачевский Н. И. 122
 Ломоносов М. В. 151, 152
 Лютер М. 181
- Макуров В. Г. 54, 61
 Мальсагов С. (Малзагов) 26, 86–88, 97, 98, 99, 223
 Мальчукова Т. Г. 9
 Мальбродский Э. 87–88
 Мамин-Сибиряк Д. 166
 Манн Т. 159
 Маннергейм К. Г. 23, 55, 57, 58, 61, 62, 64, 65, 67, 73, 75, 76, 82, 84
 Маринетти Т. 71, 177
 Мартинелли А. Я. 223
 Маяковский В. В. 176–178
 Мейер Г. 151, 152
 Мережковский Д. С. 21, 61, 71
 Мерецков К. А. 68
 Миналайнен 217
 Миллер Е. К. 88, 235
 Михайлов Н. П. 19
 Молер А. 71
 Молотов В. М. 57, 58, 78
 Муссолини Б. 21, 71, 181, 182
 Мустапя П. 169
- Назаров М. В. 8, 72
 Наполеон 115, 163
 Невакиви Ю. 23, 24
 Никандров Н. 7, 14
 Никитин И. С. 149, 150
 Никитин С. 16, 229
 Нилов В. 9
- Ницше Ф. 158, 159, 172–174,
 Ноай А. 184
- Остроумова-Лебедева А. П. 147
- Пааволайнен О. 169, 171, 175–183
 Паасикиви Ю. 55, 57
 Палола Э. 99
 Пальмгрен Р. 171
 Паунд Э. 71
 Пеллингер И. Ф. 15, 17, 43, 141, 142, 236
 Петр I 62, 154
 Пильняк Б. А. 193
 Пимия И. 169
 Плавинский Н. И. 50
 Платонов А. П. 164
 Плевицкая Н. В. 235
 Поливанов П. С. 166
 Приблудин В. 87, 89
 Пушкин А. С. 9, 52, 151, 152, 175
 Пшевозная (Воскресенская, Солоневич) Т. В. 16, 19, 28, 30, 31, 47, 74, 136, 226, 228, 229, 231, 232
 Пшевозный Б. 16
- Раев М. И. 8
 Расила В. 23
 Рахманинов С. В. 61
 Ренников А. М. 29, 32, 231
 Решин И. Е. 147
 Рерих Н. К. 94, 143
 Риббентроп И. 57
 Родионов И. А. 166
 Розанов В. В. 10–13, 149
 Розанов М. 95
 Розенберг А. 153

- Роллан Р. 87
 Роом А. М. 136, 140
 Рылов А. 147
 Рюти Р. 64, 65, 70
 Рясанен И. 217
- С. 236
 Сааренхеймо К. 194
 Савин (Саволайнен) И. И. 25, 99
 Сазонов М. Г. 87, 88, 91
 Салонен Ф. У. (См. Кайлас У.)
 Сараяс А. 156
 Сатклифф Е. 58
 Северянин И. В. 149
 Семенов Ю. Ф. 230
 Семиряга М. И. 53, 54, 60, 62, 77
 Синерво Э. 171
 Скиталец Т. 152
 Скоблин Н. В. 235
 Случевский К. К. 140
 Смолин М. Б. 14
 Сойни Е. В. 142
 Сойни Ю. 193
 Солженицын А. И. 87, 88, 104
 Солоневич Б. Л. 10, 15–19, 22, 25–29, 31, 40–43, 51, 86, 106, 112–114, 116, 117, 124, 126–135, 137, 138, 141, 197–198, 217–226, 229, 231, 232, 236, 237
 Солоневич И. Л. 7–16, 18–22, 25–40, 43–53, 62, 66, 70, 80, 82–86, 102–124, 127, 131–135, 137, 138, 140, 148–160, 162–164, 167, 168, 174, 175, 180, 182, 195–216, 226–235
 Солоневич Л. М. 14, 15, 226, 232
 Солоневич Т. В. (См. Пшевозная)
 Солоневич Ю. И. 10, 15, 16, 18, 19, 22, 25, 27, 28, 49, 51–53, 70, 75, 86, 107, 111–113, 117–119, 121, 122, 124, 125, 132, 135–146, 148, 197–199, 215, 226, 228–232
 Солоневич (Ярускевич) Ю. 226
 Сошина А. 86
 Стакельберг (Штакельберг) Р. А. 64
 Сталин И. В. 13, 54, 58, 59, 61, 66, 68, 70, 72, 76, 77, 79, 82, 83, 116, 182, 203
 Станюкович К. М. 166
 Степняк-Кравчинский С. М. 165, 166
 Стриндберг А. 158
 Струве П. Б. 19
 Суворин А. С. 12
 Суворов А. В. 79, 163
 Суоранта К. К. 184, 185
 Сургучев И. 71
 Суунта А. 187
 Таркиайнен В. 166
 Тиме Г. А. 26
 Тихомиров Л. 8, 9
 Тихонов Н. 81
 Тойвонен 217
 Толстой Л. Н. 10, 11, 151, 154, 156–162, 167, 174
 Томас 70
 Туртиайннен А. 171
 Тухачевский М. Н. 82
 Тхоржевский И. И. 60
 Тютчев Ф. И. 149, 150
 Уайт 234
 Унишевский В. О. 82
 Успенский Д. В. 115, 116

- Федоров В. Г. 53, 54
Ферранте 187
Фейхтвангер Л. 87
Форсель О. 173, 183
Франс А. 87
- Халла О. 169
Хемингуэй Э. 90
Хентиля С. 23, 24
Хирвонен 234
- Чебышев Н. Н. 231
Чернавин А. 48, 99, 100
Чернавин В. В. 48, 99, 100, 234
Чернавина Т. В. 26, 44, 48–50, 86, 96–101, 113, 118, 121, 197
Черный С. 13, 152, 163
Чехов А. П. 153, 165
Чистяков К. А. 7, 9, 10, 14
Чуковский К. И. 147
- Шенберг 91
Шенгинский Д. В. 225
Ширяев Б. Н. 72
Шмелев И. С. 71, 72
Шпенглер О. 175, 181
Штрик-Штрикфельдт В. К. 160, 161
- Эйхманс Ф. И. 98, 223
Эренбург И. Г. 163, 179
Эркко Э. 53, 58–60
Эрнст С. 15
- Юльхя Ю. 169
Юссила О. 23, 24
- Ягода Г. Г. 116
Якобсон М. 54, 58
Ярнефельт А. 167
Яскеляйнен Л. 167
- Ahokas J. 171, 184
Andrejev L. 165
Baschmakoff N. 10, 46
Bessonov G. 96, 97
Donner-Solonevich I. 16, 147
Edfelt J. 183
H.M. [Murrik, Wuolijoki] 165
J.A. [Alberg] 165
J.C. [Calima] 165
J.S. 233–235
Jääskeläinen L. 168
Kiparsky V. 10
Kailas U. 81, 170
Koskenniemi V.-A. 157–160, 164
Leinonen M. 10, 46
Laitinen K. 171
Paavolainen O. 177–182
Pennanen J. 188
Rodionov I. A. 166
Schönberg 92
Sarajas A. 156
Sky 96, 97
Stepnjak S. 166
Suoranta K. 184, 186
Saarenheimo K. 185, 194
Tšhervavin T. 48, 99, 100
V.T.[Tarkiainen] 166
Viljanen L. 174
Vala E. 170, 171
Vala K. 57, 169, 170, 184–195
Walden R. 65, 70
Wuolijoki H. (См. H.M.)

Научное издание

Елена Григорьевна Сойни

СОЛОНЕВИЧИ И СЕВЕР

Финляндская проблематика в литературном наследии
Солоневичей и важнейшие черты публицистики
Финляндии 1930-х годов

*Печатается по решению Ученого совета Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН*

Использованы иллюстративные материалы из книг:
И. Солоневич. Россия в концлагере. Вашингтон, 1958.
Inga Donner-Solonevich. Liekki Pimeässä. Suom. Soile
Eskelinen. Porvoo; Helsinki; Yuva, 1988.
В. Чернавин, Т. Чернавина. Записки вредителя.
Побег из ГУЛАГа. СПб.: «Канон», 1999.

Художественное оформление обложки – Елизавета Сойни

Редактор *М. А. Радостина*
Оригинал-макет *Е. Е. Давыджова*

Сдано в печать 25.12.10. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Bookman.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 9,2. Усл.-печ. л. 13,6.
Изд. № 130. Тираж 500. Заказ 930

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50